

АЛЕКСАНДР
МАЗИН

АННА
ГУРОВА

**МОЙ ДРУГ
ТРОЛЛЬ**

Малышка и Карлссон

Александр Мазин

Мой друг тролль (сборник)

«Автор»

2005-2012

Мазин А. В.

Мой друг тролль (сборник) / А. В. Мазин — «Автор»,
2005-2012 — (Малышка и Карлссон)

ISBN 978-5-17-090061-9

Ее зовут Катя. Ей семнадцать. Она приехала в Питер из Пскова поступать в университет. Его зовут Карлссон. Его возраст неизвестен. Он ловит руками голубей, знает староанглийский язык и умеет лазать по вертикальным стенам. Сначала она думает: он – киллер... Потом: он – сотрудник некоей секретной службы... Действительность оказывается намного страшнее. И намного интереснее...

ISBN 978-5-17-090061-9

© Мазин А. В., 2005-2012

© Автор, 2005-2012

Содержание

Малышка и Карлссон	6
Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	29
Глава седьмая	32
Глава восьмая	38
Глава девятая	42
Глава десятая	46
Глава одиннадцатая	50
Глава двенадцатая	57
Глава тринадцатая,	61
Глава четырнадцатая,	65
Глава пятнадцатая	73
Глава шестнадцатая	76
Глава семнадцатая	80
Глава восемнадцатая	85
Глава девятнадцатая	89
Глава двадцатая	94
Глава двадцать первая	97
Глава двадцать вторая	105
Глава двадцать третья	112
Глава двадцать четвертая	115
Глава двадцать пятая,	124
Глава двадцать шестая,	127
Глава двадцать седьмая	136
Глава двадцать восьмая	145
Глава двадцать девятая,	149
Глава тридцатая,	153
Глава тридцать первая	158
Глава тридцать вторая,	161
Глава тридцать третья,	167
Глава тридцать четвертая «Карлссона убили!»	171
Глава тридцать пятая	173
Глава тридцать шестая	179
Конец ознакомительного фрагмента.	181

Александр Мазин, Анна Гурова

Мой друг Тролль

© Александр Мазин, 2008, 2011

© Анна Гурова, 2008, 2011

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Малышка и Карлссон

Пролог

Скрипнула оконная рама, затем раздался негромкий шлепок об пол, еле слышный. Спрыгнувший с подоконника был нечеловечески ловок.

За окном было темно. Ночь.

В квартире еще темнее, но влезший в окно в свете не нуждался.

Тот, к кому он пришел, – тоже.

– Я здесь, – раздалось из глубины квартиры.

Пришедший пересек комнату и вышел в коридор. Ему пришлось наклониться, чтобы не задеть притолоку.

Хозяин ждал в соседней комнате.

– Принес? – спросил он.

– Нет, – гость опустил на корточки. Теперь его глаза были на одном уровне с сидящим на диване хозяином.

– Почему?

– Это не та.

– Я решаю, та это или не та, – негромко произнес хозяин.

– Ты сам сказал: светловолосая девица, юная, не старше двадцати, а этой почти тридцать, и волосы крашенные.

– Ты уверен?

– Я видел тело. Близко.

– Насколько близко?

– Близко. Я принес тебе волосы.

– Мне не нужны волосы мертвой девушки, – недовольно произнес хозяин. – Мне нужен след.

– Это большой город, – проворчал тот, кто пришел. – Здесь каждый день умирает множество людишек.

– Юная девица со светлыми волосами, – сказал хозяин. – Разве таких много среди свежих мертвецов?

– Среди живых – больше, – тот, кто пришел, облизнул губы.

– Живых оставь мне, – отрезал хозяин.

– Я голоден, – напомнил гость.

– Я тоже, – холодно произнес хозяин. – Иди. И принеси то, что мне нужно. Ты будешь вознагражден.

Гость поднялся и бесшумно выскользнул из комнаты.

Хозяин посмотрел в запыленное окно. Там было темно – белые ночи наконец кончились. Хозяин не любил белые ночи. Особенно те, которые приходились на солнцеворот.

Глава первая

О том, как Катю предали партизаны

Как-то утром один шотландский тролль спустился к озеру – поискать утопленника на завтрак. Но вытянул вместо утопленника золотую рыбку.

– Отпусти меня, тролль, – просит рыбка. – Отпустишь меня – будут тебе три желания.

Поглядел тролль на рыбку: мелкая, да вдобавок еще металлическая. Только зубы портить... И выбросил ее обратно в озеро.

– Эй! – кричит из озера рыбка. – А три желания?

Троль брюхо почесал, подумал.

– Ну, – говорит, – ты совсем обнаглела! Ладно, загадывай!

Катя почему-то ожидала, что экзаменаторов будет не меньше пяти человек, однако экзамен принимали всего двое: тетка средних лет с худым замученным лицом и какой-то чернявый парень – наверно, аспирант или вообще старшекурсник, который с ходу обозвал Катю «куколкой», непрерывно ей подмигивал, а принимая экзамен, только что ноги на стол не клал. Вступительный экзамен по истории России и СССР проходил в административном корпусе Педагогического университета имени А. И. Герцена, огромном, сумрачном старинном здании. В аудитории сидели, готовясь, человек пять, остальные психовали в коридоре.

Катя зашла, почти не нервничая, поздоровалась, назвала фамилию.

– Тебе сколько лет, куколка? – весело спросил чернявый, отмечая ее в списке.

– Семнадцать, – буркнула Катя. – Там же написано.

Собственная внешность (а Катя была изящной миниатюрной блондинкой) создавала девушке массу проблем.

Одно дело, когда тебе тридцать, а ты при этом маленькая, белая и пушистая, и совсем другое – в семнадцать выглядеть на пятнадцать...

«В следующий раз скажу „десять“, – подумала она. – Пусть удивляются, какая я умная для своих лет».

– Тяните билет, Малышева, – утомленно сказала тетка.

Катя вытянула, прочитала вопрос и опешила. «Партизанское движение в 1941–1945 гг.».

«Мы же этого не проходили!» – едва не вырвалось у нее, но в последний момент она сдержалась и молча пошла на свое место.

«Ну я и влипла, что за невезение!» – молча возмущалась она, рисуя бессмысленные закорючки на листе черновика. Как можно вообще включать в экзаменационные билеты вопросы, которых не было в учебнике? А если и были, то исключительно «почитать для общего ознакомления». Вот и почитали. Теперь Катя сидела и мучительно вспоминала все, что когда-либо в своей жизни слышала о партизанах. Выяснялось, что слышала немного. Жили в лесу. Нападали на тылы врага. Враги их ловили и вешали. Из конкретного – всё, пожалуй.

Самое обидное, что историю ВОВ Катя знала очень хорошо. Могла в подробностях рассказать и про «блицкриг», и про наступление 42-го, и про контрнаступление 43-го, и про «ни шагу назад», и про «десять сталинских ударов», про что угодно... а проклятые партизаны как-то выпали.

Какой идиот вообще придумал сделать вступительным на иняз историю? Кому она нужна? Почему, в таком случае, не физику или ОБЖ? Зачем ей, будущему переводчику, знать основные методы партизанской войны в лесистой части СССР? На ум не приходило ничего, кроме дурных анекдотов: «Как это – война тридцать лет как кончилась?»

А чьи же тогда паровозики мы под откос пускаем?..»

Катя, выждав момент, когда на нее никто не смотрел, обернулась к соседу, русокудруму толстячку в футболке с жизнеутверждающей надписью «Shit happens»:

– Партизанское движение, хоть что-нибудь!

Парень посмотрел на нее круглыми голубыми глазами, подумал и выдал:

– Чем дальше в лес, тем толще партизаны.

Катя с возмущением отвернулась, прошипев: «Придурок!» Сосед, довольный своим остроумием, захихикал.

– Малышева, вы готовы? – спросили из комиссии.

– Еще минутку, – выдавила Катя, покрывшись холодным потом.

– Вспомнил – Робин Гуд! – послышался шепот остроумца. Катя сначала не поняла, о чем он. Потом, уничтожив его взглядом, подумала и написала на листке: «лесные засады» и «жестокие казни».

– Герильяс! Че Гевара! – шипел сзади кудрявый, продолжая издеваться. Впрочем, может, он искренне хотел помочь. С глубоким вздохом Катя написала «герильяс». Ниже добавила: «„Свобода или смерть!“ – типичный партизанский девиз».

– Девушка, ваше время вышло!

Катя пошла к столу экзаменаторов, как на казнь.

«Главное – не молчать, – думала она, – говорить что угодно, только никаких пауз!» Во всяких памятках для абитуриентов писали, что нельзя говорить «не знаю», надо «затрудняюсь ответить» или «этот вопрос настолько сложен, что не имеет однозначного ответа»... Вспомнив еще одну рекомендацию для абитуриентов – «если не знаешь заданного вопроса, отвечай на тот, который знаешь», Катя откашлялась и уверенным голосом начала издали:

– Партизанское движение. 22 июня 1941 года гитлеровская Германия напала на СССР. Германским командованием была разработана концепция «блицкриг», или «молниеносная война», предполагающая захват СССР в течение двух недель...

Минуты три Катя красочно, со множеством подробностей описывала события первых недель войны. На четвертой минуте тетка очнулась и сказала:

– Ближе к теме.

– Да. Вот такие планы были у немецкого командования. Но поскольку они сорвались по вышеуказанным причинам, то война перешла в затяжную фазу. Тогда и возникло партизанское движение...

Катя перевела дух и отважно бросилась в омут:

– Партизанское движение существовало во все времена и во всех странах мира. Традиции партизанского движения уходят корнями в далекое Средневековье – достаточно вспомнить такую полулегендарную личность, как Робин Гуд... Само слово «партизан» имеет французское происхождение. А, например, в Латинской Америке партизан называли «герильяс»...

– Ваш вопрос – партизанское движение в СССР, а не в Латинской Америке, – строго заметила тетка, которая, кажется, заподозрила неладное. Катя в отчаянии пустилась в абсолютную лирику:

– Обросшие, бородатые воины наводили страх на регулярные части вермахта, пуская под откос поезда, взрывая мосты, устраивая засады на лесных дорогах... С ними безжалостно расправлялись...

Чернявый экзаменатор глянул на Катин черновик и мерзко ухмыльнулся.

– Ну хорошо. В лесах – засады, я поняла, – терпеливо произнесла тетка. – А что из себя представляло партизанское движение в центральной и южной частях СССР?

– Там его не было, – наугад лягнула Катя. – За отсутствием лесов.

– А как же «Молодая гвардия»? – удивилась тетка. – По литературе ведь наверняка читали?

– Мы ее сейчас не проходим, – нашлась Катя. – Она морально устарела.

Тетка обиделась за «Молодую гвардию» и несколько минут, приводя цитаты, доказывала, что это произведение вечное и что героизм не устаревает. Катя безропотно слушала и запоминала.

– А что вы можете сказать о партизанском движении в Крыму? – продолжала мучить ее тетка.

– Там было то же самое, что и на Кубани. Поскольку уходить было некуда, то молодежь создавала в городах подпольные организации...

– Нет, не то же самое! – Тетка, похоже, разозлилась. – Вы «Улицу младшего сына» читали?

– Да кто сейчас такие книги читает? – заступился за Катю парень.

– А почему бы и не почитать? Если только так можно заставить этих недорослей познакомиться с собственной историей?

– Их история – это «Человек-паук», – возражал чернявый. – В лучшем случае – «День независимости».

Тетка, морщась, отмахнулась от коллеги и сказала:

– Последний вопрос. Назовите основных лидеров партизанского движения.

– Великой Отечественной?

– Да, конечно!

– Как, всех лидеров?

– Ну, не всех. Только самых крупных.

– А из каких регионов? Лесных, степных?

– Слушай, не тани время, называй, кого помнишь, – дружелюбно сказал чернявый.

– Ну, на такой обширный вопрос трудно сразу дать однозначный ответ...

Катя морщила лоб, старательно изображая работу мысли. Но в памяти искать было нечего. Когда просят назвать имена, тут «герильясами» не отделаешься.

– Хоть одного назовите, – устало сказала тетка. – Одно имя, и я, так уж и быть, поставлю вам «три» за общую эрудицию.

«Как три?» – испугалась Катя. Она-то рассчитывала минимум на четверку. Она ведь так гладко отвечала, так много всего рассказала, ее так долго слушали...

– Ну?

Рука экзаменаторши потянулась к ведомости.

– Че Гевара, – быстро сказала Катя. Больше ни одного партизанского имени ей на ум не пришло.

В аудитории раздался жизнерадостный хохот. Смеялись все, кроме тетки. Та что-то писала в ведомости.

– Не знает вопроса, – равнодушно сказала тетка, передавая ведомость коллеге. – Абсолютно.

– Плывет, – согласился парень. – Ну что, на этот раз «неуд». Эй, ты чего, плакать собралась? Да ну, перестань! Это ж не конец света, в армию тебя не загребут, запишись на подготовительные курсы и приходи на следующий год...

Глава вторая

Катя попадает на вечеринку и знакомится с «Кровавой Мэри»

– Я нашел отличный способ напиваться на халяву, – говорит один тролль другому.

– Это как?

– Приходишь в гости к эльфам или людшкам и говоришь: «Что-то я нынче никак решить не могу: то ли выпить мне, то ли закусить?»
И все тут же бегут к тебе с дармовой выпивкой.

Катя вышла из аудитории, кусая губы; потом бродила по этажу, ожесточенно хмурясь и бормоча «наплевать»; долго смотрела бессмысленным взглядом в какое-то окно; и в конце концов, выйдя во двор, села на поребрик и тихонько заплакала.

Через некоторое время к ней подкатился давешний придурок.

– Наплюй на них! – заявил он. – Подумаешь – «неуд»! На договорное перекинь документы и не парься. А здорово ты их грузила! Че Гевара, это круто!

Катя подумала, что он издевается, но кудрявый толстячок говорил абсолютно искренне.

– Кончай реветь, короче! Пошли оттягиваться!

Парень Кате не нравился, но идея возвращаться в общежитие, собирать вещи и готовиться к отъезду домой ей нравилась еще меньше. Поэтому она сказала: пошли.

Спустя полчаса Катя уже шла куда-то в компании незнакомых и полужнакомых абитуриентов, которые шли нестройной толпой по Невскому, громко галдя и перегородив весь тротуар. Ядро компании составляла группа из пяти человек – две девчонки и три парня, как выяснилось бывшие одноклассники, поступавшие с гарантией, – из договорного класса. Для них сегодняшний экзамен был последним, и они могли уже считать себя зачисленными. Это дело они и собирались отмечать и приглашали всех желающих, каковых нашлось предостаточно. Всем было что праздновать. Кроме Кати.

Компания миновала Казанский собор и свернула налево, на канал Грибоедова. Возле Спаса на Крови свернули еще раз, зашли в супермаркет и накупили всякой всячины. В пешеходной зоне на Малой Конюшенной компания остановилась у роскошной кованой решетки. Кудрявый остроумец – его, как выяснилось, звали Сережа – набрал код на замке, и будущие студенты, проникнув во двор, столпились перед тонированной стеклянной дверью. Сережа открыл ее своим ключом и с поклоном предложил всем заходить.

– Обувь снимайте при входе! Тут как в Японии! – крикнул он.

Катя слегка растерялась. Она думала, что они идут к кому-то в гости, но то место, где они оказались, меньше всего напоминало квартиру в традиционном смысле слова. Это было только что отремонтированное, совершенно пустое полуподвальное помещение. Все стенки в нем были зеркальными, а пол устлан серым войлоком. Потолок был, как созвездиями, усеян крошечными лампочками. Под потолком виднелись узкие окна, за которыми мелькали ноги прохожих. В подвале царил загадочный полумрак.

«Может, так живут питерские богатеи?» – подумала Катя. Она была заинтригована. Как там называется этакое богемное жилье без мебели и внутренних стен – студия?

Гости разбрелись по подвалу. Почти никто не заинтересовался интерьером. Гораздо больше всех занимало содержимое пакетов с едой и выпивкой.

– Это ваш дом? – преодолев смущение, спросила Катя у Сережи.

– Ну ты сказала! – развеселился Сережа. – Дом! Офис здесь будет. Или бутик. У меня отец занимается субарендой недвижимости. Вот доделает ремонт – и сдаст.

– Теперь уже не сдаст, – сказал кто-то, – потому что завтра тут останутся только живописные руины.

– Только попробуйте! – всполошился Сережа. – Эй, слышите меня все! Чтобы ни одной царапины! На пол не плевать, ничего не ронять и не проливать! Наташка, ты совсем ошизела – хлеб на газетке режь! Курить на улице, окурки перед входом не бросать!

Вскоре девчонки накрыли «стол» – как в турпоходе, расстелили газету и заставили ее пластиковыми тарелочками с нарезкой, овощами, банками с консервами и прочей снедью. Выпивки тоже было припасено немало, самой разной, от водки до мартини.

– Ну чё, за экзамен! – объявил первый тост Сережа.

У Кати мгновенно испортилось настроение. Пить, есть и вообще участвовать в чужом празднике жизни ей сразу расхотелось. Она сидела на мягком полу, рассматривала веселящихся абитуриентов и думала о своем мрачном будущем.

«Им хорошо, – думала Катя. – Они, считай, уже поступили. Будут вместе учиться, ходить друг к другу в гости, передружатся, будут влюбляться друг в друга. А я тут в первый и последний раз. Завтра соберу вещички – и домой, в Псков».

Может быть, еще не поздно подать документы в Псковский педагогический. У мамы там, кажется, даже были знакомые. Катя как наяву увидела здание института – коричневый пятиэтажный колосс в стиле «провинциальный сталинский ампир» с памятником «Ленин, швыряющий кепку в реку Пскову» перед главным входом. В Псковский педагогический пошли многие ее одноклассники – те, что без особых амбиций. Не самое плохое учебное заведение. Мама его заканчивала. Но мама же с девятого класса настраивала дочку на то, что Псков для нее, такой способной и умной, тесен и убог; что она обязательно должна учиться в Петербургском университете.

Мысли о Пскове вызвали в Катиной душе прилив ярости. Нет, куда угодно, только не домой. Позорище-то какое, на всю оставшуюся жизнь! Вернуться – значит расписаться в том, что неудачница. Мама будет ужасно разочарована. Зачем, скажет, на курсы английского тебя отдавали, да еще на такие дорожные. А папа, наоборот, одобрит – ну и молодец, нечего тебе делать в Питере, сиди-ка ты под крылышком у родителей.

Катя поступит в местный пед, пойдет учительницей в школу, выйдет замуж и будет пахать, как родители, год за годом, до самой смерти... Стало так обидно, что слезы навернулись на глаза.

– Правильное образование – это девяносто процентов жизненного успеха! – заявила безапелляционным тоном какая-то девчонка, перекрывая шум болтовни.

– Иняз – лучший факультет Герцена, – заметил кто-то.

– Не лучший, а единственный более или менее приличный, – пренебрежительно бросила девчонка. – Хотя английский будем знать. А уж с английским я не пропаду.

Катя присмотрелась к говорившей. Это была темноволосая, кареглазая, довольно красивая девушка, которая казалась старше, чем прочие ребята, – может быть, из-за манеры вести себя или одеваться. Особенно Катю поразили ее сапоги: леопардовые, на золотистых шпильках, украшенные свисающими с голенищ цепочками.

– Это кто? – шепотом спросила она Сережу.

– Лейка, из нашего класса, – ответил он, глянув на брюнетку.

Девушка со странным именем Лейка тем временем распространялась о том, как трудно нынче найти хорошую работу, особенно выпускнику педагогического института.

– Не в школу же, в самом деле, идти! – с глубокой убежденностью воскликнула она.

Такой неприкрытый цинизм насмешил Катю, хотя она тоже после иняза преподавать – во всяком случае, в школе – не собиралась.

– А я видела вчера в «Макдоналдсе» такую газету – «Карьера», – заявила круглолицая темноглазая девочка, сидевшая напротив Кати. – Я заглянула – там полно отличных вакансий...

– Искать работу через газету или Интернет – это для лохов, – возразил длинный парень с другого конца стола. – Я вот слышал про рекрутинговые агентства. Отправляешь туда свое резюме, садишься и ждешь.

– Только его надо правильно составить. Это целая наука – составлять резюме! – с жаром подхватила темноглазая девочка и начала рассказывать о том, как составлять резюме. Кате показалось, что она где-то это уже читала, причем совсем недавно.

– Все это ерунда – собеседования, конкурсы, резюме, – отрезала Лейка. – Нормальную работу находят только через знакомых. А в нормальную фирму не берут с улицы. Так что обзаводитесь связями.

– А вы не знаете, на какую работу может рассчитывать человек без образования? – неожиданно спросила Катя.

На мгновение все замолчали.

– Я решила пойти на подготовительные курсы, – пояснила она, застенчиво улыбаясь Лейке и темноглазой девочке. – И одновременно устроиться на работу.

– Это та, которая сегодня про Робин Гуда бредила, – громким шепотом сообщил кто-то на дальнем конце стола.

Катя покраснела.

Лейка несколько секунд разглядывала ее, словно диковинное насекомое.

– Ты иногородняя, что ли?

– Из Пскова.

– А жить ты где будешь? У родственников?

– У меня тут родственников нет.

– Папа квартиру купит?

Катя отрицательно покачала головой. Если бы у папы были такие деньги, он бы в первую очередь заплатил этой тетке из комиссии. Хотя нет, не заплатил бы. Папа у Кати принципиальный.

Катя в глубине души подозревала, что он считает: женщин образование только портит.

– Пусть поступает сама, если приспичило, – сказал он, еще когда мама намекала насчет знакомств в Псковском педагогическом. – Мы сами поступали, и она поступит.

– Но сейчас же совершенно другое время, – говорила мама. – Без денег никуда...

Вот поэтому Катя не стала даже пытаться поступить в универ. А что толку?

– Я сама сниму квартиру, – заявила она.

Лейка смотрела на Катю, как на дурочку:

– А деньги откуда возьмешь?

– Я же говорила – устроюсь работать.

Лейка покачала головой:

– Без образования? Ну-ну. Кем? Контролером в троллейбус?

– Лучше спонсора себе найди, – дружески посоветовал длинный парень, с интересом поглядывая на Катю. – Как же так – чтобы такая красивая крошечка, и без спонсора? Вон, моя сестра рассказывала, что ее подругу один мужик всё в Москву с собой звал – квартиру обещал купить и турфирму...

– А турфирму-то зачем?

– А чтобы не скучала. Сидит девушка дома целыми днями, скучает, всякие мысли появляются легкомысленные...

– Да это он так, обещал... – с оттенком легкой зависти заметила Лейка.

– Она сама отказалась. Этот спонсор, говорит, женатый был. В общем, не перспективный...

– Ты знаешь, сколько стоит сейчас в Питере снять квартиру? – перебила его Лейка, снова обращаясь к Кате. – А какая зарплата у кондуктора?

– Почему обязательно кондуктора... – неуверенно сказала Катя и задумалась.

Лейка тоже задумалась.

– Эй, никто не сдает комнату дешево? – вдруг громко спросила она.

Никто не отозвался – все были заняты своими разговорами.

– Ступай ко мне жить, – предложил вдруг длинный парень. – Почти бесплатно... не считая денег, ха-ха.

– Сережка, у тебя же отец недвижимостью занимается, – не сдавалась Лейка.

– Да ты что! – испугался Сережа. – У него только офисы от ста квадратных метров...

– Не надо, – уныло сказала Катя. – Я сама найду, по объявлению.

– Никого не слушай, все будет ништяк, – подбодрил ее Сережа. – Хватит тут сидеть как на похоронах. Мартини хочешь?

Остаток вечера запомнился Кате не очень хорошо. Болтали, пили и ели, ходили за добавкой; на обратном пути кто-то пытался нырнуть в канал Грибоедова, ныряльщика ловили за штаны, и всем было очень весело. Вернувшись, пытались устроить танцы, но большинство парней напились настолько, что с трудом стояли на ногах.

Потом снова сидели на полу и, кажется, играли в «мафию». Захмелевшая Лейка, зациклившись на квартирном вопросе, учила Катю жизни:

– Запомни раз и навсегда – если отец купит тебе квартиру, ни в коем случае! ни за что! не прописывай туда никаких мужиков! А то они так и норовят! Только об этом и думают! Думаешь, ты им нужна? Так только дуры наивные считают. Нет, деньги папочкины!

В какой-то момент прибежал Сережа и сообщил:

– Вспомнил! Есть у папаши один офис. Абсолютно неликвидный, хотя и центр, окна на Невский. Пол кривой, стены кривые, потолок течет, а чинить нельзя, потому что мансарда, и надо менять всю крышу. Дом хороший, из старого фонда... Все квартиры ушли, а эта уже полгода висит, отец на нее рукой махнул. Сложил там какое-то барахло... Ну, там и жить можно. Плита, холодильник... По-моему, даже компьютер старенький стоял... Я скажу отцу, что ты платить не можешь. Но хоть присмотришь. Может, он тебя зачислит – офис-менеджером. Чисто номинально. Для уверенности, чтобы не просто девушка с улицы. Хотя воровать там вообще-то нечего...

– ...Какая хорошая девушка эта Лейка! – заплетающимся языком говорила Катя темноглазой.

Они стояли (темноглазая курила, а Катя просто стояла – за компанию) перед стеклянной дверью.

Полированные мраморные ступеньки были заплеваны и засыпаны окурками, но Сережа по этому поводу не высказывался, поскольку давно уже уснул в уголке прямо на полу. Несмотря на двенадцатый час, на улице было совсем светло. На бледно-голубом небе висела огромная яркая луна.

– Такое странное имя – Лейка...

– Вообще-то она Лейла, – уточнила темноглазая. – Но ее с первого класса Лейкой зовут. Все привыкли, и она тоже.

Темноглазая еще что-то говорила, но Катя ее перебила:

– Я говорю: хорошая она, ваша Лейка! Помогла мне найти жилье, абсолютно бескорыстно!

– Ха! – фыркнула темноглазая, качнулась, едва сохранив равновесие. – Бескорыстная! Будешь теперь сидеть сторожем на чердаке с дырявой крышей. А у Лейки, между прочим, своя

квартира есть, трехкомнатная, – продолжала темноглазая с откровенной завистью. – Она там сейчас одна живет – родители уехали! Небось к себе тебя жить не пригласила...

Потом Катя обнаружила, что на улице (надо же!) – все-таки стемнело!

Последнее воспоминание: всё, как в тумане, а из тумана голос толстого Сережи:

– ...А «Кровавая Мэри» делается так...

Глава третья

Катя просыпается в новом жилище и знакомится с «бандитом-целителем» по имени Карлссон

Однажды пасмурным утром девушка по имени Трутти-Корзинка-Со-Сладостями подошла к подножию полого холма в окрестностях города Ювяскюля и увидела там здорового красноногого тролля, ковыряющего в зубах кочергой.

Трутти-Корзинка-Со-Сладостями в смущении остановилась.

– Простите, – пробормотала она. – А разве здесь не эльфы живут?

– Жили, – прокричал тролль и сплюнул под ноги железную стружку. – А теперь тут офис.

Катя открыла глаза и увидела над собой потолок. Потолок нависал как-то неестественно низко. Так близко, что можно было рассмотреть все трещины, черные пятна плесени, отслоившиеся чешуйки мела и серые комья паутины. Из широкой трещины вылез мохноногий паук и побежал по потолку. Катя следила за ним, как зачарованная.

«Надеюсь, он не упадет мне на лицо», – промелькнула мысль.

Паук оправдал надежды. Он добежал до стены, располагавшейся по отношению к потолку под не-обычным тупым углом, забрался в гущу роскошной паутины и затаился. У паука начался рабочий день.

«Где это я?» – подумала Катя.

Голова соображала плохо, да и болела к тому же.

Не дома, это точно. Всё незнакомое: косой потолок, три окна в ряд, посередине – балконная дверь; паркет совсем разбитый, какой-то серый; на одной стене следы недоделанного ремонта, на другой – обрывки древних обоев. Большая пустая комната неправильной формы. Из мебели только стул, на котором висит ее одежда, и тахта, на которой и лежит Катя.

Все окна раскрыты. Стекла в них – закопченные до полной непрозрачности. Снаружи – обычный уличный шум: автомобили, шаги и голоса. Громкое курлыканье голубей.

«Я в Питере, – напомнила она себе. – Но это что за гадючник? И как я здесь оказалась? Кто меня сюда притащил? И, кстати, – кто меня раздел?»

Нет, раздевалась она вроде сама. Имеется такое смутное воспоминание.

Ничего себе, приключеньце! Такого с ней прежде не бывало.

Очень хотелось пить.

Катя вылезла из постели, поглядела на часы – около десяти утра. Поглаживая ноющую голову, Катя накинула рубашку и побрела на кухню. Напилась прямо из крана, потом подошла к окну и выглянула наружу. Снаружи было что-то вроде здорового балкона, широкого, длинного, огороженного каменным барьером и заляпанного голубиным пометом. Сами голуби тоже имелись в изобилии.

Когда Катя перелезла через подоконник, ближайшие вспорхнули и отлетели подальше.

Катя подошла к перилам. Собственно, это был не балкон, а просторная забетонированная площадка, часть крыши, огороженная примерно метровой высоты барьером из толстых столбиков с перилами. Слева – глухая стена, справа – панорама ржавых крыш: трубы, антенны, слуховые окна... А внизу – отвесный обрыв улицы, вернее широкого сверкающего проспекта, по которому нескончаемой рекой текли машины и пешеходы. При виде этой картины у Кати даже на некоторое время голова перестала болеть.

«Вылитый Монмартр!» – почему-то подумала она с восхищением, хотя во Франции, да и вообще за границей, ей бывать пока не приходилось. И внизу был не Монмартр, а самый настоящий Невский проспект. Тоже неплохо.

«Мансарда, – всплыло в Катиной голове. – Сережа. Офисы от ста квадратных метров. Всё, вспомнила. Я теперь здесь живу».

Соседа Катя заметила не сразу. Неудивительно. Он стоял довольно далеко, шагах в тридцати, на другом конце площадки. На нем был балахонистый спортивный костюм такого же желтовато-серого цвета, как каменные перила, стены и бетонное покрытие под ногами. И сам он был очень похож на кубышки-столбики ограждения. Такой же массивно-округлый толстячок небольшого роста.

Толстяк стоял совершенно неподвижно, вытянув вперед правую руку, вокруг него вились голуби... Всё ближе, ближе...

И вдруг – молниеносное движение – и одна из птиц оказалась в руке толстяка. Катя от удивления тихонько пискнула. Толстяк обернулся и тут же решительно направился к ней.

Катя слегка испугалась. Мужик был довольно-таки страшненький. Хоть невысокий, но широченный, с грубыми чертами лица и большой головой, вросшей в необъятные плечи. Он целеустремленно шел к ней, зажав в руке пойманного голубя.

Катя попятилась, опасливо отодвинулась от перил, словно опасаясь, что мужик сейчас схватит ее свободной рукой и скинет вниз...

Но толстяк не стал ее хватать, остановился в трех шагах и совершенно обыденно поинтересовался:

– У тебя соль есть?

Катя молчала. Ступор какой-то.

– У тебя соль есть, спрашиваю? – настойчиво, даже сердито повторил мужик.

– Я... не знаю, – проямлила Катя.

У толстяка было квадратное лицо, сплошь состоящее из массивных выступов: надбровных дуг, приплюснутого широкого носа, торчащих скул, тяжелого подбородка.

«Морда просит кирпича» – всплыла откуда-то поговорка, очень точно описывающая внешность ее собеседника. Создавалось впечатление, что, если взять кирпич и треснуть с размаху по этой физиономии, пострадает не физиономия, а кирпич.

– Как это – не знаешь? – удивился толстяк. – Что тут знать? Соль или есть, или ее нет!

Уши у него были маленькие, бесформенные, какие-то расплюснутые. Где-то Катя читала, что такие уши бывают у профессиональных борцов.

«Наверное, он спортсмен, – подумала Катя. – Бывший».

Очень похоже. Еще Катя слыхала, что все бывшие спортсмены в Питере – бандиты.

«Наверное, он бандит», – подумала Катя.

И почему-то сразу перестала бояться.

– Соль? – переспросила она. – Пошли поищем.

Только перелезая через подоконник, она увидела свое бедро в пупырышках гусиной кожи, Катя сообразила, что на ней – только рубашка, трусики и босоножки.

Толстяк на ее голые ноги не смотрел: очень ловко перемахнул через подоконник и остановился, оглядываясь. Его широкие ноздри смешно зашевелились.

– Соль, наверное, в шкафу, – сказала Катя и быстренько ушмыгнула в комнату.

Когда она, уже в джинсах, снова появилась на кухне, толстяк уже нашел соль и теперь с подозрением обнюхивал голубя. Услышав шаги, толстяк поднял голову.

– Будешь? – спросил он.

На изменения в Катиной внешности он внимания не обратил.

– Буду – что?

– Птицу есть будешь? – нетерпеливо спросил толстяк. Похоже, Катина заторможенность его слегка достала.

– Эту?

– Нет, фламинго из королевского парка!

Катя хихикнула. Ей вдруг стало смешно.

«А он прикольный!» – подумала девушка.

– Нет, не буду.

– Дело твое, – сказал толстяк.

– Я вас оставлю ненадолго, ладно? – вежливо попросила Катя.

Толстяк милостиво кивнул, и девушка выскользнула из кухни.

Вернулась она минут через десять, приведя себя в относительный порядок. Относительный, потому что голова разболелась еще сильнее, и в животе тоже было нехорошо.

«Никогда больше не буду пить водку!» – решила Катя. – В первый и последний раз!»

Толстяк-сосед сидел на подоконнике, скрестив ноги, и был очень похож на статуэтку Будды, которая стояла в спальне Катиных родителей. Только в отличие от Будды толстяк не улыбался.

Голубя он куда-то спрятал.

«Хоть бы он ушел», – подумала Катя.

Не то чтобы он был ей неприятен, но сейчас ей больше всего хотелось лечь и положить на лоб мокрое полотенце.

– Голова болит? – угадал толстяк.

– Угу, – сказала Катя. – Может, мы с вами как-нибудь в другой раз...

– Обязательно! – перебил ее сосед и протянул руку. Ладонь у него была шириной с лопату.

Катя тоже протянула руку... И тут толстяк сделал нечто совершенно неожиданное. Быстро лизнул собственную ладонь и накрыл ею Катино лицо. Целиком.

Катя опешила настолько, что даже не пыталась вырваться. Испугаться она тоже не успела – только ощутила влажное прикосновение. Толстяк держал ее не больше пары секунд. Потом отпустил, растопырил толстые пальцы, дунул на ладонь: ф-фух!

И голова у Кати перестала болеть. Совсем. Зато мысли в ней совсем перемешались.

– Спасибо за соль, – сказал толстяк. – Пока! – И ловко, как мячик, перемахнул через подоконник.

– Эй! – слабым голосом проговорила Катя. – Погодите...

Толстяк остановился.

– Как вас зовут, можно узнать?

– Можно. Друзья зовут меня Карлссон! – Букву «с» он протянул, словно присвистнул. – А тебя как зовут, малышка?

– Катя.

Карлссон задумчиво пошевелил бровями.

– Нет, – сказал он. – «Малышка» мне больше нравится. Пока, Малышка!

Перемахнул через подоконник – и был таков.

Через минуту Катя справилась с растерянностью, перелезла через подоконник на площадку, обошла ее кругом и убедилась, что другого выхода (если не считать края крыши над головой и еще одной крыши пятью метрами ниже) отсюда нет – только через ее квартиру.

«Может, он улетел», – подумала Катя.

Ну да, как и положено Карлссону.

Катя почувствовала неожиданный прилив оптимизма. Даже вчерашний провал на экзамене уже не казался трагедией. Как-нибудь все образуется. Надо только работу найти...

Позже, прибираясь, она нашла на кухонном полу две голубиные лапки.

Глава четвертая

Большой Босс принимает Катю на работу

*Нашему королю не нужны вассалы, умеющие только поддакивать.
Если он говорит «нет», мы все говорим «нет».
Эльфийская мудрость*

Первую половину дня Катя потратила на переезд – то есть отчислилась из абитуриентского общежития и перенесла в мансарду свои вещи. Всех вещей было две сумки с одеждой. Остальное Катя собиралась привезти из Пскова, когда поступит в институт и определится с жильем. Или купить на месте, если повезет с работой. В кармане у нее как раз лежала бумажка с адресом фирмы потенциального работодателя – Сережиного отца. Имя босса Катя не записала и теперь тщетно пыталась вспомнить. Утешало одно – все-таки она была не совсем с улицы.

«Расслабься – я с ним насчет тебя поговорю, – вспоминались Кате вчерашние Сережины уверения. – Он тебя примет с распростертыми объятиями! Это же я тебя рекомендую!»

Катя от всей души надеялась, что так все и будет.

Офис Сережиного отца Катя нашла с трудом. Он был спрятан во внутреннем дворе на одной из прилегающих к Невскому улиц за простой железной дверью безо всяких опознавательных знаков. Но за дверью все было богато и стильно. Здесь пахло уже не помойкой, а эйр-кондишн и дорогими ароматизаторами. Охранник, сидевший за стеклянной стойкой, попросил паспорт и сказал: «Пройдите в приемную, вас вызовут».

Минут пятнадцать Катя просидела на диване, поглядывая по сторонам. Сверху поблескивал объектив видеокамеры, напротив за компьютером сидела секретарша, нарядом и манерами напомнившая Кате великолепную Лейку. Секретарша мельком глянула на посетительницу, доложила о ее приходе начальству и занялась своими делами. Минут через пятнадцать Катю пригласили, и она вошла в кабинет директора.

Кабинет был просторен и респектабелен. Почетное место в нем занимал уставленный оргтехник и аксессуарами, заваленный бумагами письменный стол. По ту сторону стола восседал Большой Босс, он же – Сережин папа. Большой Босс выглядел недружелюбным, холодным и обремененным делами. Смотрел он не на Катю, а в монитор.

– Здравствуйте, – робко сказала Катя.

Босс поднял голову, и выражение его лица волшебным образом изменилось. Надменность и общее недовольство жизнью исчезли, сменившись радушием и дружелюбием.

– Катенька? Присаживайтесь.

Он даже слегка привстал, указывая Кате на стул напротив. Несколько секунд Босс молча глядел на нее, впрочем, довольно дружелюбно. Катя рискнула прервать молчание:

– Сережа сказал...

– Кофе хотите? – перебил ее Босс.

И не дожидаясь ответа, сказал в микрофон:

– Людмила, два кофе!

Потом, подмигнув Кате, произнес насмешливо, с отеческим укором:

– Что же вы, голубушка, так опозорились? Я думал, мой Серега один такой оболтус, но и он на тройку вытянул. Целый год вас, лентяев, натаскивали...

Катя покраснела.

– У меня по истории всегда была пятерка! – запротестовала она. – Кто же знал, что в билетах будут эти партизаны!

Секретарша принесла кофе и подала его Кате изящно и осторожно, положив салфетку под блюдечко.

– И что дальше? – спросил Сережин папа.

– Я хочу записаться на подготовительные курсы и одновременно работать, – Катя попыталась перевести разговор на дело. – Я знаю английский... почти свободно, могу вести деловую переписку, быстро печатаю, умею делать таблицы в «экселе»...

Сережин папа хмыкнул, и Катя замолчала.

– Хорошо хоть от армии вас откупать не надо, – сказал он. – Ничего, на следующий год поступите. Сережа вас всячески расхваливал. Я к его рекомендациям отношусь, скажем так, с разбором, – он снова хмыкнул. – Но сейчас, пожалуй, склонен с ним согласиться. Вижу, что такая милая девушка, как вы, с легкостью вольется в наш дружный коллектив и, пожалуй, даже украсит его. Но учтите: выше всего я ценю надежность и порядочность. Надежность и порядочность! – повторил он с явным удовольствием. – Не так важно, что вы знаете или умеете... Думаю, пока мало что... Но научитесь, это не страшно. Вы – девушка из хорошей семьи, с хорошей, так сказать, наследственностью. Не сомневаюсь, что у вас все получится.

«Какой приятный человек Сережин папа!» – подумала Катя, отпивая глоток душистого кофе.

Она чувствовала себя принцессой на приеме у короля дружественной страны. Как он мог вначале показаться ей надменным брюзгой?

– Строго говоря, офис-менеджер, а если уж говорить прямо, сторож – это не работа для молодой инициативной девушки, – продолжал Сережин папа. – Я одобряю ваше желание пожить самостоятельной жизнью, набраться опыта и поспособствую этому. Будьте готовы к тому, что периодически вам будут давать разные поручения – отвезти, забрать, доставить-получить. Надеюсь, вы не возражаете?

«Понятно. Девочка на побегушках», – подумала Катя, но вслух ответила:

– Я абсолютно не против.

– Поработаете, мы к вам присмотримся, понаблюдаем и, если вы себя хорошо зарекомендуете, определим перспективу роста. Вижу, у вас возникает вопрос насчет зарплаты... Естественный вопрос, но, хм... несколько преждевременный. Мы вернемся к нему месяца через три, после испытательного срока, когда определится круг ваших обязанностей.

Под пристальным папашиним взглядом Катя смутилась и пробормотала, что деньги не главное, она все понимает и не возражает. Босс заметно повеселел и снова пустился в болтовню:

– Не понимаю, как же вы умудрились провалиться на экзамене? Из вашей школы, с такой подготовкой, с такими связями, по договору! Даже такого бездельника, как Серега, и того удалось пристроить, а вы производите впечатление умной, старательной девушки...

– Я же не по договору поступала, – объяснила Катя. – А в нашей школе и программы другие оказались. Представляете, в экзаменационных билетах партизаны есть, а в школьной программе...

– Погодите, так вы разве не в Сережином классе учились?

– Нет, мы с ним только вчера познакомились, – простодушно сказала Катя. – После экзамена по истории.

Сережин папа почему-то сразу перестал улыбаться, пробормотал нечто вроде «раздолбай чертов» и сухо спросил:

– И в какой же школе вы учились?

– Я закончила пятнадцатую школу города Пскова. С педагогическим уклоном, – уточнила Катя, думая, что это произведет на Босса положительное впечатление.

– Ну да, еще и иногородняя, – проворчал Босс. Лицо его более не выражало добродушия, стало таким же надменно-брезгливым, как в тот момент, когда Катя вошла в кабинет.

«Все пропало, – подумала Катя. – Сейчас он меня выставит».

С полминуты Босс размышлял. Катя ждала, затаив дыхание. У нее затекла спина, но сесть поудобнее она не осмеливалась.

– Как я уже сказал, коллектив у нас небольшой, и все строится на доверии, – наконец заговорил Босс, уставясь на Катю таким подозрительным взглядом, словно ожидал, что она сопрет у него со стола телефон. – Людей со стороны, чужих, о которых ничего не известно, я стараюсь не брать. Однако из нашего с вами разговора у меня сложилось впечатление, что криминальных наклонностей у вас нет. Надеюсь, что ни спиртным, ни наркотиками вы также не увлекаетесь?

Катя замотала головой.

– Имейте в виду: всё, что вы напишете в анкете, будет тщательно проверено нашей службой безопасности!

«Значит, все-таки берет!» – обрадовалась Катя.

– ...Имейте также в виду, что вы – материально ответственное лицо. Это значит, за все имущество, находящееся во вверенном вам помещении, вы несете персональную ответственность. Примете всё по описи и так же по описи сдадите, когда закончится срок договора. За каждую недостачу платите из своего кармана. В первую очередь это относится к компьютеру...

Катя молча кивала. Она больше не чувствовала себя принцессой, скорее – Золушкой.

– ...Парней не водить, гулянок не устраивать. Все это будет проверяться. Сейчас идите в отдел кадров, оформляйтесь. Потом – к завхозу. Он вам все скажет.

С последними словами Босс поднялся. Катя, догадавшись, что разговор окончен, вскочила со стула.

– И, кстати, приберитесь там, – добавил Босс, когда Катя, уже в дверях, открыла рот, чтобы попрощаться. – Пол вымойте, окна, половичок какой-нибудь постелите... в общем, наведите уют. Чтобы клиент сразу видел, что это нормальное помещение, а не бомжатник.

«Еще и уборщица, – мрачно думала Катя. – Может, еще и ремонт сделать?» Но язык уже сам говорил «спасибо» и «до свидания».

– Где у вас отдел кадров? – спросила Катя скучающего охранника на входе.

– Через внутренний двор направо. Работать у нас будешь?

– Вроде да...

– Хорошо. Хоть одно человеческое лицо появится. Смотришь целый день на эти хари из бухгалтерии...

– Я не здесь буду работать, – разочаровала Катя охранника, – а на Невском, пятьдесят два.

– Мансарда, что ли? – спросил охранник.

– Да. А откуда вы знаете?

Охранник многозначительно усмехнулся:

– Эту мансарду у нас в фирме все знают. Ты кем туда, кладовщицей, сторожем?

– Офис-менеджером.

– Значит, сторожем... – Охранник покосился на дверь приемной и вполголоса доверительно произнес:

– Нехорошее место эта мансарда. Она вроде как проклята. Там никто надолго не задерживается.

– И что же там такого плохого? – Катя на всякий случай немного отодвинулась.

– Нечисть там, – сказал охранник. – И не улыбайся: я своими глазами видел. Тебя как зовут?

– Катя.

– Так вот, Катя, – страшное это место. Особенно по ночам. Жалко мне тебе – как ты там одна? И защитить некому...

– Да уж как-нибудь, – отрезала Катя.
Знаем мы таких защитников!

– Не веришь, – сказал охранник. – А зря. Я тебе говорю: сам видел. Сам серый, мохнатый, глаза зеленые и горят. Прыгнул на стену и по стене, по отвесной, наверх побежал. Как паук.

– Может, это Кинг-Конг был? – язвительно сказала Катя. – Он девушку на плече случайно не тащил?

– Смотри, накличешь! – с каменным лицом предупредил охранник. – Последний сторож там только две недели и отработал. Потом сбежал. Даже зарплаты не дождался. А почему – не сказал. Не хотел, наверно, чтобы в дурку забрали.

– Спасибо за информацию, – вежливо сказала Катя. – Если встречу человека-паука – передам от вас привет.

– Я тебя предупредил, – пожал плечами охранник.

Беседа с Сережиным папашей оставила у Кати неприятный осадок. Намеки охранника хорошему настроению тоже не способствовали. Конечно, нелепым страшилкам о лазающем по стенам монстре Катя не поверила, но говорил же кто-то, что эту мансарду фирме никак не продать. Если там что-то неладно, это плохо. Ей ведь там жить. А с другой стороны, если мансарду продадут – где тогда будет жить Катя?

Глава пятая

О том, как Катю пытались соблазнить и чем все это кончилось

Однажды забрел охотник Вилле-Губошлеп в пещеру к троллихе. На запах забрел – уж очень вкусно из пещеры пахло.

– Ты зачем пришел? – спросила его троллиха.

– Э, нет! – воскликнул Вилле. – Так не годится – сразу с порога вопросы задавать! Ты меня сначала в дом пригласи!

– Ну заходи, – разрешила троллиха. – А теперь говори, зачем пришел!

– Какая ты быстрая! – сказал охотник. – Ты меня сначала накорми, напои, а уж потом спрашивай!

Накормила его любопытная троллиха собственным ужином.

– Ну теперь говори, зачем пришел!

Посмотрел сытый Вилле на троллиху: а ничего троллиха, телестая.

– Какая ты невежливая! – заявил он. – Нет уж, ты меня сначала рядышком уложи, а уж потом вопросами донимай.

Уложила его любопытная троллиха, да так неудачно: с первого удара – насмерть.

И опечалилась:

– Вот беда-то! Теперь никогда не узнаю, зачем человек приходил!

«Домой» Катя вернулась в подавленном настроении. Сумрачная, пропахшая пылью мансарда с ее скрипучими полами и непонятными шорохами выглядела удручающе.

Кроме комнаты, уже «обжитой» Катей, в которой стояли кровать, стол с компьютером, еще один стол и полдюжины стульев, в мансарде было еще две. Одна заперта, вторая – довольно большая и совершенно пустая. Только на полу в углу стоял старый тяжелый телефонный аппарат с вертящимся диском.

В «жилой» комнате тоже был телефон, поновее. Окна комнат смотрели во двор-колодец. На Невский, вернее, на площадку-балюстраду выходило только окно кухни. Кухню и комнаты связывал довольно широкий коридор с аппендиксом, в который выходили двери ванной и туалета и ответвление в прихожую. В прихожей имелись вешалка и большое овальное зеркало. Общая площадь мансарды, если не считать запертой комнаты, составляла полсотни квадратных метров. Чтобы привести все это хотя бы в относительный порядок, надо потрудиться.

Катя пообедала вареными макаронами и решительно взялась за дело.

Девять часов спустя, в половине двенадцатого, Катя постелила у входа вымытую половую тряпку и без сил упала на кровать. Вокруг нее все сияло – пол, стекла в окнах. Лампочки, которые Катя тоже протерла, стали светить в два раза ярче. Таких понятий, как «пыль» и «грязь», в квартире больше не существовало. Пауки были изгнаны с потолка на площадку за окном, поскольку убивать их Катина мама считала дурной приметой.

«Хоть гостей принимай, – лениво думала Катя, с удовольствием оглядывая результаты своего труда. – Завтра еще занавески повешу... И вообще – составлю список, чего сюда надо купить, и отнесу на утверждение Боссу...»

Катины хозяйственные размышления прервал звонок в дверь, который мгновенно потрянул с девушки всю сонливость.

Катя вскочила с кровати, взглянула на часы.

«Кого там принесло на ночь глядя?» – с беспокойством подумала она.

В памяти всплыли рассказы охранника о покрытом серой шерстью монстре. Длинный резкий звонок снова повторился, как будто тот, кто стоял за дверью, очень спешил попасть внутрь. Катя, прогнав глупые мысли о монстре, подошла к двери и строго спросила:

– Кто там?

– Свой! – отозвался сиплый, но смутно знакомый голос.

Катя открыла дверь. К большому удивлению и отчасти радости, она увидела Сережу.

– Поздравляю с новосельем! – с порога закричал он, пихая Кате в руки тяжелый полиэтиленовый пакет. В пакете звякало и булькало.

– Спасибо, – ошеломленно поблагодарила Катя. – Вот это сюрприз! А почему так поздно?

– Праздновать никогда не поздно, – убежденно сказал Сережа. Вид у него был неестественно оживленный, щеки пылали, глаза блестели.

– Ты что, с какого-то праздника? – спросила Катя, заметив его слегка расфокусированный взгляд.

– Да все с того же, с нашего. Ха, это еще не рекорд. Помню, мы один раз четверо суток зажигали. – Сережа, не разуваясь, прошел в комнату. – Ух ты, как все классно стало! Теперь тут оттопыриваться можно по полной!

– Твой папа запретил, – сказала Катя. – Никаких гостей.

Сережа презрительно отмахнулся:

– Сморкался я на его запреты. Он мне ничего не сделает. («А мне?» – подумала Катя). Поорет и успокоится. Ну давай, накрывай на стол. Да прямо здесь накрывай, не на кухне же!

Накрывать оказалось нечего: в пакете была только литровая бутылка «Мартини бьянко» и бутылка водки.

– Так у тебя и пожрать ничего нет? – недовольно сказал Сережа. – Плохо, плохо ты готовилась. Ну, на первый раз прощаю.

Сережа задумчиво погладил бутылку мартини.

– Вспомнил! Я ведь не просто так пришел, а по делу. Буду тебя учить правильно пить мартини. У тебя есть такие низкие бокалы без ножек?

– Нет, конечно! – язвительно ответила Катя. – И пить я не буду!

Сережа ее слова проигнорировал. Непринужденно уселся на кровать и принялся открывать крышку мартини, продолжая трепаться.

– ...Прихожу тут как-то в бар с одной девчонкой, делаю заказ – по двести мартини, а барменша меня спрашивает: вам чем разбавить, грейпфрутовым соком или апельсиновым? Я ей говорю – первый раз вижу, чтобы мартини разбавляли соком! А она мне, дура, – а я первый раз вижу, чтобы хлестали неразбавленное! Ничего не понимает! Ну что ты стоишь? Из горла нам, что ли, пить?

Катя пошла на кухню искать посуду.

«Зачем он приперся?» – подумала она, роясь в обшарпанном пенале.

Развлекать пьяного Сережу у Кати не было ни малейшего желания. Но ведь и выставить его нельзя. Нехорошо. Как-никак это он ее сюда устроил.

Бокалов не нашлось, стаканов и стопок – тоже. Катя взяла две чайные чашки, принесла в комнату и поставила на табуретку, а сама села на другую, подальше от гостя. Не смущаясь неподходящей посудой, Сережа разлил мартини, чокнулся с Катей, одним глотком выпил полчашки, с комфортом развалился на кровати.

– Ты чего не пьешь? Давай, смелее. Не хочешь – как хочешь, а я выпью, чтобы добро не пропадало. Сейчас выпью – и проверю, как ты тут за квартирой следишь. Не украла ли чего...

– Что?! – вспыхнула Катя.

Сережа заржал, довольный собственным остроумием.

– Шучу, чего ты сразу надулась? Шуток не понимаешь! У вас в Пскове все такие тормозные?

– Идиотские шуточки, – обиженно проворчала Катя.

Настроение у нее совсем испортилось.

– Кстати, ты почему отцу не сказал, что я из Пскова? – вспомнила она.

– Ха, разумеется, не сказал. Он бы тебя в жизни сюда не впустил. Я ему наплел, что ты – моя одноклассница. Из хорошей семьи. Это у него задвиг насчет семьи. Мол, хочешь пожить одна, так сказать, личной жизнью. Здорово я его развел, да?

Катя промолчала. У нее промелькнула мысль, как было бы замечательно, если бы Сережа забрал свое мартини и ушел восвояси.

Но Сережа явно обосновался в мансарде надолго.

– А чего у тебя тут есть? – спросил он, осматривая помещение. – Где музыка? Видик есть? А почему нет? Так пойди и купи! Магазин аудио-видео, между прочим, через дорогу. Я советую домашний кинотеатр, только непременно с сабвуфером, иначе никакую музыку будет не послушать толком. И не потанцевать, кстати. Вы чего в Пскове слушаете? Небось «Ласковый май»?

– «Ласковый май?» – Катя и не слышала о такой группе. – Нет, мне «Сплин» нравится. Земфира... «Глюкоза» кое-что... Еще Ник Кейв, «Murder ballads»... А что сейчас слушают в Питере?

– Мне, честно говоря, по фиг, что слушать, – пренебрежительно отозвался Сережа. – Я больше автомобилями увлекаюсь...

Сережа оживился и принялся рассказывать о новой отцовской машине, потом о машине отца своего приятеля, потом о той машине, которую отец купил бы ему на совершеннолетие, если бы не был такой жадной сволочью...

Катя сидела, зевала, смотрела, как в бутылке падает уровень жидкости, и мечтала о том моменте, когда мартини иссякнет и Сережа наконец исчезнет из ее дома.

– Ты чего там, заснула, что ли? – пробудил ее от грез Сережин голос. – С табуретки вот-вот свалишься. Пересаживайся сюда!

«И вправду, усну и свалюсь», – подумала Катя и пересела. То, что это опрометчивое решение, она поняла сразу, но было уже поздно.

– Вот была бы музыка, мы бы с тобой потанцевали, – мечтательно объявил Сережа, ухватив Катю за талию потной рукой. – Белый танец при свечах... У тебя свечи есть?

«О Господи!» – мысленно простонала Катя, пытаясь отодвинуться от Сережи так, чтобы это не выглядело откровенной борьбой за свободу.

– Сереж, уже поздно, наверно, метро закроется, – намекнула она, краснея от собственной бестактности.

– На фига мне метро? – удивился незванный гость, прижимая к себе Катю. – Я тут рядом живу!

– Ты бы не мог слегка отодвинуться? Мне неудобно.

– А ты перестань мне локтем в бок упираться, так станет удобнее.

– Мне жарко! – жалобно сказала Катя.

– О чем базар – ты разденься! – с готовностью предложил Сережа. – Хочешь, помогу?

«Шутник!» – злобно подумала Катя и рванулась из потных объятий, намереваясь встать. Но Сережа со смехом потянул ее на себя, и она снова плюхнулась на кровать.

«А ведь он не шутит», – похолодев, поняла она.

– Ну чего ты дергаешься? – укоризненно сказал Сережа. – У вас во Пскове все такие закомплексованные? Нормально ведь сидим, оттягиваемся, а ты куда-то норовишь убежать...

«Он, наверно, не соображает, что делает. Он уже совсем пьяный. Он и пришел пьяный. Не надо его злить, – думала Катя. – Не надо вырываться, только хуже будет. Может, через десять минут он совсем напьется, захочет спать и сам меня отпустит».

Катин папа, когда перебирал лишнего, всегда ложился спать.

«Не то, – говорил, – я буянить начну».

Заснув, он не буянил, но мама все равно ругалась и потом неделю вспоминала, как он напился.

Тем временем Сережа сменил тему и от автомобилей переключился на девушек. Но хотя его монолог с каждой минутой становился все более бредовым, никаких признаков сонливости Сережа не подавал. Его пальцы бродили по Катиной спине, нащупывая застёжку бюстгалтера. Катя отодвигалась, выставляла локти и страдала.

– Большинство девушек не умеют себя правильно вести! – вещал Сережа. – Они думают: если кривляться, ломаться или насмехаться над парнями и все такое, так это очень круто. А я не выношу, когда надо мной издеваются. Вот Лейку возьми: классная девка. А как скажет чё, весь день ходишь как облёванный. У меня такая была мысль! – Сережа оживился, даже шариться по Катиной спине перестал. – Только никому не говори, это секрет – познакомиться с какой-нибудь девчонкой помладше и воспитать ее как надо. Выдрессировать как собаку. Ну, в хорошем смысле. Чтобы скомандовал – «К ноге!» – и она уже тут, смотрит преданно в глаза и на все готова. А стерв ненавижу. Ты ведь не из таких? Я как тебя увидел, то сразу решил – ты мне как раз подходишь. Ты тихая, маленькая, складненькая, к тому же притворяешься скромницей. А во всяких журналах пишут, что те, кто притворяется скромницами, на самом деле самые страстные женщины...

«Не засыпает», – с тоской думала Катя.

Придется его гнать. Как же его поделикатнее выставить? Он ведь отцу нажалуется. А тогда – прощай работа, и жилье, и Питер с институтом, и здравствуй, Псковский педагогический и вечная тоска.

– Зачем нам всякие там ухаживания, цветы, кино и прочая пошлость? – продолжал токовать Сережа. – Давай, зайчика, все это пропустим. Дай своей страсти вырваться на свободу! Тебе даже не надо мне ничего говорить. Когда преодолеешь робость – через полчаса, например, – просто намекни. Только откровенно, чтобы я сразу догадался. Не надо всяких там томных взглядов – я в этом ни фига не понимаю. Лучше расстегни кофточку. Ты чулки, кстати, с подвязками не носишь? Зря. Завтра же купи – очень возбуждающе...

«Вот маньяк-то. Чулки ему с подвязками. Они тут в Питере все такие эстеты?» – невольно подумала Катя.

Поймав Сережин мутный взор, она решила, что гость уже почти готов.

– Ты не устал? Спать случайно не хочешь? – осторожно спросила она.

– Хочу! – обрадовался Сережа. – Люблю прозрачные намеки! Сейчас прогуляюсь до сортира, вернусь и будем спать. А потом вместе примем душ!

Сережа наконец разжал объятия, с Катиной помощью оторвался от кровати и, пошатываясь, побрел в сторону кухни. С отвращением посмотрев ему вслед, Катя решила – обойдусь без деликатности. Просто скажу: «Пошел вон, пьяная свинья» – и вытолкаю за дверь. И черт с ней, с работой.

– Я сейчас... – бубнил Сережа, пошатываясь, пробираясь к туалету. – Я, типа, отлить. А ты, типа, подумай, чё нам это... – напрягся, пытаясь сформулировать мысль, потом выдвинул челюсть и объявил под веселое журчание: – Я тут хозяин! Хочешь, ик, пользоваться моим гостеприимством – посмотрим, ик, на твое поведение!

Сережа вышел из туалета, застегивая ширинку.

– Надо, ик, водички попить... – бормотал он, направляясь на кухню. – И – раскрепощенный секс! Пришла пора прощаться с девственностью!

Перед его внутренним взором вставали смутные образы разнообразных соитий, почерпнутые из Интернета и порнографических фильмов.

– Разнузданный секс! – провозгласил он, вваливаясь на кухню.
И остолбенел.

На кухне был человек. Невысокий, толстый, он что-то искал в кухонном шкафчике.
Сережа, хоть и пьян был, но мгновенно вспотел от страха.

Вор? Нет, вряд ли. Значит, кто-то из папашкиных служащих или коллег. Теперь наступит...

«Во, блин! Влетел! – подумал он. – Хотя что я сделал? Да ничего!»

Сережа приосанился и сказал:

– Добрый вечер!

Мужик мельком взглянул на него и кивнул.

В папашкином офисе Сережа его раньше не видел.

Мужик между тем делал что-то странное. Достал из шкафчика соль, взял со столадохлого голубя (Сережа только сейчас его заметил) и принялся посыпать эту гадость солью.

– Э-э-э... А что это вы делаете? – растерянно спросил Сережа.

– Солю, – добродушно пробасил мужик. – Ты когда-нибудь ел птицу без соли, человечек? Сережа, обалдевший, помотал головой.

– И правильно! – одобрил толстяк. – Редкая гадость. А с солью – совсем другое дело!

И тут, к ужасу Сережи, мужик откусил головкудохлой птички вместе с клювом и перьями и разжевал.

– Фкушнятина, – сказал он, громко хрустя косточками.

Этого зрелища Сережин желудок перенести не смог. Содержимое его рванулось наружу, а сам Сережа стремглав метнулся в туалет.

Через несколько минут он, почти трезвый, испуганно-рассерженный, появился перед Катей, по-прежнему пребывавшей в мучительных раздумьях.

– У тебя на кухне – какой-то мужик! – обвиняющим тоном заявил Сережа, не обратив внимания на то, что Катя не только не разделась, но, наоборот, застегнула всё, расстегнутое Сережей.

– Какой еще мужик? – не поняла Катя.

– Такой! Толстый. С голубем! Ну-ка пошли! – Сережа решительно ухватил ее за руку.

На кухню, впрочем, он вошел вторым, ловко выдвинув Катю вперед.

На кухне никого не было.

Зато Катя увидела у батареи знакомую голубиную лапку.

– Где он? – Не увидев толстяка, Сережа вновь обрел уверенность. – Сбежал?

– Кто? – невинно спросила Катя, незаметно запиная улику под батарею.

– Мужик! Тут был мужик! И жрал сырого голубя!

«Если он расскажет отцу, меня непременно выгонят», – подумала Катя.

– Какого голубя? – спросила она, постаравшись, чтобы голос ее звучал спокойно и уверенно. – Тут никого нет!

– Как это нет! – Сережа шумно потянул воздух. – А почему тогда тут воняет! Говори, кто это?

– Не желаю слушать твой бред! – крикнула Катя и выскочила из кухни.

Сережа выглянул в окно. На площадке было пусто. Он решительно (если противник ретировался, значит, он испугался) направился к двери. Тут его ждал сюрприз: дверь была заперта, и засовчик, который Сережа предусмотрительно задвинул, – тоже на месте.

Нет, ну он же точно видел толстого такого мужика!

Сережа снова направился на кухню, но на полпути его перехватила сердитая Катя.

– Воняет, да? – гневно произнесла она. – Тебе интересно знать, почему тут воняет? Так я тебе объясню! Потому что один придурок допился до глюков и заблевал весь туалет! А я тут полдня сегодня мыла! – Искреннее возмущение звенело в ее голосе. – И не думай,

что я буду убирать за тобой блевотину! Сам нагадил – сам и приберешь! – Она шваркнула Сереже под ноги тряпку. – Причем чисто, понял? Или я завтра все твоему отцу расскажу! И про мужика, который сырых голубей жрет, – тоже!

Вот теперь Сережа испугался по-настоящему. Полгода назад отец нашел у него марку с «кислотой». Шуму было – словно Сережа дом поджег.

И под занавес обещание: если еще хоть раз, хоть что-то – сразу в клинику.

«Наркоша в семье не потерплю! – орал папашка. – Каленым железом!»

Если эта дурочка сболтнет про мужика и голубя – Сереже конец. Папашка его сразу в дурку определит.

«Надо заткнуть ей рот...» – мужественно подумал он, грозно надулся...

Наткнулся на бешеный взгляд Кати (вот уж не ожидал он от этой куколки такой ярости!) – и сдулся, как проколотый мячик. Страх пересилил.

– Я уберу, – пробормотал он, наклоняясь за тряпкой. – Я уберу, ты не беспокойся...

И убрал. Очень старательно. А тряпку выстирал и аккуратно повесил на батарею.

«А может, и впрямь не было никакого мужика?» – тоскливо подумал Сережа.

– Ты только, это, отцу ничего не говори, ладно? – совсем жалким голосом попросил он, уходя.

– Посмотрим на твое поведение! – мстительно заявила Катя, закрыла за ним дверь, задвинула засовчик и без сил опустилась на обувную тумбочку.

«Какое счастье, что он такой ужасный трус», – подумала она.

Глава шестая

Девушка и киллер

Неоспоримым доказательством разумности троллей является тот факт, что людям до сих пор не удалось установить с ними контакт.

Горячая вода била в затылок, струилась по шее и спине, смывая ощущение липких рук, снимая напряжение, расслабляя и успокаивая мысли. Вообще-то Катя предпочла бы ванну. Дома она очень любила насыпать в воду всяких ароматических солей и залечь эдак на часик с книжкой или с музыкой. Но эту ванну надо отскребать часа полтора. На такой подвиг у Кати не оставалось сил. Ладно, душ – тоже хорошо.

Вымывшись, Катя завернулась в полотенце, другое намотала на голову и снова почувствовала себя человеком.

«В сущности, все не так плохо, – подумала она. – У меня есть жилье, есть работа, за которую, может быть, когда-нибудь мне что-нибудь заплатят. Завтра я поеду и запишусь на подготовительные курсы и на следующий год обязательно поступлю, так что нечего переживать из-за проваленных экзаменов.

Я же не мальчишка, в армию меня не заберут.

И вообще я молодец! Одна, без чужой помощи, без мамы-папы – в Санкт-Петербурге! Вот приеду на Рождество домой в Псков, расскажу девчонкам – обзавидуются!»

Катя поставила чайник. Она размышляла о том, как удачно разрешилась неприятная ситуация с Сережей. А также о странном «отставном спортсмене», который повадился лазать к ней на кухню за солью.

«Все-таки этот Карлссон появился очень вовремя, – думала она. – И вовремя исчез. Если бы не он, пришлось бы самой выгонять этого маньяка. Тоже мне – знаток женщин! Нашел себе простушку. Чулки ему с подвязками! Противный такой, жирный, липкий... Одно хорошо – трусливый...»

Катя вернулась в комнату. В «наследство» от Сережи осталась на три четверти опустевшая бутылка вермута и водка. Существовала опасность, что он вспомнит о забытом спиртном и вернется.

«Все равно не пушу! – решила Катя. – Завтра отдам».

Она присела на диван, налила в чашку немножко вермута. Вермут был итальянский, вкусный. В сумочке у Кати лежала шоколадка. Она не вспомнила о ней, когда появился Сережа со своим «угощением». И хорошо, что не вспомнила. Сейчас шоколадка придется очень кстати.

Вскипел чайник. Катя спрятала водку в холодильник, налила чаю, очень хорошо поужинала этой самой шоколадкой, чаем и капелькой вермута, расчесала волосы, надела халатик. Спать расхотелось. Она вышла на кухню, перелезла через подоконник.

Ночь была совсем теплая. Откуда-то доносилась музыка. Внизу горел и переливался Невский. Нет, это чудесно – то, что с ней произошло! Кто мог подумать, что она, одна-одиношенька, будет любоваться ночным Невским проспектом! Катя легла грудью на гладкие перила. Внизу, метрах в полтора под ней, был небольшой карниз, на котором крепилась какая-то реклама. Бегущие вдоль карниза огоньки завораживали. Еще снизу поднимался теплый воздух, Катя чувствовала его прикосновение голыми коленками и бедрами, и это тоже было очень приятно.

Внизу столько людей, и никто из них даже не подозревает, что некая совсем юная девушка стоит совсем одна на этой балюстраде, смотрит на них сверху...

Катя чувствовала необычайную легкость. С ней уже бывало такое. Мгновения, когда так остро и сильно чувствуешь себя и все вокруг, что, кажется, стоит оттолкнуться посильнее от земли – и взлетишь.

Катя скинула тапочки, встала на носки, потянулась вверх и вперед...

И вдруг увидела, как внизу, на карнизе, что-то пошевелилось. Какая-то темная масса...

Катя отпрянула. Сердце ее заколотилось, как у перепуганной птицы. Снова вспомнился рассказ охранника о «сером мохнатом», лазающем по отвесным стенам. Вот ведь гад какой! Нашел, что рассказать...

Наверное, минут пять она боролась со страхом, но потом все-таки решилась и сноваглянула вниз. Точно, там внизу что-то темное...

«Ну и что! – сказала себе Катя. – Может, это какая-нибудь установка, какой-нибудь трансформатор от рекламы? Может...»

И тут темная масса зашевелилась и внезапно быстрым, невозможным для человека движением метнулась вверх. Две огромные лапы ухватились за перила в каком-то метре от Кати, ужасное существо перемахнуло через ограждение...

Катя присела от испуга, пронзительно пискнула и швырнула в чудовище первое, что подвернулось под руку, – собственную тапочку.

...Чудовище ловко поймало тапочку... Остановилось и произнесло глуховатым голосом Карлссона:

– А мне показалось, ты меня позвала. Мне уйти, да?

– Фу-ух! Карлссон! Как вы меня напугали! Что вы делали там, внизу?

– Сидел, – лаконично ответил ее сосед.

– И... Вам не страшно? – У Кати вдруг ослабели ноги, и она опустилась на камень балюстрады. Камень был теплый.

– Страшно? Что страшного в том, чтобы сидеть? – удивился Карлссон. Наклонившись, он положил тапочку рядом с Катей, а сам устроился напротив, скрестив ноги.

– На такой высоте!

– Нет, – покачал головой Карлссон. – Это не высота. Когда я был молодым, я жил в горах. Вот там – высота. Сядешь вечером на краю каменного «лба», смотришь вниз – а там облака, прозрачные, розовые...

– Вы там родились, в горах? – спросила Катя.

Карлссон покачал головой:

– Нет. Нам... Мне пришлось уйти в горы, потому что там, где я родился, меня хотели убить.

«Ничего себе! – подумала Катя. – Как интересно!»

– А где вы родились?

– Далеко.

И замолчал. Он явно не хотел распространяться на эту тему.

– Карлссон... А можно спросить, чем вы занимаетесь?

– Я охотник.

– А на кого вы охотитесь, на зверей?

«Что я болтаю? – подумала Катя. – Что за дурацкий вопрос?»

Однако Карлссон воспринял его как должное.

– Не всегда, – ответил он.

«Он – киллер!» – внезапно осенило Катю.

Как ни странно, она совсем не испугалась.

Кате вспомнилось кино «Леон». Там тоже был киллер. И девочка, которая в конце концов тоже стала наемной убийцей. Кажется...

«Мы подружмся, – подумала она. – Он научит меня стрелять. И подкрадываться бесшумно... И лазать, как человек-паук...»

Что за бред в голову лезет! Это, наверное, от мартини.

«Кстати, о мартини! Какая я невежливая! Даже чаю ему не предложила!»

– Хотите чаю, Карлссон?

– Не откажусь.

Катя перелезла через подоконник. Карлссон последовал за ней.

Потом они пили чай без сахара, потому что сахара на кухне не оказалось, но все равно чай был вкусный. И пить его с Карлссоном было очень приятно. Пить чай и молчать. От Карлссона исходило какое-то невероятное спокойствие.

«Он похож на древнего каменного бога», – думала Катя.

Еще она думала о том, что с ним очень хорошо молчать. И не нужно «себя вести». И еще ей нравилось, что когда он смотрит на нее, то смотрит на ее лицо, а не на голые ноги.

Интересно, как бы Сережин папа отнесся к тому, что к ней в гости приходит киллер? Или он не киллер, а какой-нибудь спецгент? Вроде «охотника за головами» из американских фильмов. Наверное, он невероятно сильный... А может, он – адепт какой-нибудь древней восточной школы? Как он тогда здорово избавил Катю от головной боли...

Такие мысли бродили в голове у Кати. О чем думал Карлссон, сказать трудно. Судя по его неподвижному лицу – ни о чем.

А когда он ушел (Катя так и не спросила, где он живет), она легла спать, даже не позаботившись закрыть окно на кухне. Почему-то она знала, что ночью никто не войдет к ней без спросу.

Обычно Катя плохо засыпала на новом месте, но на этот раз уснула мгновенно. Наверное, потому что день был тяжелый и разнообразный.

Глава седьмая

О Кеннете Маклауде и трудностях перевода

Люди суетятся, умножая количество дел, затем, стараясь закончить их побыстрее, терпят неудачу.

Троль же свободен от неуспеха в делах. Ибо мудр: добыв с великим трудом нечто, не ставит добытое высоко, а положив на удобную поверхность, не отходит от добытого, пока не съест.

Троллинга мудрость

На следующее утро Катя, не привыкшая терять времени зря, отправилась в институт (благо, от ее жилья до Герцена – пятнадцать минут пешком) и записалась на платные подготовительные курсы.

А записавшись, обнаружила, что до начала занятий у нее есть еще месяца полтора совершенно свободного времени. Этим временем надлежало распорядиться с толком. В частности – срочно обеспечить себя средствами к существованию, чтобы родители, узнав о ее провале на экзаменах (когда-то ведь надо будет им признаться), сразу поняли: она и сама в состоянии о себе позаботиться. И не стали требовать, чтобы она вернулась домой.

Катя купила газету «Работа для вас» и, вернувшись домой, принялась изучать вакансии.

Вакансии ее разочаровали. В огромных количествах требовались всяческие агенты («коммуникабельность, активность, бесплатное обучение, возможность роста») с ненормированным рабочим днем и эфемерным процентом с продаж либо неквалифицированная рабочая сила – кондукторы, вахтеры, грузчики, продавцы и т. д. – оплата весьма скромная, и «от звонка до звонка». И то и другое Катю абсолютно не устраивало. Можно было попробовать пойти куда-нибудь секретаршей со знанием английского, но везде требовалась петербургская прописка, кроме того, в сентябре, когда начнутся занятия на курсах, Катя не сможет работать полный день. Изучив газету вдоль и поперек, Катя наткнулась на слово «переводчик» и решила, что это именно то, что ей надо. Из требований – только английский язык и наличие компьютера, рабочий день себе определяешь сам. Плата сдельная: сколько напереводил – столько и получил, все по-честному. Обведя в рамочку все немногочисленные объявления на эту тему, Катя принялась звонить работодателям.

Сначала дело не заладилось. Одни говорили, что переводчик уже не нужен. Другим требовалось знание технической терминологии в области тяжелого машиностроения или лакокрасочного производства. Третьи хотели знание не только английского, но и финского, причем оба языка – в разговорном варианте...

В конце концов Катя отложила бесполезную газету, взяла затрепанный справочник «Желтые страницы», нашла рубрику «Издательства» и начала звонить всем подряд. Идея оказалась удачной. Через час Катя, торжествуя и слегка нервничая, уже направлялась на собеседование в издательский дом «Омега-плюс», которому срочно требовались редакторы, корректоры, переводчики, верстальщики, уборщики и еще куча народу.

Издательский дом занимал два этажа облезлого дома в получасе ходьбы от Невского проспекта. Из предметов роскоши Катя заметила только новую железную дверь, распахнутую настежь. Все остальное терялось в хаосе. Возникало ощущение, что издательский дом находится в состоянии одновременно пожара, ремонта и переезда.

Катя беспрепятственно проникла внутрь и долго бродила по темным коридорам, заглядывая в загроможденные компьютерами и стеллажами комнаты и допытываясь, не здесь ли хотят

переводчиков. В одной из комнат ее встретил недовольный взгляд поверх монитора. Взгляд принадлежал толстой очкастой тетке, умело задрапированной в стильный клетчатый балахон.

– Машка! – крикнула она, адресуясь к кому-то в другом конце комнаты. – Я же просила школьников ко мне не присылать!

– Вы же сами все время стонете, Людмила Петровна, что вам срочно нужны переводчики, – отозвалась из-за стеллажей невидимая Машка. – У меня список вакансий, люди все время звонят, мне же надо что-то им отвечать...

– Я не школьница, – с достоинством сказала Катя. – Я студентка. Между прочим, иняза.

– Студентка? – Тетка с сомнением взглянула на Катю. – Еще хуже. Знаем мы, как студенты работают. До первой сессии. Никакой ответственности.

– Я не такая...

– Или роман заводят – и всё, в голове розовый туман, а мы тут сидим и по полгода ждем перевод. А там, глядишь, замужество, ранняя беременность, академический отпуск... Машка, отметь у себя, что студенток тоже не надо!

Катя забеспокоилась:

– Я свободно владею английским. И замуж в ближайшие десять лет не собираюсь.

– Знаем мы ваше «свободно», – проворчала тетка. – Откуда у тебя может быть нормальный язык после нашей школы? Ты ведь не в Англии училась?

Катя призналась, что не в Англии. О Пскове она на всякий случай не заикалась.

– Ну вот, видишь. Опыта работы, конечно, нет?

– Конечно, есть! – соврала Катя. – Я, между прочим, даже стихи переводила!

Стихи – вернее, одно стихотворение – она действительно перевела, в девятом классе, на городской языковой олимпиаде. Стихотворение было из английской поэзии девятнадцатого века, высокопарное и нравоучительное. По мнению одноклассниц, у Кати получилось весьма неплохо. «О что есть жизнь, когда в забот потоке скором нет времени у нас ее окинуть взором?!» – припомнила Катя первые строки.

За стеклами очков Людмилы Петровны неожиданно промелькнул интерес:

– Говорите, стихи?

«...Нет времени у нас пройтись тенистым бором, взглянуть на белок, занятых орехов сбором!»

– Английская классика, – небрежно сказала Катя. – Девятнадцатый век.

Толстуха почти любезно сказала: «Присядьте, девушка», вылезла из-за компьютера и куда-то ушла. Вскоре она появилась с красивой книгой в руках.

– Что это? – с любопытством спросила Катя, глядя на обложку.

– Фэнтези. Название вам ничего не скажет.

– Я люблю фэнтези, – сообщила Катя.

– Я за вас очень рада. Но эта книга уже в работе. В смысле, ее уже переводят. Наша проблема в том, что в тексте попадают стихи...

Людмила Петровна отксерила несколько страниц из красивой книги.

– На эту небольшую балладу у вас три дня срока, – заявила она. – Если меня устроит результат, будем с вами работать.

Катя схватила ксерокопии:

– Спасибо!

Тетка в ответ только поморщилась.

– Три дня! – строго сказала она. – На четвертый можете даже не звонить. И никаких оправданий по поводу сессии мы не принимаем.

Катя вдруг вспомнила об очень важной вещи.

– А... оплата?

– Пробник не оплачивается. А дальше, если у нас все сложится...

Тетка назвала несколько цифр. Сумма, обещанная за авторский лист перевода, показалась Кате более чем приемлемой. Она рассчитывала на меньшее.

Домой Катя вернулась почти бегом. Ее одолевало желание немедленно взяться за перевод и не вставать с места, пока он не будет сделан. Катя не радовалась так, даже найдя себе жилье. Вот настоящая работа – достойная, интеллектуальная, высокооплачиваемая. Это вам не на подхвате у Босса, подай-принеси-покарауль. Теперь Катя сможет легко существовать сама, безо всякой родительской помощи, и к тому же заниматься несложным интересным делом. Жизнь налаживается!

Катя забралась с ногами в кресло, взяла привезенный из Пскова словарь, включила компьютер и принялась за дело.

Теткина баллада была не так уж мала. Называлась она лаконично и непонятно: Kenneth. Катя с полминуты поломала голову над загадочным словом и, решив отложить его на потом, обратилась к тексту.

I weird, I weird, hard-hearted lord,
thy fa' shall soon be seen!
Proud was the lilly of the morn,
the cald frost nipt or een...

Прочитав первые четыре строчки, Катя поняла, что над ней злобно подшутили. Этого языка она не знала. Если это и был английский, то Катя учила какой-то другой его вариант. Отдельные слова и даже обороты были ей знакомы, но, как только среди строчек начинал брезжить смысл, глаз спотыкался о какое-нибудь непронизносимое буквосочетание, и все безнадежно разваливалось. Англо-русский словарь на пятьдесят тысяч слов тоже оказался бессильным. Катя беспомощно смотрела на текст и чувствовала, как ее мечты о легком и крупном заработке превращаются в дым.

Карлссон, появившийся, как всегда, бесшумно и внезапно, застал Катю в глубокой депрессии, уныло бормочущей: «Ай вейрд, ай вейрд, хад-хартед лорд, зай фа шелл сун би син...»

– Привет, – сказала она, одарив гостя сумрачным взглядом. – Чаю хочешь?

– Нет.

– Ну как хочешь.

Карлссон опустился на стул и замер, прикрыв глаза. Катя уже знала, что ее гость может просидеть так несколько часов.

«Станный он все-таки», – подумала Катя.

«Ай вейрд, ай вейрд... У, проклятый...» – Она с ненавистью поглядела на отксеренный текст.

«Пробник», – сказала тетка. Ничего себе пробник! У, стерва толстая!

«Ай вейрд, ай вейрд...»

На что она надеялась, тупо повторяя непонятный текст. Может, на озарение...

– Ты неправильно говоришь, – внезапно подал голос Карлссон.

– Да? – раздраженно бросила Катя. – Может, ты знаешь, как надо?

– Конечно знаю, – спокойно произнес Карлссон.

– Может, ты даже знаешь, что это за язык? – еще более язвительно спросила Катя.

– А ты не знаешь? – Карлссон, кажется, удивился. – Зачем тогда читаешь?

– Читаю, потому что мне *надо* это перевести! – буркнула Катя. – А знаю я только то, что мне вместо английского текста подсунули черт знает что!

– Черт, пожалуй, знает, – очень серьезно сказал Карлссон. – А ты неправа. Это английский. Только не тот, на котором говорят теперь, а тот, на котором говорили скотты, то есть шотландцы. Правда, давно.

Катя посмотрела на Карлссона. Внешность ее гостя ассоциировалась с боями без правил и бандитскими разборками, но уж никак не с глубокими лингвистическими познаниями.

«Прочитал небось какую-нибудь статейку в желтой прессе – и щеголяет эрудицией, – сердито подумала Катя. – А мне теперь этот шотландский английский переводить!»

– Может, ты даже знаешь, что это значит? – проворчала она.

– Дай-ка... – Карлссон ловко выдернул из Катиных пальцев листок, проворчал: – И буквы все неправильные...

– «Ай вирд, ай вирд, хард-хэртид лэрд...»¹ Ага... «Предрекаю тебе, жестокосердный лорд...» Ну примерно так... «Скоро узрим мы твое падение... Гордой была лилия утра, но стужа закрыла ее глаза...» Ага, это баллада. Дальше читать?

– Читай, – тихонько, еще не веря в свою удачу, проговорила Катя.

– «...Ты презрительно смеялся над плачем бедняков, ты избивал... нет, повергал низших. Так пусть же не оплатит тебя твоя вдова, когда все твои радости сгинут...»

Затаив дыхание, Катя слушала глуховатый негромкий голос, с небрежной легкостью превращавший кошмарный шотландский диалект во вполне связные предложения на русском языке. Иногда Карлссон сбивался, подбирая подходящий русский эквивалент, но все равно, чтобы перевести на русский пять страниц кошмарной баллады, ему потребовалось не больше четверти часа.

– Ты мой спаситель! – восхищенно объявила Катя.

Нет, ну кто мог подумать, что под этим низким лбом...

– Слушай, а можешь прочитать все еще раз – я набью на компьютере?

– Могу, – сказал Карлссон. – Только учти, что это все – вранье². Я знаю эту историю. Вильям и Кеннет Маклауды. А Уолтер, который тогда на них напал, был за англичан, вернее, против Кеннета, потому что Кеннет убил его отца и двух братьев, а англичане пообещали ему воинов, но не дали. Потому Вильям и Кеннет побили его, а не наоборот, как тут написано. И еще долго правили на пограничье. А вот про пророчество всё правда. И прорицателя этого, прихвостня сидов...

Последних слов Катя не услышала, поскольку сказаны они были совсем тихо, а она в это время загружала компьютер...

* * *

Пророчу тебе, жестокосердный лорд,
Что вижу в твоих глазах:
Паденье и смерть, ты спесив и горд,
Но станешь – лишь хладный прах! –

прочитала толстая тетка-редакторша.

– Что ж, неплохо, совсем неплохо, – признала она.

¹ Авторы понимают, что русская транскрипция не в состоянии удовлетворительно передать звучание языка, но ничего с этим не могут поделать.

² Желаящие ознакомиться с текстом баллады «Кеннет» могут сделать это, например, по изданию «Английская и шотландская народная баллада», М., «Радуга», 1988. Там же имеется и перевод баллады на русский язык (пер. Игн. Ивановский), к сожалению весьма далекий от оригинала.

– Там, справа, подстрочник, – сказала Катя. – Я понимаю, что я не очень-то хороший поэт. Да и времени было немного...

– Да, да... – рассеянно пробормотала редакторша, продолжая читать уже про себя. Маска мрачного недовольства, которым она встретила появление Кати на следующее утро после их беседы, постепенно сменялась выражением вполне одобрительным.

– Что ж, – сказала она, закончив чтение. – Вас, вероятно, интересует мое мнение о вашей работе?

– Конечно, интересует!

– Мнение положительное. И даже ваш стихотворный перевод нас вполне устраивает. Если остальной текст будет переведен не хуже, я думаю...

– Он переведен, – Катя полезла в сумку и достала остальные листки. – Вот, пожалуйста...

Редакторша сцапала распечатку и погрузилась в чтение. Время от времени она сверялась с оригиналом. Дважды залезла в компьютер, чтобы проверить точность Катиного (точнее, Карлссонова) перевода.

На то, чтобы прочесть перевод, ей потребовалось вдвое больше времени, чем Карлссону на то, чтобы перевести.

Через полчаса она подняла взгляд на Катю, и во взгляде этом была смесь удивления и восхищения.

– Как вас зовут? – спросила редакторша.

– Катя.

– Трудно поверить, Катя, что вы сделали это за одну ночь. Признайтесь, вам кто-то помог?

– У меня своя методика, – небрежно сказала Катя, приняв самый высокомерный вид, на который была способна. – Правда, ваш текст оказался сложнее, чем я ожидала. Я люблю архаику, но шотландский диалект английского шестнадцатого века – это не мой профиль. Впрочем, это было даже интересно... Но если я вам подхожу...

– Вы нам вполне подходите! – заверила редакторша.

– ...то давайте поговорим о работе. К сожалению, я занимаюсь переводом не для развлечения, а ради заработка...

– Понимаю, понимаю! – перебила редакторша. – Обычно за текст такой сложности мы платим от тысячи до полутора – за авторский лист. Это сорок тысяч знаков, – уточнила она. – Но в данном случае, поскольку имеет место поэтический текст... Десять рублей за строчку вас устроит?

Катя хотела напомнить о том, что «пробник – бесплатно», но прикинула, что в стихотворении – строчек двести, а отказываться от двух тысяч...

– Устроит, – кивнула она.

– Но деньги только после одиннадцатого числа! – предупредила редакторша. – У нас такой порядок.

– Я понимаю.

– Нам очень нужны переводчики, способные работать со староанглийским, – проникновенно сказала редакторша. – Наш главный хочет выпустить элитную серию... Этот текст как раз оттуда... («Значит, про фэнтези ты мне наврала, – подумала Катя. – Ладно, учтем».) Если вы возьметесь, я обещаю вам оплату по самым высоким ставкам. Только это большая работа, имейте в виду. И сроки будут очень жесткие.

– Я возьмусь, – не раздумывая ответила Катя. – Кстати, об этой балладе... Не хотелось бы обижать автора, но он все перепутал. По моим сведениям, не Уолтер разбил Кеннета Маклауда, а совсем наоборот.

Редакторша аж засветилась.

– Ах! – воскликнула она. – Именно Маклауды! Вы знаете! Я ведь защищала кандидатскую по средневековым шотландским балладам! Это как раз моя тема! Вы абсолютно правы,

Екатерина! В этих балладах столько противоречий! Вероятно, потому что складывались они разными кланами...

Расстались они лучшими подругами.

«А она не такая уж противная! – подумала Катя. – Хотя, если бы не Карлссон...»

Глава восьмая

Катя, Лейка и светские сплетни

Женился как-то эльф на троллихе. Но вскоре решил развестись.

– Чем же она тебе не угодила? – спрашивают у него родственники жены.

– Да смех у нее очень противный, – говорит эльф.

– Правда? А в нашей компании вообще не слыхали, как она смеется, – говорят родственники.

– А я в вашей компании и не раздевался, – говорит эльф.

Ночью Катю одолевали комары. Наконец она не выдержала. Закрыла окно, зажгла свет, вооружилась газетой и устроила кровососам геноцид. Но и после этого долго не могла уснуть. Всё думала, думала...

Тем не менее утром Катя проснулась бодренькая, сбегала в магазин, накупила всякой всячины: пирожное терамису, мороженое, фруктовый десерт и маленькую коробочку конфет с ликером. Всем этим Катя роскошно позавтракала, а затем занялась делом: поставила с диска на компьютер аж три англо-русских словаря. И еще «Диабло». Поиграла немножко в ожидании Карлссона. Но вместо Карлссона появилась Лейка.

– Кла-а-асс! – восхищенно протянула Лейка, окидывая взглядом квартирку. – Что ты с ней сделала?

– Просто прибралась, – скромно сказала Катя.

– Ты тут прямо босиком ходишь?

Лейка тут же скинула босоножки.

– С самого утра сегодня бегаю по городу, ужас как ноги устали, – щебетала она. – Кстати, заноз себе в пятки насажать не боишься? Помню, зимой Сережка тут устроил танцы, зазвал всю нашу компанию, а я попала каблуком в щель между досками, и каблук отломился. И все, настроение испорчено, уже не до танцев, не говоря уже о том, что туфли пропали... Нет, все-таки как тут все изменилось! Можно выйти на крышу?

– На крышу?

– Ну, этот твой балкон.

– Пожалуйста, – разрешила Катя. – Хочешь чаю?

– Ах да! – Лейка вернулась в прихожую и достала из сумочки корзинку «Рафаэлло». – Это тебе. С новосельем!

Лейка с треском раскрыла высокое окно и вылезла через него наружу. В мансарду ворвался теплый пыльный ветер.

– Вау, как тут жарко! А крыша как накалилась! – донесся ее голос снаружи.

Катя поставила чайник. Через пару минут Лейка влезла обратно, принялась выдавать советы по оформлению квартиры, заодно делясь своими взглядами на всё на свете. Кате оставалось только эмоционально реагировать и изредка подавать реплики.

– Ты еще не устраивала никакого пати в честь новоселья? – спросила Лейка. – Небось гости одолевают?

– Нет... только Сережа заходил. Вон, мартини принес. И водку.

– Ага, мартини! Осталось?

– Нет. Только водка.

– Жалко! Сережка, как, обольщать тебя еще не пробовал? Он у нас любвеобильный... – Лейка хихикнула.

– Я бы сказала – «озабоченный», – проворчала Катя, открывая «Рафаэлло». – Если это теперь называется «обольщать»... – Она вспомнила, как Сережка мыл пол в туалете, и невольно хихикнула.

– Смело посылай его на все четыре! – заявила Лейка. – Сережку посылать можно и нужно.

Она элегантно положила ногу на ногу, отпила чаю и принялась рассуждать о жизни. Собственно, о чем бы она ни рассуждала, разговор неизменно сползал на парней. Вернее, на бывших, настоящих и будущих парней Лейки.

– Терпеть не могу инфантильных! – декларировала она. – Парень должен быть самостоятельным, слегка грубым, обязательно хорошо одеваться... Вот как Стасик... Помнишь Стасика? Такой высокий, мускулистый.

Катя не помнила.

– Мужчина должен быть мачо! – Лейка откусила полконфеты. – Знаешь, какое слово говорит девушке при знакомстве настоящий мачо?

Катя не знала.

– Он говорит ей: «Пойдем!» – сообщила Лейка. – Хотя тут можно нарваться, особенно если ничего о человеке не знаешь. За мной в том году ухаживал такой – цветы дарил каждый день, по театрам водил, – но мой папа его быстро раскусил. Выяснилось, что он – голь и нищета, типичный охотник за жилплощадью. Естественно, я его послала подальше. Поэтому очень важно, чтобы парень был из хорошей семьи. Вот Стасик. У него папа – круче просто некуда. А с виду такой тихий, маленького роста, улыбается все время, пушистенюкая такая лапочка. Я один раз встретила его в школе, он мне говорит, ласково так: «Ах, Лейла, как вы повзрослели, похорошели!» А глаза – как два пистолета. Ну я дурочкой прикинулась и потихому смылась. Не нужны мне его комплименты, обойдусь как-нибудь, от греха подальше. А сам Стасик, он нормальный. Спортсмен. На сноуборде катается. У нас как-то в школе был опрос – что для вас самое главное в жизни. Стасик написал: сноуборд, секс и школа, – Лейка захихикала. – Именно в таком порядке.

– А по-моему, главное, какая у человека душа, – сказала Катя.

Лейка посмотрела на нее с удивлением.

– Ну, в смысле, чтобы парень был яркой личностью, – покраснев, поправилась Катя. – Умный, неординарно мыслящий...

– Тогда тебе обязательно понравится Димка, – перебила ее Лейка. – Это Вадькин друг, тоже из нашей компании. К нему, правда, Дианка клеится – это моя подруга, я тебе о ней потом тоже расскажу, – только это не по ней добыча. Димка, кстати, тоже в пед документы подал, только на психологию. Он хотел в универ, но самому туда не попасть, а отец его вроде бы денег давать не хочет... Димка увлекается социальной психологией. Управление народными массами, влияние на сознание, рекламные технологии, промывание мозгов и все такое. Мнесто он не особенно нравится. Действует на меня подавляюще. Слишком самоуверенный...

Катя попыталась представить кого-то более самоуверенного и подавляющего, чем Лейка, но не смогла.

– Даже если он мне понравится, не думаю, что он мной заинтересуется, – с сомнением сказала она.

– Не бойся, заинтересуется, – твердо заявила Лейка. – Можно подумать, их мнение кто-то спрашивает! Ты, главное, веди себя посмелее. А то у тебя такая манера поведения – ты извини, конечно, – как будто ты серая мышка. Вон Дианка. Ты ей только не передавай, но посмотрим правде в глаза – не красавица. Даже хорошенькой можно назвать с трудом. Лицо как у монголки, глаза выпученные... Да и умом, прямо скажем, – дурочка. Но она твердо уверена в том, что она – лучше всех. Знаешь, есть такие девчонки – правильные-правильные. Отличницы. Изза четверок до десятого класса плачут. Гордость родителей, одним словом. Ну мы-то с тобой – не такие. Хотя родители мной гордятся, чего уж отрицать. А Дианка...

Катя сообразила, что речь, должно быть, идет о той темноглазой девочке, которая так недоброжелательно отозвалась о Лейке в конце вечеринки. Уж больно похожи были ее и Лейкины интонации.

– Теперь представь, такая правильная девочка, и при этом полная дура. Ну не полная, так это еще хуже. Подходит как-то эта Дианка ко мне на перемене и важно так говорит: я пишу бизнес-план по всемирной экономике – это у нас был предмет такой, – а ты будущий лингвист, так придумай мне красивое мифологическое название для международной транспортной фирмы! Мне что, я придумала – АО «Харон». В шутку, естественно. Что ты думаешь – она так и написала, и училке в таком виде сдала! Вот смеху было! Если чего-то в голове не хватает, то это диагноз. Ты не подумай ничего такого, мы с ней подруги. Но передавать ей ничего не вздумай! – строго предупредила Лейка.

«Хороши подруги, – подумала Катя. – Да и компания... своеобразная. Хотя это ведь все с Лейкиных слов...»

– А нормальные люди у вас в компании есть? – слетело у Кати с языка.

– У нас в компании все классные! – обиделась Лейка. – Подожди, я тебя с Наташкой познакомлю, ты вообще обалдеешь. Или от зависти умрешь на месте. Хорошо мне, я не завистливая. Наташка – моя лучшая подруга. Такая красавица! Натуральная платиновая блондинка с кошачьими глазами, тип «снежная королева». Я, может, тоже как-нибудь в пепельно-русый покрашусь...

Лейка неожиданно захохотала, как будто вспомнив что-то очень смешное.

– С ней недавно такой случай произошел! Короче, она влюбилась в нашего учителя физики. Не безнадежно, разумеется. Любовь просто душераздирающая. Физик чуть с женой не развелся. Так вот, Наташка, чтобы физика окончательно добить, пошла в дорогой салон, сделала себе вечерний макияж, волосы уложила и в таком виде явилась в школу. И попала на глаза нашей директрисе. Директриса увидела Наташку, озверела, схватила ее за укладку, потащила в туалет и там весь макияж смыла! Хозяйственным мылом, холодной водой, чуть ли не половой тряпкой! У Наташки потом все лицо так распухло...

Лейка залилась радостным смехом. Кате история такой уж смешной не показалась.

– Директриса у нас была просто зверь, никого не боялась. Чего ей бояться, с другой стороны, она с самим губернатором дружит. В итоге пострадал физик. Наташка до физика со Стасиком встречалась, так Стасик с компанией этого физика встретил на футболе и так его исколошматил, что он потом в больницу попал. А он их даже не узнал. Или узнал, но притворился, на всякий случай. У Стасика отец крутой, мало ли что. После физика Наташка опять со Стасиком сошлась. Но сейчас они, по-моему, снова разбежались...

Катя молча кивала, поскольку рот у нее слипся от «Рафаэлло». Все эти Лейкины одноклассники давно перемешались у нее в голове.

– Стас мне и самой нравится, – продолжала Лейка. – Но не настолько, чтобы отбивать его у подруги. Хотя, в принципе, я живу по правилу: «Девушка не столб, надо – отодвинем!». Ты со мной согласна?

– Не знаю, – со вздохом сказала Катя. – Я ни у кого пока парней не отбивала.

– Ты просто еще маленькая, – покровительственно сказала Лейка. – У тебя еще все впереди. Я сначала тоже про тебя подумала – ну и девочка-припевочка, а потом пригляделась – нет, в тебе чувствуется нечто неукротимое!

От такой характеристики Катя даже жевать перестала. Она с изумлением взглянула на гостью.

– Я разбираюсь в людях, – с достоинством произнесла Лейка. – Мне нравятся сильные личности, а ты именно такая. Я вижу, что ты многого добьешься в жизни.

– Спасибо, – сказала Катя, взглянув на Лейку с большей симпатией, чем прежде. Катя была польщена. Но она абсолютно не понимала, каким образом Лейка умудрилась обнаружить в ней силу и неукротимость.

Допив чай, Лейка взглянула на часы и засобиравалась на выход.

– Так договорились? – спросила она, стоя в дверях.

– О чем?

– Когда мы к тебе приходим?

– Кто «мы»?

– Как – кто? – удивилась Лейка. – О чем мы, по-твоему, целый час толкуем? Наша дружная компания: Наташка, Стасик, Дианка, Сережка, Димка, я... Надо же по-нормальному отпраздновать новоселье или нет? Например, послезавтра или лучше завтра, ближе к вечеру?

– Ну приходите, – от неожиданности согласилась Катя.

Глава девятая

Кое-что об эльфах

Как-то три пещерных тролля наткнулись в недрах горы на заплутавшего спелеолога.

– Ты – кто? – спросили они.

– Я – человек! – гордо ответил спелеолог.

Пещерные тролли никогда не видели людей, поскольку слепыми были от рождения.

– А что такое – человек? – спросил один из троллей. Его сородич пощупал и сказал:

– Человек – это нечто плоское, липкое и мокрое. И двое других, тоже пощупав, с ним согласились.

Fair lady Isabel sits in her bower sewing
Aye as the gowans grow gay
There she heard an elf-knight blowing
his horn The first morning in May...

Прекрасная леди Изабел сидит в тереме и шьет,
А вокруг цветут одуванчики.
И тут она слышит рыцаря-эльфа, трубящего в рог
Первым утром мая...

Да, со второй балладой у Кати дело пошло намного веселее, чем с первой. Во-первых, она была на «простом» староанглийском, безо всяких шотландских диалектизмов, во-вторых, теперь у нее были словари, а к архаичному языку и дикому строю фраз Катя понемногу привыкала. Ее не смущали больше сокращения слов и апострофы, а старинные слова не столько усложняли, сколько украшали текст. А главное – сама баллада ей нравилась куда больше. Три четверти предыдущей занимало описание подготовки к сражению, самого сражения и его последствий. Что может быть скучнее? В этой же балладе не было никаких «батальных сцен», зато присутствовали такие увлекательные вещи, как любовь, смерть и волшебство.

Называлась баллада «Леди Изабел и рыцарь-эльф».

Катя читала текст, изредка спотыкаясь на всяких «wi a sma» и «sae sair», и удивительно легко и ярко представляла себе происходящее в балладе. Вот юная и прекрасная Изабел вышивает гобелен у раскрытого окна, а на улице самое чудесное время, начало мая: молодая зелень, луг, усеянный золотыми одуванчиками, солнце всходит над лесом... А когда раздастся звук охотничьего рога и перед окном появится прекрасный рыцарь в зеленой одежде, сердце так и затрепещет...

Красотка Изабелла сидит над рукодельем,
К стежку кладет стежок.
Так первым утром мая сидит и вышивает...
Чу! Эльф трубит в свой рог!

– Ах! – леди Изабелла иглу в парчу продела.

– Мне душно взаперти!

Ах, я томлюсь, мечтая: то не парча золотая –
Эльф у моей груди.

– ...and yon elf-knight to sleep in my bosom! – произнесла Катя вслух.

– Что ты сказала? – В дверном проеме стоял Карлссон.

Катя так и не услышала, как он пришел.

– «...And yon elf-knight to sleep in my bosom!» «Ах, если бы эльф-рыцарь уснул на моей груди!» – перевела Катя, улыбаясь гостю. – Но чтобы ритм сохранить и в рифму – точно не получится, поэтому «эльф у моей груди». Это очередная баллада. Видишь, как я наловчилась переводить?

– А-а-а, баллада... – произнес Карлссон, как показалось Кате, с облегчением.

– Ну да! Классная, в отличие от предыдущей. И намного проще. Я могла бы и сама справиться, но ты все равно бери стул и садись поближе. Будешь мне слова подсказывать. Вот что такое gowans?

– Старое слово, то же самое, что dandelions, – Карлссон послушно опустился на стул рядом с Катей. Стул жалобно захрустел. – Одуванчики. А о чем баллада?

«Не хочешь ли отправиться со мной в зеленый лес? – набирала тем временем Катя подстрочник. – Не желаешь пешком, так поедем верхом...»

– О девушке и эльфе, – ответила она.

– И что, он ее похитил? – очень серьезно спросил Карлссон.

– Почему сразу похитил? Она сама с ним поехала в лес кататься. А эльф завлек ее в чащу и говорит... – Катя заглянула в текст: – «...Мы прибыли на место, где придется тебе умереть!» Но девушка его перехитрила, навела на него сонные чары и... Что такое slain?

– Зарезать. Дай-ка посмотреть, – сказал Карлссон, протягивая руку к распечаткам.

Минуты две оба молчали. Катя набирала текст, Карлссон внимательно читал.

– Я бы хотела встретить эльфа, – мечтательно сказала Катя. – Представь, как здорово. Сидишь ты рано утром у окна. На дворе первое мая – тепло, солнышко светит, птички поют, одуванчики цветут. И тут из лесу выходит эльф...

– Первого мая? – проворчал Карлссон, отодвигая распечатку. – Ты, Малышка, хоть понимаешь, чего хочешь?

Катя подняла голову и посмотрела на суровое лицо гостя.

– Что? – с насмешкой спросила она. – Опять в балладе все исторически неправильно?

Карлссон хмыкнул.

– «Неправильно...» Скажешь тоже! Все шиворот-навыворот. Дохлая лошадь в кленовом сиропе! Сразу видно, что сочинял какой-нибудь человек-менестрель в коротких пестрых штанишках!

– Ну да! Конечно, это леди Изабел игрой на клавесине выманила эльфа из леса, чтобы соблазнить! – желчно сказала Катя. Она обиделась за понравившуюся ей балладу. – А эльф обиделся и ее убил. Так, да?

– Глупости! – отрезал Карлссон. – Не стал бы сид убивать знатную девушку в ее доме! Не те тогда были времена.

– Какой еще сид? – заинтересовалась Катя.

– Эльф. Они себя сидами называют... Называли, – поправился он, но Катя на его оговорку не обратила внимания.

– Сид – это эльф? Первый раз слышу, – с сомнением произнесла она. – Ну допустим...

– Про «народ холмов» ты тоже не слышала?

– Ну почему же! Не такая уж я серая! – возмутилась Катя. – И про полые холмы я читала. И про то, что эльфы туда людей заманивали, а потом выпускали – через сто лет!

Карлссон фыркнул.

– Ты не смейся! – снова обиделась Катя. – Я не мифолог какой-нибудь! Что читала, то и говорю! А если ты все знаешь, то, может, расскажешь, как было дело у этого эльфа и Изабел? – язвительно предложила она.

– Может, и расскажу, – сказал Карлссон. – Хотя сразу предупреждаю: именно этой истории я не знаю. Зато хорошо знаю сидов.

– ...И девушек! – поддела его Катя.

– Я ведь могу и не рассказывать, Малышка, – предупредил Карлссон.

– Ладно, ладно! Я молчу и внимаю...

– Внимай, – серьезно сказал Карлссон. – Может, в жизни тебе пригодится. Хотя надеюсь, что нет. – Он устроился поудобнее. – Запомни: смертная девушка с эльфом ничего сделать не сможет. Если он захочет выманить ее из дома, то выманит. Если захочет убить, то убьет. Эта Изабел могла воображать, что позвала эльфа, но мне совершенно очевидно: сид пришел сам. Пришел, очаровал, заманил в лес, на нужное место, и убил. Может, и существовала в Шотландии девушка, которой бы удалось перехитрить эльфа, но лично я таких историй не припоминаю. Другое дело, если бы она сама была опытной колдуньей и знала, на что и с кем идет. Но опытная колдунья обычно малопривлекательная старуха, абсолютно непригодная для жертвоприношения...

– Какого еще жертвоприношения? – перебила Катя.

– Там же все прямо сказано, – удивился Карлссон.

– Где?

– Здесь! – Карлссон ткнул толстым пальцем в строчку. – Ты что, читать разучилась? В каждой строфе! «The first morning in May... The first morning in May...»

– Ну и что? – удивилась Катя.

– Как «что»? – Карлссон посмотрел на нее с изумлением. – Ты не знаешь, что такое первое мая?

Катя напряглась и вспомнила:

– День мира и труда! Его коммунисты празднуют.

Карлссон усмехнулся, похлопал ее по руке:

– Первого мая, Малышка, все, даже глупые человечки, отмечают бельтайн, – сообщил он. Теперь настал черед Кати удивляться.

– Что это такое – бельтайн?

– Большой праздник весны. Нет, ты правда не знаешь? В России его тоже отмечают, я сам видел. Правда, обряды немного другие, но тоже костры жгут, совокупаются, купаются... Правда, купаются без факелов...

– Подожди, Карлссон, я совсем запуталась! Ладно, про бельтайн я поняла, но при чем тут эльфы?

– Эльфы, отмечая бельтайн, забирают человеческие жизни, – сообщил Карлссон.

– Значит, ты утверждаешь, этому рыцарю-эльфу из баллады просто нужна была девушка для ритуальной жертвы?

– Я ничего не утверждаю, – заявил Карлссон. – Я же тебе сказал, что не знаю *этой* истории. Но если в бельтайн эльф увел девушку в лес, то вряд ли – одуванчиками любоваться.

– Странно это все, – подумав, сказала Катя. – Почему тогда эльфов всегда изображают прекрасными, добрыми?

– Люди, – уточнил Карлссон. – Люди изображают эльфов прекрасными и добрыми. Потому что эльфы *кажутся* им прекрасными и добрыми.

– А на самом деле они ужасно уродливые и злые?

– Да нет, – покачал головой Карлссон. – Я бы так не сказал. Людей они убивают не так уж часто. И на это всегда есть особые причины – зашел человек куда не надо, ненароком нарушил

какой-нибудь запрет... Или для жертвы в честь какого-нибудь праздника – праздновать они любят. Нет, убивали людей нечасто. А вот похищали – да. Молодых парней и девушек. Сидам люди всегда нравились.

- Людям, наверное, тоже, раз ты сам признаешь, что они – красивые!
- Лошадь тоже красивая, – сказал Карлссон. – Или сокол.
- Но ведь эльфы похожи на людей!
- Похожи, – согласился Карлссон. – Обычному человеку и не отличить.
- Тогда при чем тут лошади? Если человек думает, что перед ним человек...
- Это человек *думает*, – перебил Карлссон. – Но сид всегда точно знает, кто перед ним.

Впрочем, иногда это необходимо. Бессмертным.

- Почему? – спросила Катя.
- Жизнь. Бессмертные, чтобы оставаться бессмертными, должны время от времени брать у смертных жизнь.

– И как они это делают?

– По-разному. Но сиды, они никогда меры не знали, потому если уж к ним попадал кто-то из человечков, то отпускали его только тогда, когда... В общем, даже если и отпускали, то умом он или она повреждались окончательно. Когда вокруг человечка одни сиды, человечку так и так пропадать. Но так было раньше, когда сиды не могли жить среди людей.

- А теперь – могут?
- А теперь – могут, – подтвердил Карлссон.
- погоди! – сказала Катя. – Ты что, хочешь сказать, что эльфы существуют на самом деле?
- Разумеется, существуют, – невозмутимо сказал Карлссон.
- Ты – серьезно?
- Абсолютно!
- И ты сам их встречал?
- Встречал.
- Не верю! – заявила Катя. – Ты меня разыгрываешь! Не поверю, пока сама не увижу!

Если хочешь, чтобы я тебе поверила, – покажи мне настоящего эльфа! И пусть он докажет, что он действительно эльф!

- Не получится, – сказал Карлссон. – Если я встречу эльфа...
- Ну вот! Я так и знала! – перебила Катя. – Всегда найдется отговорка!
- ...и узнаю его, – невозмутимо продолжал Карлссон, – то вряд ли сумею его с тобой познакомить.

И добавил что-то не по-русски.

– Что ты сказал?

– Я сказал, что эльфа настолько... м-м-м... огорчит наша встреча, что до знакомства с тобой дело уже не дойдет.

Глава десятая

Катя решает измениться к лучшему и знакомится с хозяйкой модного салона

*Жил-был эльф. И было у него косоглазие. Пошел он однажды куда
глаза глядят... и порвался.*

Предстоящая вечеринка, помимо неопределенного радостного подъема, вызывала у Кати легкую панику. Легкомысленная Лейка не сообщила ей ни сколько народу, ни когда, ни что с гостями делать. Хорошо хоть сказала, что еду и музыку гости принесут с собой. Денег у Кати было в обрез. От того, что ей дали в дорогу родители, осталось совсем мало, и этот остаток Катя намеревалась потратить на себя. Пусть у нее в доме пусто, но выглядеть замухрышкой на фоне питерских красавиц она не собиралась. Тем более скоро она получит гонорар.

Приняв решение, Катя позвонила Лейке и объяснила, что хочет заняться своей внешностью, но не знает, с чего начать.

– А как у тебя с деньгами? – сразу поинтересовалась практичная Лейка.

– Есть кое-что...

– Ты конкретно чего хочешь? Прическа, одежда, стиль?

– Всё сразу.

– Тогда так. Одежду все продвинутые люди сейчас покупают в «Кислороде» – это, кстати, от тебя рядом, минут десять по Невскому к площади Восстания. Маленький такой бутик, но есть из чего выбрать, и совсем не дорого. А потом, когда затоваришься, еще метров через двадцать сверни в подворотню, пройди три двора насквозь и увидишь такую зеленую с золотом вывеску «Вечная молодость». Это оздоровительный центр, там же у них и парикмахерская, и визаж, и черт в ступе. Там не какой-нибудь банальный салон красоты, а творческая студия, они во всяких конкурсах участвуют, работают только с элитой, и поэтому цены, честно говоря, не для простого народа. Но ты не бойся, у меня там знакомая девочка работает, Оля, она стилист, международный призер, я тебе дам ее телефон, и она сделает тебе скидку. Объясни ей ситуацию, и она сама подберет тебе и прическу, и макияж – в общем, создаст индивидуальный образ...

– Именно это мне и надо! – обрадовалась Катя. – Давай телефон, записываю...

Из «Кислорода» Катя вышла с ног до головы во всем новом, стильном и модном, осторожно выступая в невесомых босоножках и чувствуя себя так, будто сменила кожу. Бедра туго обтягивали ядовито-голубые джинсы с алыми бархатными вставками на коленях; с черной футболки мрачно смотрело на мир анимэшное большеглазое существо непонятного пола с самурайским мечом наперевес. Прозрачные пластиковые босоножки, которые стоили столько, сколько в Пскове стоят хорошие зимние сапоги, переливались всеми цветами радуги; продавец уверял, что они накапливают свет и будут светиться в темноте. Вообще, насчет дешевизны Лейка слегка погорячилась: после всех покупок денег у Кати осталось разве что на скромную стрижку в районной парикмахерской. Катя прошла двадцать метров и в нерешительности остановилась перед подворотней. Может, имело смысл отложить посещение «Вечной молодости» до получения гонорара? Здравый смысл подсказывал, что до десятого надо еще чем-то питаться. «Проживу как-нибудь на чае с хлебом. Зато стану стройная, как Кейт Мосс! ³» – решила Катя.

³ Фотомодель, отличающаяся исключительной худобой.

Здравый смысл обреченно умолк.

«Вечная молодость» пряталась во дворах.

Нырнув под зелено-золотистую вывеску, Катя спустилась на несколько ступенек и оказалась в прохладном холле цокольного этажа, белые стены которого пестрели плакатами и фотографиями известных личностей шоу-бизнеса в обнимку со своими гримерами и стилистами. Напротив двери светился изнутри стеклянный стеллаж с разнообразной косметикой. Рядом, за компьютерным столом, листала журнал «Naïr» молодая девушка невероятной красоты, посаженная тут явно ради рекламы косметических достижений «Вечной молодости». Она была пугающе похожа на существо с мечом на Катиной футболке.

– Добрый день, – сказала Катя.

Девушка оторвалась от журнала и выжидающе посмотрела нечеловечески огромными глазами. Приглядевшись, Катя поняла, что глаза умело накрашены, а двухсантиметровые ресницы, кажется, вообще приклеены.

– Вы не подскажете, где тут Оля?

– Вы записаны? – лениво спросила эльфийская красавица.

– Нет, но мы созванивались...

– Направо, вторая дверь, в зеркальный зал.

Катя побрела в указанном направлении. С обеих сторон ее сопровождали фотографии диковинно раскрашенных моделей обоего пола. Кате бросился в глаза красавец, разрисованный с одного бока под джентльмена во фраке, а с другого – под даму в вечернем платье. На ладонях у него были нарисованы черные и красные фишки.

«Неужели и меня так распишут?» – с опаской подумала она, открывая указанную дверь.

Зал был невелик, но казался огромным из-за зеркальных стен. Вдоль стенок тянулись ломящиеся от косметики полки, перед ними стояли высокие хрупкие насесты. В дальнем конце зала перебирала косметику крупная девушка с короткими черными волосами.

– Ты Катя? – негромко спросила она. – Садись сюда.

Катя взгромоздилась на насест, чувствуя себя растянутым на мольберте холстом.

У суперстилиста Оли была квадратная фигура, холеная кожа и холодный изучающий взгляд. Она бесцеремонно взяла Катю за подбородок и принялась вертеть как куклу, рассматривая со всех сторон с хмурым видом.

– Чего хотим? – спросила она.

– Подобрать стиль... и имидж.

– Стиль, девочка, подобрать нельзя, – сухо сказала Оля. – Он или есть, или его нет. Все зависит от того, обладаешь ли ты индивидуальностью. Если как личность ты ноль, то никакой стилист не поможет.

– А имидж? – слегка испуганно спросила Катя.

– Имидж – это совсем другой вопрос, – пробормотала Оля, выковыривая из стенда с косметикой какие-то коробочки и ставя рядом их перед собой на полку. – И прежде всего это вопрос денег...

Катя, совсем оробев, пробормотала что-то о скидке. Оля поморщилась.

– Не дергай головой, я подбираю тушь. Не беспокойся, Лейла меня предупредила, что ты малоимущая. Думаю, долларов в двести мы уложимся.

Катя на мгновение замерла, а потом решительно полезла с табуретки.

– Слушай, я не могу работать, когда ты все время вертишься... – недовольно начала Оля.

– Олечка, ты здесь? – раздался нежный голос из коридора. – Уже трудимся?

Оля сразу выпрямилась, подобралась. На ее лице появилось натренированное выражение безграничной радости.

– Кариночка, как ты сегодня рано! – воскликнула она. – Это хозяйка, – шепнула она Кате.

В зеркальный зал легким шагом впорхнула красивая женщина лет тридцати, стройная и мускулистая, как гимнастка. Катю поразила ее прическа: длинные волосы, завязанные на макушке в хитрый узел, торчали во все стороны как лучи заходящего солнца. Сходство усугублялось багровым оттенком шевелюры.

При виде хозяйской прически Оля всплеснула руками и испустила восторженный визг:

– Вау, какая прелесть! Экстрим!

– Привет, девочки, – ослепительно улыбаясь, поздоровалась хозяйка и с откровенным удовольствием посмотрелась в зеркало.

– Я только что от Альбертика. Два часа меня мучил, противный. Сегодня ночью дефиле в «Голливудских ночах», а потом у меня там же мастер-класс. Пусть и на мастера полюбуются, хихи, не только же на моделек смотреть... Заодно и студии реклама.

– Душат слезы, – с надрывом прошептала Оля, рассматривая пылающую конструкцию.

Хозяйка благосклонно улыбнулась:

– Альбертик сегодня в образе. Хочешь, иди к нему, пока у него не иссяк творческий порыв. Он и тебя раскрасит.

– У меня вообще-то клиент, – кисло сказала Ольга.

Карина скользнула взглядом по Катиным волосам, встрепенулась. Катя встретила в зеркале ее профессиональный оценивающий взгляд. Глаза у Карины были тщательно накрашенные, неестественно синие.

«Цветные линзы носит, наверняка», – с легкой завистью подумала Катя. Она уже года три хотела такие.

– Ой, какая птичка к нам прилетела, – проворковала Карина. – Беленькая, нежненькая... Иди к Альбертику, Олюнь, я сама ей займусь. Кстати, – в ласковом голосе мелькнула угроза, – чтобы я последний раз видела тебя с когтями.

Оля виновато опустила глаза:

– Но это же обычный рабочий маникюр...

– Вот рабочий маникюр! – Хозяйка продемонстрировала тонкую кисть руки, невзначай прикоснувшись к щеке Кати. – Прозрачный лак, длина максимум два миллиметра от подушечки. Всё, свободна.

Громоздкая Оля поспешно удалилась, и Катя осталась наедине с хозяйкой.

– Ну, радость моя, приступим... – начала Карина.

– У меня нет двухсот долларов, – быстро сказала Катя. – И ста тоже нет. И пятидесяти...

Хозяйка возмущенно отмахнулась:

– Прелесть, зачем мне твои копейки! Ты ведь первый раз у нас, да? Первый раз – бесплатно.

Карина запустила пальцы в Катины волосы и принялась поворачивать ее голову туда-сюда, рассматривая со всех сторон. Пальцы у нее были твердые, как дерево.

– Ах, какая кожа! Не понимаю, зачем тебя вообще сюда занесло? – Голос Карины журчал, как ручеек. – В твоём возрасте тебе в принципе не нужна косметика. Тебе ведь лет семнадцать? Такое кипение стихий... такой заряд жизненной энергии... такой выплеск гормонов... Ты ведь ещё девственница, да? Голову чуть левее, пожалуйста... У девочек в твоём возрасте, к сожалению, часто бывают проблемы с кожей, но ты просто уника, давно такого не видела. И какие нежные губы... Тебя же любой макияж состарит... А вот бровки подкорректировать не мешало бы...

– Я хотела, чтобы мне помогли найти свой стиль, – сказала Катя, когда Карина наконец выпустила ее голову и пошла к стенду с косметикой.

– А я чем сейчас занимаюсь?

Карина вернулась через полминуты с ворохом баночек и коробочек.

– Твой стиль – весна. Робкая, но полная скрытой чувственности весна в горной долине. Первая зелень, похожая на изумрудный туман...

Руки Карины легко заскользили по Катиному лицу, нанося основу под тон.

– Спящие озера, с которых еще не везде сошел лед... Сизые вечерние тени...

Катя сидела, закрыв глаза, и чувствовала, как ее лицо то чем-то протирают, то припудривают, то водят острой кистью по векам... Кажется, Карина, забыв о собственных словах, намеревалась нарисовать поверх Катиного лица какое-то другое.

– Цветение дикого шиповника на неприступных скалах...

Сладко пахнущая липкая кисточка мазнула Катины губы.

– Немного прозрачного блеска... Ну, погляди на себя.

Из зеркала на Катю широко распахнутыми глазами смотрела русалка. Или фея. Казалось, ветер подует – и она улетит, растает как туман. Как прекрасное неземное видение.

– С волосами ничего делать не надо, – сказала Карина, любуясь на дело своих рук. – Не вздумай стричь или, не дай бог, красить. Натуральная блондинка – это такая редкость... Сейчас все норовят перекраситься в какой-нибудь неестественный цвет. Мне и то пришлось, по работе...

Карина еще раз взглянула на Катю и вздохнула:

– Жалко, что эта пора человеческого расцвета так коротка. Шесть-семь лет... Тебе, детка, этого еще не понять. Для тебя семь лет – это полжизни, да?

– Но это же естественно – взрослеть, – пискнула Катя. – И разве обязательно в двадцать пять становиться дурнушкой? Вот вы, Карина, просто потрясающе выглядите!

– Я – это другое дело, – заметила хозяйка салона. – Но ты, детка, тоже не огорчайся раньше времени. Есть много способов сохранить подольше мимолетную человеческую красоту. Главное – не упустить время...

От Карины Катя вышла в полном восторге, унося список косметических препаратов, заботливо составленный хозяйкой «Вечной молодости» для поддержания Катиной «мимолетной» красоты. Красавица в холле куда-то смылась, и Катя задержалась в коридоре, чтобы посмотреть фотографии знаменитостей.

– ...Что значит «не хочет»? А ты дожимай! За что я тебе деньги плачу? Из своих возвращать будешь! – донеслось вдруг из-за полуоткрытой двери зеркального зала.

Катя не удержалась и заглянула. Карина, стоя боком к двери, кого-то распекала по телефону. Теперь, когда ее никто не видел, ее ухоженное лицо выглядело жестким и властным, почти мужским. Катя, слегка шокированная такой переменой, подумала, что Карине, наверно, не тридцать лет, а все сорок, если не больше.

Глава одиннадцатая

Вечеринка

Однажды два юных тролля, брат с сестренкой, лепили из снега человечка.

Когда человечек был готов, братишка сказал:

– Сбегаю в пещеру за морковкой!

– Возьми две, – сказала сестренка. – Нос ему тоже сделаем.

Вернувшись домой, Катя обнаружила там Карлссона. В своем неизменном спортивном костюме он восседал за столом и читал распечатку очередного перевода.

– Привет, – сказала Катя.

– Привет.

В его взгляде не было никакого восторга. А Катя так надеялась, что он оценит ее новый имидж.

– Будешь работать?

– Нет, – ответила Катя. – Ко мне сейчас гости придут.

Карлссон кивнул. Не поинтересовался, что за гости. Не спросил: «Я не помешаю?» Словом, не сделал ровно ничего, что положено любознательному, вежливому и воспитанному человеку.

– Есть хочешь? – поинтересовалась воспитанная и вежливая Катя. – Есть конфеты и сыр.

– Сыр давай, – согласился Карлссон.

«Ну как же тебя выпроводить?» – думала Катя.

Она так ничего и не придумала, когда первой заявила Лейка.

Накрашенная, разодетая. Вернее, полураздетая Лейка – в красном облегающем платье на шлейках, с глубоким вырезом на спине до самых трусиков.

При виде Кати, преображенной Карининой магией, Лейка замерла. Затем на лице ее отразилась целая гамма эмоций – от зависти до восторга с легкой примесью суеверного страха.

– Ты что с собой сделала? – с благоговением прошептала она. – Пластическую операцию?

– Это называется «Весна в горах», – скромно пояснила Катя. – Просто такой легкий грим.

– Ну Оляка дает! Мастер! Волшебница! Срочно к ней записываюсь...

– Это не Оля. Это их хозяйка, Карина, это она меня так расписала.

– А, ну тогда понятно... – Лейка как-то сникла. – Это нам, простым студентам, не по карману.

– Мне в честь первого раза бесплатно сделали, – похвасталась Катя.

– Повезло, – завистливо буркнула подруга. – А прикинулась, судя по «кислотному» привкусу, в «Кислороде»?

– Ага. Ты меня так выручила своим советом, – вдохновенно сказала Катя. – Если бы не ты...

– ...ты бы так и ходила примерной школьницей! – Лейка сразу повеселела. – То-то! Со мной не пропадешь! Теперь все парни твои. Смотри, не вздумай отбивать у меня поклонников! – Тут Лейка остановилась перед зеркалом. – Ты одна? – спросила она, прихорашиваясь. – Никого из наших еще нет?

– Нет, ты первая. Но я не одна.

– О-о-о! А кто у тебя? – оживилась Лейка. – Парень?

– Скорее, мужчина.

– Серьезно? Бойфренд?

– Нет, просто знакомый.

– Отлично! – Лейка состроила кокетливую гримаску, поправила «небрежно» упавшую на щеку прядку и, опередив Катю, устремилась в комнату.

– Здра-авствуйте! – Лейка обольстительно улыбнулась, одновременно окидывая Карлссона оценивающим взглядом.

Похоже, Катин друг ее не особенно впечатлил.

– Это Лейла, – представила ее Катя. – А это Карлссон. Он тут... по соседству живет.

– Карлсон? – Лейкины глазки заинтересованно блеснули. – Карлсон! – Она плюхнулась на диван рядом с Катиным знакомцем, светски закинула ногу за ногу. С точки зрения Кати, ноги эти были несколько толстоваты, но, говорят, многим мужчинам нравятся именно такие... мясистые.

К удовольствию Кати, Карлссон к этим «многим» не принадлежал, поскольку на загорелые прелести даже не посмотрел.

– Не Карлсон, а Карлссон! – недовольно уточнил он. – Карлссон. Два «с».

– Вы случайно не швед? – кокетливо проговорила Лейка. – Я тут как раз шведский язык изучаю... God middag! – сказала она на полупонятном Кате языке, похожем на немецкий.

– Nej, – кивнул Карлссон и ответил на том же языке. Длинно, и на этот раз совсем непонятно.

– Ах! – воскликнула Лейка. – Я такие сложные фразы еще не понимаю! Так вы – швед, я угадала? – И повернувшись, слегка наклонилась, чтобы собеседник имел возможность заглянуть в ее декольте и убедиться, что бюстгальтера под платьем нет, а если бы и был – то не меньше третьего номера.

Карлссон в вырез не заглянул. Он вообще отвернулся от собеседницы, вернее, посмотрел на Катю, еле заметно подмигнул ей и сказал:

– Нет, я не швед, но я долго жил в Стокгольме. Очень долго.

– А где, можно узнать? Я немного ориентируюсь в Стокгольме, – сообщила она с подчеркнутой небрежностью. – Мы с мамой провели там пару дней прошлым летом.

– На улице Святого Павла.

– Это у Королевского дворца, да? – проявила эрудицию Лейка.

– Нет, район Седермальм.

– А что вы делаете в России?

– Работаю, – сухо ответил Карлссон.

– А что у вас за работа?

– У Карлссона здесь бизнес! – вмешалась Катя.

Неужели Лейка не понимает, что она Карлссону не очень-то интересна.

Лейка не понимала.

– А вы так хорошо говорите по-русски! – проворковала она, придвигаясь к Карлссону потеснее. – И вы сами больше похожи на русского, чем на шведа. У вас, наверное, в роду кто-то из русских эмигрантов. Я угадала?

Что ответил Карлссон, Катя не узнала. Раздался звонок. Явился Сережа, опять навеселе.

– Угадайте, кто пришел! – закричал он с порога. – Привет, девки! Лейка, у тебя сейчас сиськи наружу вывалятся! Хочешь, я...

– Это Сережа, – перебила его Катя. – А это – Карлссон.

– Кар... – Сережа выпучил глаза и выдал. – А я тебя видел, мужик! Ты сырого голубя жрал!

Катя побледнела. Лейка вскочила, ухватила Сережу за руку, улыбнулась Карлссону шикарней, во все зубы, улыбкой: – Простите, господин Карлссон, этого пьяного дурачка! – вытолкала Сережу в коридор и зашипела на него:

– Ну ты и придурок, Сережка! Какие, на фиг, голуби? Какой он тебе мужик! Это бизнесмен шведский, ты, дебил! Быстро пошел и извинился!

– На хрена мне извиняться! – бубнил Сережа. – Если он швед, так все равно ни хрена не понял.

И вообще, это моя квартира, что хочу, то и говорю!

– Не твоя, а папаши твоего! – с ходу поставила его на место Лейка. – У тебя, Сереженька, не то что квартиры – даже тачки своей нет. А по-русски Карлссон прекрасно понимает, так что пошел – и извинился!

– Ни хрена я не буду извиняться... – бубнил Сережа.

Весь их диалог был в гостиной прекрасно слышен.

– Что-то гости запаздывают, – громко сказала Катя, расставляя тарелки на скудно накрытом столе. Лицо Карлссона было невозмутимо.

Сережа и Лейка вернулись, красные, как после бани.

– Вы, это, простите, господин Карлссон, – пробормотал Сережа. – Я, типа, обознался.

Карлссон милостиво кивнул, но Сережа сел на всякий случай подальше, на стул.

– Чего расселся? – напустилась на него Лейка. – Иди стаканы из кухни принеси! Не в ресторане!

– Слушай, этот Карлссон, он, наверное, страшно богатый! – прошептала она Кате на ухо.

– С чего ты взяла? – изумилась Катя.

– Ну, он так стильно одет. Эта подчеркнутая небрежность. А туфли? Видела, какие у него туфли? Готова поспорить: ручная работа, авторская.

Тут в дверь снова позвонили. Катя и Лейка бросились открывать. На этот раз пришли сразу четверо. В прихожей стало тесно и шумно.

– Сейчас я тебя буду знакомить, – сказала Лейка. – Народ, это моя подруга Катя. Она теперь хозяйка этой классной студии. Знакомься – Стасик...

– Чего ты паришь, Лейка. Мы же знакомы, – громко возмутился плечистый красавец в двух футболках, одна поверх другой, и художественно продранных джинсах. – Катенька, неужели вы меня забыли?

– Можно на «ты», – ответила Катя, чувствуя себя довольно неловко под взглядом четырех пар изучающих глаз. Вернее, трех – потому что одной из девиц, блондинке в белом брючном костюме, не было до нее никакого дела. Она рассеянно повертела головой, обнаружила зеркало и устремилась к нему, на ходу поправляя прическу.

– Это Димка. Это Диана, – продолжала Лейка. – Вон там, у зеркала, Наташка.

Темноволосый Дима сдержанно кивнул в ответ из-за спин своих товарищей. Его лицо было Кате незнакомо. А Диану Катя сразу узнала. Именно эта монголоидная девушка, одетая по-учительски строго – в коричневый жакет, розовую блузу и коричневую же юбку до середины колена, – предостерегала ее против Лейки и сулила разнообразные жизненные неприятности.

– Привет, Диана, – сказала Катя, обрадовавшись знакомому лицу.

Диана в ответ обшарила ее взглядом с головы до ног, помрачнела и поздоровалась сухо и надменно.

– О, у нас будет студенческая тусня по-английски! – донесся из комнаты голос Сережи. – Би уай оу би?

– Чего? – с подозрением спросила Лейка, – Какая-нибудь очередная гадость?

– BYOB – Bring your own bottle, – пояснил Сережа. – «Каждый приходит со своим бухлом». И с закуской, понятное дело.

Катя, решив, что он намекает на скудный стол, покраснела.

– Вот и принес бы что-нибудь, – сердито сказала она.

– А я сюда не есть пришел, – возразил Сережа. – Пожрать я и дома могу. У меня другие планы.

– Где ты этих английских выражений нахватался? – хмыкнула Лейка.

– Забыла, что ли, папашка же меня зимой на курсы зарядил. Я ж рассказывал! Там у нас препод был – классный чел, только и делал, что хохмил и сленгу нас обучал. Иначе, говорит, скучно преподавать. Зато теперь умею английским матом ругаться...

– Ну еще что-нибудь изобрази! Из сленга, – заинтересовался Стасик.

– Go dutch, – охотно проявил познания Сережа. – Это означает: если приглашаешь девушку в кафе, то платит она. А если заплатишь ты, то она подаст на тебя в суд за сексуальные домогательства.

– Повезло американцам, – поддела его Катя. – Экономия-то какая.

– Конечно, повезло, – грустно согласился Сережа. – У нас народ отсталый, особенно некоторые девчонки...

Как выяснилось, гости все-таки принесли с собой какую-то еду. Совместными усилиями девушек стол был накрыт еще раз.

– У нас фуршет. Берите бутерброды и напитки и располагайтесь где вам удобно, – объявила Лейка, озираясь по сторонам в поисках шведского бизнесмена. Катя тоже оглянулась и увидела, что Карлссон куда-то исчез, а рядом с ней стоит и улыбается красавец Стасик.

– Давай я за тобой поухаживаю. Хочешь я тебе «Кровавую Мэри» намешаю? – предложил он, с удовольствием рассматривая Катю.

– Только не «Мэри»! – испугалась Катя. – У меня на нее аллергия.

– Ну тогда вина, – Стасик перегнулся через стол, дотягиваясь до бутылки. При каждом движении с его стороны накатывалась плотная ароматическая волна. Стасик, похоже, не знал, как пользоваться духами, и умастил себя раз в десять щедрее, чем следовало.

– Ты офигительно выглядишь, – негромко сказал он, наливая вино. – Я тебя сначала даже не узнал! На самом деле ты мне еще тогда, у Сереги, понравилась, – поправился он. – Но сегодня особый вечер. Наша встреча не случайна. Ты это не чувствуешь?

– Я, кроме твоего одеколona, вообще ничего не чувствую, – сострила Катя.

Стасик юмора не понял.

– Классный запах, да? – гордо прошептал он. – Мужской Kenzo, новая коллекция... (Вообще-то Kenzo был отцовский, но Стасик заострять на этом внимания не стал.) Ладно, не о том речь. Речь о судьбе... Нет, я ничего такого в виду не имею... Я хочу сказать: ты сегодня необычайно красива...

Они остановились у окна. Красивой Катю до сих пор называла только мама, и вообще Катю раньше не очень-то осыпали комплиментами, поэтому она не знала, что следует отвечать, и только улыбалась загадочно-иронически.

Похоже, это было то что надо.

– Ты только не подумай, что я из тех, кто с ходу клеит красивых девушек! – начал оправдываться Стасик. – То есть мне, конечно, нравятся красивые девушки, но у нас другое... Нечто более глубокое... – Тут он совсем запутался в словах, и Катя пришла ему на помощь.

– Знаешь, умом я понимаю, что это просто болтовня, – кокетливо сказала она. – Что то же самое ты говоришь всем девчонкам, которые тебе приглянулись. Но мне все равно приятно это слышать. Так что продолжай.

– Я говорю совершенно искренне! – возмутился Стасик. – При чем тут другие девушки? Какое отношение могут иметь другие девушки к нам?

Конец предложения был произнесен негромким, почти интимным тоном, после чего Стасик поставил прихваченную со стола бутылку на подоконник и приобнял мускулистой рукой Катину талию.

И тут же за ее спиной раздалось довольно сердитое покашливание.

Стасик убрал руку, а Катя, обернувшись, наткнулась на ледяной взгляд кошачьих Наташиных глаз.

«Ой... он же вроде ее парень...», – оробев, подумала Катя.

– Э-э-э, – протянула Наташа, явно забыв Катину имя, – у тебя в хозяйстве шейкер есть?
– Поищи на кухне, может, и найдется, – выпалила Катя, понятия не имевшая, что это такое.

Наташа кивнула, бросила на Стасика взгляд, способный заморозить горящую бенгальскую свечу, и удалилась. Как айсберг в туман.

Но Стасика ее взгляд не очень-то смутил.

– Прошлый раз я подумал – ничего такая девчонка, – как ни в чем не бывало, продолжал он охмуреж, не забыв подлить Кате вина. – Симпатичная, миленькая...

– Ты что, Сережка, совсем дурак! – раздался возмущенный вопль Дианы. Катя даже вздрогнула от неожиданности.

– Ой какие мы нежные! – захохотал Сережа. – Муси-пуси!

– Симпатичная, миленькая... – гнул свою линию Стасик. – Но эти слова не про тебя. Они слишком мелкие. Ну да я пьяный был тогда, сразу не въехал. А теперь...

– Стасик, а где твой магнитофон? – Рядом возникла Лейка. – Ты же обещал магнитофон принести!

– И принес! – недовольно ответил Стасик. – Он в зеленой сумке. И диски там же! Ты танцевать умеешь? – спросил он у Кати.

– Немного.

– Тогда...

– Эй, Катерина! – снова Лейка: – Куда ты спрятала шведа? Стоило на секунду отвернуться, а он уже куда-то делся! Мы с ним только-только нашли общий язык... Ну что такое! Все расползаются, как тараканы...

– Может, он на кухне?

– Ага, пойду гляну.

– Слушай, нам надо встретиться! – решительно заявил Стасик. – Чтобы только ты и я. Сходить в хорошее место, посидеть, поговорить о судьбе...

Я знаю здесь поблизости отличный пивняк...

– Возможно, как-нибудь, – пробормотала Катя, нервно оглядываясь в поисках Наташи.

– Стасик, иди на кухню! – опять Лейка. – Тебя Наташка зовет. Никак не может найти какую-то соковыжималку...

Стасик одарил Лейку убийственным взглядом, улыбнулся Кате и удалился.

– Отделались! – с удовольствием отметила Лейка. – Как все-таки утомляют эти парни! Наконец-то двум девушкам можно пообщаться по душам. Ну, давай, выкладывай впечатления. Во-первых, как тебе Стасик?

– Не очень, – призналась Катя. – Какой-то развязный.

– А Димка?

– Не знаю... Мы с ним еще не общались.

– Неужели еще не подошел? А-а-а! Я же тебе говорила, какой он надменный. Понаблюдай, понаблюдай, как он смотрит, – прошептала Лейка, указывая на Диму. Тот стоял у соседнего окна, что-то жевал, с интересом выглядывая наружу, а на девушек не смотрел вообще. – Как он глаза щурит... будто в микроскоп тебя изучает...

Дима, точно почувствовав, что его обсуждают, оторвался от созерцания и неторопливо приблизился к девушкам. Вопреки Лейкиным словам никакой надменности в нем Катя не заметила.

– У тебя тут отличный вид из окна, – сказал он.

«Какой еще вид?» – Катя посмотрела в окно: двор, стена напротив. Совершенно ничего особенного. Наверняка из второго окна вид точно такой же.

Дима поймал ее взгляд и засмеялся.

– Да я не эти имел в виду, а которое на кухне. Ты уже обнаружила площадку?

- Конечно, – кивнула Катя. – И даже вылезала на нее. Вид действительно роскошный.
- Ты там поосторожнее. Этот дом не ремонтировали, наверно, года с семнадцатого. Мы с Серегой в начале лета лазали на крышу – хотели проверить, нельзя ли поверху пройти до его двора. Наверху классно – людей никого, небо, ветер, и весь город как на ладони...
- И как, прошли?
- Вернулись. Страшно стало. Крыша ржавая насквозь – трещит, скрипит, прогибается...
- «Ой ли? – усомнилась Катя, вспомнив, как легко и бесшумно перемещается по крыше ее таинственный шведский сосед. – Просто трусили, наверно».
- Я по крышам вообще-то гулять не собиралась, – сказала она. – Хотя мысль интересная.
- Ничего в ней интересного нет! – встревожился Дима. – Ну вот, надоумил. Теперь твоя гибель будет на моей совести.
- Катя украдкой поглядела на Диму, пытаясь определить, симпатичен он ей или нет. Решила, что скорее да. «И одеколоном от него не несет», – с одобрением отметила она.
- А почему я не слышу комплиментов моей небесной красоте? – поинтересовалась Лейка, обидевшись, что ее игнорируют.
- Потому что здесь говорят не о девушках, а об архитектуре, – менторским тоном ответил Дима. – И вообще, Лейка, почему ты считаешь, что твоя небесная красота – это центральная тема всех разговоров? Хочешь, мы это обсудим?
- Никогда не заведу роман с психологом! – объявила Лейка, обращаясь к Кате. – Это же сущий кошмар: девушка ему, можно сказать, душу изливает, раскрывается перед ним, а он в это время ее анализирует...
- А если девушка – тоже психолог? – спросила Катя.
- Два психолога непрерывно анализируют чувства и поведение друг друга... – задумалась Лейка. – Это интересно... Нет, никакого романа не получится.
- Вы опять о психологии? – встрял проходивший мимо Сережа. – Знаете анекдот? Объявление на милиции: «Лечим kleптоманию клаустрофобией!»
- Хватит уже, действительно, – проворчал Дима. – Привязались со своей психологией. Будто нет других тем для разговора.
- Да, – поддержала его Лейка. – Кстати, правда, что ты не поступил в Герцена?
- Правда. Честно говоря, даже и не поступал. Забрал документы еще перед экзаменами. Лейка распахнула глаза:
- И что теперь? Армия?
- Я перекинул документы в универ, – хладнокровно ответил Дима. – Решил рискнуть.
- И как?
- Два экзамена сдал. Еще два осталось. Родителям я пока не сказал, чтобы не нервничали.
- Ну что такое! – пригорюнилась Лейка. – Неужели в педу не будет ни одного нормального парня! Вот и Стасик, оказывается, в финэк поступает.
- Я уже поступил, – сообщил из другого конца комнаты болтавший с Наташей Стасик.
- Вернее, его поступили, – уточнил Сережа. – Блин, везет же некоторым с отцами...
- А ты, Натуся? – крикнула Лейка. – Ты-то хоть с нами?
- Мне все равно, где учиться, – с отсутствующим видом сказала Наташа. – У меня совершенно другой круг интересов. Академическое образование в него не входит. К тому же я, может, в Голландию уеду. Сестра моя, ну вы знаете, вышла туда замуж и меня зовет.
- Ой, Натусь... – Лейка прищурилась, всматриваясь. – Что это такое у тебя на шее? Наташа, загадочно улыбаясь, вытащила из выреза блузы на свет кулон «языческого» вида.
- Так, один знакомый подарил...
- Какая прелесть! Можно померить?
- Катя неожиданно обнаружила, что осталась одна рядом с Димой.
- Ну а ты где собираешься учиться? – спросил он.

– Я... – Катя замялась. Ей вдруг показалось позорным признаваться, что она готовится по второму разу поступать в институт Герцена.

«И вообще я туда не хочу, – подумала она с непонятым ожесточением. – Зачем себя обманывать? Я хочу в универ. Так почему бы не попытаться? Дима же рискнул... а мне, между прочим, армия не светит...»

– Я тоже буду поступать в университет, – решительно сказала она. – На филфак.

– Там, говорят, высокий конкурс.

– Ничего, я справлюсь...

Сзади незаметно подкралась Диана и игриво ткнула Диму пальцем в спину.

– Ди-и-и-имочка, – пропела она, неприязненно покосившись на Катю. – Мы с тобой сегодня толком и не поздоровались...

– Здравствуй, – сухо сказал Дима. – Воздухом подышать не хочешь?

– Ты меня приглашаешь?

Катя внимательно посмотрела на Диану. Кажется, та была пьяна. Во всяком случае, вела она себя как-то неестественно.

– Иди, проветришься, – сурово сказал Дима. – А потом мы с тобой еще раз поздороваемся. Диана поймала Катин взгляд и состроила брезгливую гримасу.

– Тебе никто не говорил, что неплохо было бы поменять гардеробчик? – процедила она.

– А этот чем плох? – удивилась Катя.

– Может, у вас в Тамбове и принято ходить разноцветной, как попугай. А питерский стиль – строгость, простота, элегантность. В твоём нынешнем прикиде тебя не примут на работу ни в одно приличное место...

Катя растерялась от такого враждебного напора. Действительно, из трех присутствующих девушек она была одета ярче всех.

«Может, она права, и у меня что-то со вкусом?»

– Ты классно одета, – сказал Дима, заметив ее смятение. – Не принимай близко к сердцу чужие комплексы.

– Кстати, анекдот, – опять вклинился Сережа. – Дети готовят себе маскарадные костюмы. Один говорит – я буду зайчиком, другая – я белочкой. И только одна девочка говорит: а я сделаю себе маскарадный костюм весь коричневый...

Сережа демонстративно окинул взглядом респектабельный костюм Дианы.

– Коричневая кофточка, коричневая юбочка, коричневая шапочка... «И кем же ты будешь?» – спрашивают ее дети. А девочка отвечает: «Я буду какашкой и испорчу вам весь праздник!»

– Иди ты к черту! – в бешенстве крикнула Диана и, вся красная, убежала в сторону кухни.

– Что это с ней? – удивилась Катя.

– Ревнует, – ухмыляясь, сказал Сережа. – Пойду, что ли, утешу ее.

Сережа ушел вслед за Дианой. Дима проводил ее неприязненным взглядом.

– Зачем ты с ней так сурово? – спросила Катя.

– Терпеть не могу людей, которые самоутверждаются за чужой счет, – буркнул Дима. – И вообще, Дианка меня утомила. Просто не знаю, что сделать, чтобы она наконец это поняла.

Катя смутилась и промолчала. Полминуты они молча стояли рядом.

– Возможно... – начал Дима.

И тут из кухни раздался страшный душераздирающий вопль Сережи.

«Карлссон! – почему-то сразу подумала Катя, похолодев. – Он его убил!»

Глава двенадцатая

О рационе викингов, слабых и крепких желудках и основе женской привлекательности

*– Я такой эль нынче забодяжил, – говорит один тролль, – просто-
таки как заново рождаешься.*

– Что, и впрямь молодеешь? – удивился другой.

– Нет, ползаешь, писаешься и говорить не можешь.

– Все-таки, мужик... То есть господин Карлссон, я тебя точно узнал! – пьяно ухмыльнулся Сережа, когда они остались на кухне вдвоем. – Нет, ты мне скажи: зачем ты того голубя жрал? Я ведь точно помню: ты его жрал! Солью посыпал и – хруп! – Сережа щелкнул челюстями. – Это что у вас обычай такой – голубей сырьем жрать? Это, типа, от викингов остался, да?

Карлссон молча смотрел на него.

– А-а-а... Я угадал! – обрадовался Сережа. – Викинги – они такие! Я помню! Кровавую пищу блюют... нет, клюют под окном... Кровь с мухоморами! Типа, в берсерки? Обычай?

– Да, – неожиданно согласился Карлссон.

– Ага! – еще больше обрадовался Сережа. – Я так и знал! Слышь, Карлссон, я тоже хочу! Хочу в берсерки! Хочу голубя сырьем! Карлссон, поймай мне голубя, а?

– Ты хочешь съесть голубя? – уточнил Карлссон.

– Хочу! Кровавую пищу! Ам! – Сережа опять клацнул челюстями.

Карлссон кивнул и перепрыгнул через подоконник.

Через полминуты он вернулся, сжимая в руке голубя. Голубь был живой, но какой-то снулый.

Сережа сграбастал птичку.

– А где соль? Я помню про соль!

Карлссон протянул ему солонку. Сережа щедро посолил голубя.

– Может, его ощипать? – спросил он.

Но Карлссона на кухне уже не было.

– Не-е... Ощипывать нельзя... – пробормотал Сережа, лицо его приняло хитрое выражение. – Я по-омню! – И сунул голубиную головку в рот.

Раздался пронзительный вопль. Голубь клюнул Сережу в язык.

– Ах ты сука! – завизжал Сережа. – Кусаться, да?! – И с размаху шваркнул голубя о стену. – Карлссон! Карлссон! Он меня укусил!

Но Карлссон не появился. Зато сбежались привлеченные Сережиным криком остальные гости.

– Он меня укусил! – обиженно сообщил всем Сережа, подбирая с пола оглушенного голубя. – Но мы, викинги, то есть берсерки! Никакой пощады врагу! – И вонзил зубы в голубиную шейку...

Столпившиеся в коридоре свидетели того, как Сережа посвящал сам себя в берсерки, молча взирали на ужасное зрелище.

– Ты че, живого голубя?! – выдохнула наконец Лейка.

Сережа свирепо вытаращил глаза и гордо промышал что-то невнятное. На губах у него налипли перья.

– Сдурел? – закричала Лейка. – Выплюнь немедленно!

– Ну ты прямо как Оззи Осборн, – ухмыльнулся Стасик. – Такой же маньяк.

– Может, у него бешенство? – деловито предположил Дима, не уточняя, впрочем, кого имеет в виду – несчастную птицу или своего приятеля.

У дверей раздался сдавленный стон. Наташа закатила глаза и начала сползать по стенке. Достаточно медленно, чтобы Стасик успел ее подхватить.

За Катиной спиной раздались какие-то булькающие звуки. Диана, зажав рот ладонью, устремилась в туалет. Сережа с остекленевшими глазами жевал голубиные перья.

– Во дурдом, – растерянно сказала Лейка.

Кате вспомнился категорический приказ Сережиного папы не устраивать в мансарде никаких гулянок, и она впервые подумала, что Илья Всеволодович был глубоко прав.

Дима подобрал уроненного Сережей голубя и выкинул в мусорное ведро.

– Мы пойдем, наверно, – на кухню заглянул Стасик. – Наташка едва живая. Катенька, я музыку пока оставляю, ладно? А потом позвоню. Спасибо за всё.

– Не за что, – рассеянно проговорила Катя.

Однако, вечеринка. Если у них все такие... И не потанцевали.

– Я тоже пойду, – сказал Дима. – Забрать с собой этого птицееда? – указал он на оцепеневшего Сережу.

– Сделай доброй дело! – обрадовалась Лейка. – А мы тут с Катериной приберемся. – Эй, Дианка, ты там жива? – подергала она дверь ванной.

Изнутри донеслись глухие рыдания.

– Она как раз перед этим с ним целовалась, – послышался из прихожей слабый голос повисшей на Стасике Наташи. – С маньяком этим, Сережкой.

Лейка со значением взглянула на Диму. Тот пожал плечами.

– Дианка, вылезай! – закричала она опять. – Он не стоит твоих слез! И вообще, сколько можно занимать сортир! Ты здесь не одна!

Диана не отзывалась. Вернее, отозвалась истерическими рыданиями.

– Дура, и душой помрет, – прокомментировала Лейка.

Дима фыркнул и потащил к выходу невменяемого Сережу.

Тот что-то мычал и рвался куда-то бежать.

Катя прошла в комнату, упала на кровать. Она чувствовала, что смертельно устала... И не сразу заметила, что на стуле у окна скромненько так сидит Карлссон.

– Фух! – Лейка плюхнулась на кровать рядом с Катей, закинула ноги на спинку. – Спровадила всех, слава Богу! Дианку на Димку повесила! Чувствуешь, какой я молодец! Пожалуй, я у тебя переночую. Поздно уже.

– Переночуй, – согласилась Катя. – А Сережа?

– Птицеед-то? – Лейка хихикнула. – Тоже выставила. Но этот не пропадет! Ему идти пять минут, а Дианке, прикинь, аж в Купчино.

– Это далеко?

– На машине – полчаса, а если на метро – то прилично. На метро они как раз успеть должны.

– А Дима где живет?

– На Комендантском. Это в другую сторону.

– А он потом как? Метро же закроют! – забеспокоилась Катя.

– Разберется как-нибудь, он же мужик! Вот если бы он меня провожал, я бы, может, его ночевать оставила. На половичке. Как ты считаешь, он симпатичный?

– Половичок?

– Димка!

– По-моему, да.

– А я... Ой, Карлссон! – Лейка быстренько опустила ноги на пол. – Я вас не заметила!

– Меня трудно заметить, я маленький, – очень серьезно сказал Карлссон.

Лейка засмеялась:

– Ну вы скажете! Маленький!

– Я, правда, маленький, – лицо Карлссона было абсолютно серьезно. – Мои родственники, Лейла, намного крупнее меня.

– Ну да, вы же швед! – вспомнила Лейка. – У вас в Швеции все такие... – она широко развела руки, – ...нордические. Если не вьетнамцы! – Она снова захихикала. – Но вы-то точно не вьетнамец. От вас, Карлссон, прямо такая аура силы исходит – просто жуть! – Лейка кокетливо поправила волосы. – Просто эманация мужества! Ой, Карлссон, а может, вы меня до дома проводите?

– Ты же хотела остаться? – напомнила Катя.

– Хотела. Одной идти – страшно. У меня двор знаешь какой!.. А с Карлссоном я ничего не боюсь! Карлссон, вы ведь меня проводите?

Карлссон вопросительно посмотрел на Катю.

– Конечно проводит, – сказала Катя. – Еще не хватало тебе ночью одной ходить.

Карлссон кивнул и встал с дивана. Лейка подмигнула Кате и убежала в прихожую к зеркалу – прихорашиваться.

– Ты, кстати, не голодный? – спросила Катя. – Что-то я не видела тебя за столом...

Карлссон остановился:

– А что, осталась еда?

– У меня дома целый холодильник еды, – высунулась из прихожей Лейка. – Креветки, кальмары, мидии. Если вы голодны, Карлссон, я состряпаю паэлью. Можно даже со свежими ананасами. Выпьем отличного рейнвейна...

Карлссон стоял в задумчивости. Видно было: он что-нибудь съел бы прямо сейчас.

– У меня вроде лежит полкило ветчины! – вспомнила Катя. – Стас приволок целый окорок, а мы его так и не нарезали. Или это Дима принес?

– Окорок? – оживился Карлссон и решительно вернулся обратно на диван. – Тащи.

Лейка состроила недовольную гримаску, но через секунду улыбнулась и тоже под села к столу.

– Возьми сам, ладно? – сказала Катя. – А то у меня уже никаких сил не осталось...

– Сидите, пожалуйста, – Лейка вскочила. – Я сейчас порежу и принесу сама.

Катя откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Она устала так, что могла в любую минуту уснуть.

Лейка вернулась на удивление быстро, неся большое блюдо с ветчиной. Ветчина была нарезана, красиво разложена и даже присыпана зеленью.

– Угощайтесь, – по-хозяйски предложила Карлссону Лейка. – А сейчас будет сюрприз!

Лейка снова ушла на кухню и вернулась, неся батон и запотевшую бутылку пива.

– Мы же вроде всё выпили, – удивилась Катя.

– Ее кто-то в морозилку засунул и забыл, – объяснила Лейка, – погодите, сейчас отгадет... Карлссон, вы любите пиво?

– Люблю, – сказал Карлссон. Он был занят – делал себе бутерброд. Впечатляющее зрелище. Карлссон разорвал батон вдоль на две части, положил внутрь всю ветчину, какая поместилась, придирчиво оглядел гигантское кулинарное сооружение – и откусил сразу треть. Катя и Лейка наблюдали с немым почтением.

– Пиво и мясо, – невнятно повторил он, жуя ветчину. – Это я люблю!

Лейка открыла бутылку и протянула Карлссону с обольстительной улыбкой. Карлссон высосал ее одним глотком и закусил второй половиной бутерброда. Лейка была потрясена.

– Ах, какой аппетит!

– Трудно прокормить, – заметила практичная Катя. – Три раза в день по полкило ветчины...

– Я не привередливый, – дожевывая, промычал Карлссон. – Лишь бы это было мясо, а чье оно – менее важно. А пива еще нет?

– Это всё, – грустно сказала Катя. – Еды в этом доме больше нет. А мне еще надо чем-то завтракать.

– А булка? – возмутилась Лейка, не переставая внимательно следить за Карлссоном.

– Напоминаю, – сказала она. – У меня полный холодильник морепродуктов. Хотите, Карлссон, мы по дороге купим хорошего пива, мяса... я вам бифштекс поджарю...

– Хочу, – незамедлительно ответил Карлссон.

И направился к дверям.

– И как ты не устала, – зевая, проговорила Катя. – Я с ног валюсь, а ты еще чего-то жарить собираешься... Кстати, – вспомнила она, – не хочешь помочь мне прибраться?

У Лейки вытянулось лицо.

– Катька, в другой раз, – зашептала она. – Ну какая уборка! Он же не будет меня дожидаться!

– Да зачем тебе вообще уходить? Оставайся!

– Ничего ты не понимаешь...

– Мы идем? – донесся из прихожей голос Карлссона.

Лейка прервалась на середине фразы и упорхнула из комнаты.

Через минуту дверь захлопнулась и Катя осталась одна. Если не считать горы грязной посуды. М-да... Вечеринка, можно сказать, «удалась на славу».

Катя не знала, что самые мрачные последствия сегодняшнего вечера проявятся только через два дня.

Глава тринадцатая, в которой на Катю обрушивается гнев Большого Босса, но потом все загадочным образом устраивается

Вот хитрая тактика эльфов:

Если ты близко, показывай, будто ты далеко; если ты далеко, показывай, будто ты близко; если ты пользуешься чем-нибудь, показывай, будто ты этим не пользуешься; заманивай добычу выгодой; приведи ее в расстройство и бери ее; если добыча сильна, уклоняйся от нее; вызвав в ней гнев, приведи ее в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в ней самомнение; если их много и они дружны – разъедини; нападай, когда они не готовы; бери их, когда они не ожидают.

А у троллей тактики нет. Они просто ловят и едят.

Как потом выяснилось, их заложила Наташка. Не то чтобы специально. Не удержалась: рассказала матери, как Сережа голубя угрыз. Типа, как приколы. А мать Наташкина тоже кому-то проболталась. Так что уже на следующий день история добралась до Сережиного папаша. Сколько в ней было правды – неизвестно. Но – хватило.

Через два дня после веселья с голубями в мансарду притащился мрачный Сережа и сообщил, что Катю желает видеть его папаша.

Причем, поганец такой, не сообщил, что папаша осведомлен о происшедшем. Проямлил что-то невнятное: мол, поговорить желает и все, так что Катя отправилась за ним в полной уверенности, что самая большая неприятность, которую следует ожидать, – то, что ей попытаются навязать какую-нибудь дурную работу.

Как бы не так!

Она еще порог кабинета переступить не успела, как Большой Босс начал орать.

Орал, что Катя обманула его доверие! Что устроила в доверенном ей помещении притон наркоманов! Что он ее, Катю, коварную обманщицу и расхитительницу казенного имущества, призовет к ответу! Что она ему до пенсии долги возвращать будет! До ее пенсии, если кто не понял! Да она еще не знает, кого она посмела обмануть! Да ее...

Катя слушала вопли Босса минут пять, потом ей это надоело и, угадав момент, когда Босс прервался, чтобы набрать воздуха, решительно заявила:

– А что вы на меня кричите! Вот рядом ваш сын стоит! Он в этой мансарде и до меня всякие сборища устраивал для всей компании. И сейчас – тоже. Если вы против – так ему и скажите! Можно подумать, мне большое удовольствие – за всей оравой посуду мыть!

От ее выступления Сережин папаша на некоторое время потерял дар речи. Меньше всего он ожидал, что эта голубоглазая малявка посмеет возражать Ему!

И в образовавшейся паузе успел прорезаться Сережа:

– Не верь ей, папа! Все она врет! Ничего она...

Бац! – Отцовская длань смачно приложилась к Сережиной физиономии.

– А ты вообще заткнись, недоумок! Позор моего рода! Ты еще дебильнее, чем твоя мамаша! Сколько денег трачу на вас, паразитов! Хоть бы слово благодарности! Хоть бы...

Сережа скулил, держась за глаз. И предусмотрительно помалкивал. Катя тоже. Она на всякий случай отодвинулась подальше. Оба ненормальные: что сын, что отец...

Папаша костерил сына минут пятнадцать. Катя узнала, что Сережа в юные годы приворовывал и страдал энурезом, что позорно удрал из секции по карате, куда привел его отец, желавший сделать из сына «мужика». Узнала также, что Сережа «дегустировал» наркотики, поцарапал крыло у отцовской машины и прочие пикантные факты.

Перечисляя все это, папаша слегка выдохся и когда наконец переключил внимание на Катю, то ограничился кратким:

– Ты уволена! Сегодня сдашь все по описи – и убирайся. Если чего-то не хватит – сядешь в тюрьму! Я тебя...

Тут на столе заворковал селектор, и приторно-сладкий голосок секретарши сообщил:

– Илья Всеволодович, через три минуты у вас – господин Селгарин!

– Ах черт! – выругался Сережин папаша. – Что ж ты тянула до последней минуты, дура! Вы оба – пошли вон! – скомандовал он Сереже и Кате. – Сидеть там, в приемной, ясно?

Они вышли. Катя была в таком состоянии, что не обратила внимания на двух шикарно одетых мужчин, проследовавших в кабинет мимо вытянувшегося по стойке смирно охранника и угодливо изогнувшейся секретарши. Отметила только краем сознания, что у одного – длинные, как у женщины, и совсем светлые волосы.

– Ну ты и дура! – злобно промышчал Сережа. – Теперь папка тебя точно урвет! Людка, дай медяшку какую-нибудь! – потребовал он у секретарши.

– Опять в глаз получил? – без всякого сочувствия спросила секретарша. – Мамочке побужишь жаловаться – «фонарь» тебе пригодится.

Охранник засмеялся. Похоже, хозяйского сына здесь не очень уважали.

– А ты не огорчайся, крошка, – сказал охранник Кате. – Это плохое место, я же тебе говорил.

Зазвонил его телефон.

– Да, – сказал охранник. – Да, Илья Всеволодович, – охранник посмотрел на Катю. – Да, я все понял.

Едва он отключился, по селектору раздался голос Босса:

– Людмила, зайди!

– Чаю требуют! – сказала секретарша, покинув кабинет. – И кофе. Могу и тебе сделать, – она с сочувствием поглядела на Катю. – Селгарин – это надолго.

– Тогда я пойду, – заявила Катя, поднимаясь.

Тут же встал и охранник.

– Сядь, – сказал он.

– Это еще почему же? – возмутилась Катя.

– Потому что начальник велел тебя не выпускать!

– Я хочу уйти! – повысив голос, заявила Катя. – И вы не имеете права меня не выпускать!

– Тише, тише! – примирительно сказал охранник. – Просто подожди немного, ладно? Людочка тебе кофе сделает...

– У меня конфеты вкусные! – ласково проговорила секретарша. – А хотите, Катенька, ликера вишневого рюмочку?

У меня – есть! Для особых случаев! – Секретарша сейчас сама была похожа на вишневый ликер: вишневая помада на губах и улыбка – слаще не бывает. – Не стесняйтесь, Катенька! Это не Илья Всеволодовича ликер, а мой. И конфеты тоже мои.

Катя ругнула себя за то, что раньше думала о ней плохо.

Секретарша выставила на стол сверкающую коробку... К которой тут же потянулся Сережа...

Но Людмила быстро отодвинула коробку.

– Перебьешься!

Обиженный Сережа фыркнул и ушел в туалет.

– Людмила, ты там не уснула? – прорычал селектор.

– Сейчас, Илья Всеволодович! – бархатным голосом ответила секретарша. Подхватила чашки и исчезла в кабинете.

– Ты угощайся, – сказал охранник Кате. – Босс когда не в духе – это не для слабонервных! Что там такое у тебя произошло, на Невском, 52? Этот начудил? – кивок в сторону туалета, где заперся Сережа.

– Угу, – сказала Катя. – Напился и голову у дохлого голубя отгрыз!

Охранник захихикал, потом сказал, посерьезнев: – Ты с этим, – кивок на туалет, – поосторожнее! У него крыша конкретно течет, а ты – девушка слабая, защитить тебя некому...

– И вовсе я не слабая! – возмутилась Катя. – И защитить меня – есть кому! – Это она о Карлссоне вспомнила. И правда: если он киллер или вроде того, ему только слово сказать, и все тут...

– Ты конфеты кушай, – сказал охранник. – Сахар для мозгов полезен. А в чай лимон положи. Это витамины.

Вернулась секретарша. Даже сквозь грим видно было, как порозовели ее щеки.

Молча достала две рюмки, налила себе и Кате.

– Тебе не предлагаю, – сказала она охраннику. – Ты при исполнении. А этот где? Не бежал?

– На толчке орлуется! – сказал охранник. – Ну что там?

– Нормально всё. Вы пейте, Катенька, не беспокойтесь. Всё будет в порядке. А Илья Всеволодович выйдет минуток через десять, с вами договорит.

«„Договорит“, как же!» – подумала Катя, но рюмочку ликера выпила. Даже две рюмочки. Вкусно!

Большой Босс вышел из кабинета один и – какой сюрприз! – он снова обаятельно улыбался!

– Я виноват, Катенька! – заявил он. – Меня обманули! Вы меня простите? Вы меня должны простить! Просто обязаны! Людмила, где этот оболтус?

– Там, Илья Всеволодович! – жест в сторону туалета.

– Ах он... Ну да бог с ним! Так вы простите меня, Катенька?

Катя молчала. Не очень-то она верила в «раскаяние» Сережиного папаши. Наверняка какую-то новую гадость замыслил.

– Вижу, вы мне больше не верите, – вздохнул Большой Босс. – Но я вам верю! Теперь – верю. Будем считать, что вы успешно прошли испытательный срок. Вы рады, Катя?

Катя неопределенно пожала плечами.

– Вот и отлично! – просиял Сережин папаша. – С этой минуты вы больше не стажер, а полноправный офис-менеджер! С окладом, ну, допустим... Двести... Нет, двести пятьдесят долларов в месяц! Это, разумеется, не предел. Я уверен... Да, кстати, Людмила, когда у нас в этом месяце аванс?

– Как всегда, Илья Всеволодович, двадцать восьмого числа.

– То есть завтра! Завтра, Катенька, можете приходить за авансом! Людмила, позвони в бухгалтерию, пусть Катеньку впишут в ведомость. Скажешь, я распорядился...

Он еще минут пять осыпал Катю комплиментами и строил грандиозные схемы ее карьерного роста. Катя помалкивала. Смотрела поверх его головы в черный объектив телекамеры, кушала Людмилины конфеты... Сережа отсиживался в туалете.

Из офиса Катя вышла в полном недоумении. Она не могла представить, с чего это вдруг Сережин папаша так рассиропился. Может, ему позвонил родитель еще какого-нибудь участника вечеринки?.. Папа Стасика, например?

Впрочем, уже через полчаса Катя перестала ломать над этим голову. Все обошлось – и хорошо. Может, завтра, когда придет за деньгами (деньги – это тоже хорошо), она что-нибудь выяснит...

– Молодец, Илья! – Расположившийся в директорском кресле мужчина отключил видеозапись, вынул диск и передал своему спутнику.

– Рад услужить, Эдуард Георгиевич!

– Больше ничего по отношению к ней не предпринимай, – сказал мужчина, вставая. – Пусть все идет как идет.

– Все, как вы скажете, Эдуард Георгиевич!

Он проводил мужчину и его спутника до дверей, но когда они вышли, сразу перестал улыбаться.

– Никого не пускать, ни с кем не соединять! – бросил он секретарше. – Оболтуса, – кивок на туалет, – домой!

Захлопнул дверь, полез в сейф, достал бутылку виски, наполнил до краев чашку из-под кофе (первое, что попало под руку) и махом выпил...

– Он такой красавчик, этот Селгарин... – мечтательно проговорила секретарша. – Просто как в кино!

– А по-моему, он гомик, – ревниво заметил охранник. – Духами от него несет...

– Что б ты понимал! – сказала секретарша. – Это мужские духи! Крутейший парфюм! Последняя версия Хуго! Знаешь, сколько такие стоят? Это тебе не лосьон для бритья! А цвет у него натуральный! Уж я в этом разбираюсь, можешь мне поверить!

– Я верю, – не стал спорить охранник. – Но все равно на пидора похож... – проворчал он себе под нос.

– Грубый ты, Васька! – сказала секретарша. – И «пидор» – это невежливо. Надо говорить – «гей».

Оба засмеялись.

– Думаешь, он клюнул? – спросил тот, о ком они говорили, у своего спутника.

– Уверен! А ты?

– Я? Я бы точно не удержался! – Эдуард Селгарин (впрочем, это имя он носил сравнительно недолго) негромко засмеялся. – Эта малышка – чудо!

– Да, – сказал его спутник. – Удивительное создание. Редкая жизненная сила.

– Совпадение? – предположил Селгарин. – Или...

– Или, – сказал его спутник.

– Только я тебя прошу, Аль, держись от нее подальше, – озабоченно проговорил Селгарин. – Я сам всё сделаю.

– Пометь ее, – сказал его спутник. – Мало ли...

– Он может заметить! – напомнил Селгарин.

– Ну и что?

– Риск увеличится многократно, – заметил Селгарин.

– Ты – в отличной форме, ты справишься.

– Твоими стараниями, – Селгарин засмеялся. – Но он – сильнее. Он всегда был сильнее!

– Был, – сказал его спутник. – Не бойся. Теперь – не старые времена. В мире высоких технологий замшелый булжник не котируется.

– Надеюсь, – сказал Селгарин. – Но лучше бы нам отыскать его раньше, чем он отыщет нас. Натравит на нас Хищника...

– Нет, – покачал головой его спутник. – Со мной он пожелает разобраться сам, а тебя никакой Хищник не учует сквозь такое амбре!

Оба рассмеялись. Один – мелодично. Второй – сухим смешком. Будто песок пересыпали.

Глава четырнадцатая, в которой Катя приезжает на свидание на «порше» и знакомится с японской кухней

– Помню, молодой был – бочку пива одним глотком! – говорит один тролль другому.

– А теперь – чего? – спрашивает тот.

– А теперь не могу. Голова в бочку не пролезает.

«Ах, где ты, прекрасная фея?» – уныло думала Катя, глядя на себя в зеркало. Теперь, без макияжа, она казалась себе совершенно неинтересной, невзрачной. Вдобавок на лбу и подбородке появились какие-то красноватые пятна – должно быть, аллергия на косметику.

«Не надо было смывать макияж мылом, – думала она, осторожно прикасаясь к покрасневшей коже. – И вообще, это нечестно – красота на один вечер. Вчера я принцесса, а сегодня снова Золушка. А если опять захочу стать принцессой – пожалуйста, двести долларов. Может, у меня раньше и не было комплексов насчет своей внешности, так теперь наверняка появятся... А тут еще и свидание – так некстати!»

Накануне Кате позвонил Стасик и пригласил ее после работы зайти в какое-нибудь кафе. Катю его звонок удивил и порадовал – она-то решила, что он о ней забыл.

Катя, не раздумывая, приняла приглашение. Но теперь, мрачно глядя на себя в зеркало, засомневалась – хочется ли ей завязывать отношения с этим парнем. А если да – то стоит ли показываться ему с таким лицом.

Стасик... Все ее подруги хором сказали бы – это твой шанс, дура! Возможно, к хору присоединилась бы и мама. Одобрил бы Стасика папа? Тут у Кати твердой уверенности не было. С девической точки зрения, Стасика, безусловно, можно было назвать парнем мечты. Но, положив руку на сердце, Катя не могла сказать, что Стасик – это парень именно ее мечты. Гораздо охотнее она пообщалась бы с тем же Димой – просто погулять, поговорить, безо всяких там кафе и прочих развлекательных мероприятий. Но само по себе Стасиково внимание ей льстило. Раньше, в школе, сама мысль о том, что на нее может пасть благосклонный взор такого красавца, как Стасик, повергла бы Катю в трепет... Однако теперь что-то изменилось, и вместо восторга Катя испытывала всего лишь умеренную радость, вдобавок несколько подпорченную мыслью о Наташе.

Бегать на свидания с чужим парнем было как-то непорядочно.

«В конце концов он же не замуж меня зовет. Мы просто пообщаемся, – думала Катя, роясь в одежде. – Выпьем по молочному коктейлю, поговорим о судьбе или о чем он там хотел. В общем, видно будет».

Катя надела джинсы и застыла, держа в руках полюбившуюся ей «глазастую» футболку. В каком-то историческом романе она прочитала, что девушка не должна дважды выходить в свет в одном и том же туалете. После долгих колебаний она выбрала белую блузу из вискозы – самую нарядную вещь из тех, что она привезла из Пскова.

«Питерский стиль – простота и элегантность!» – объявила она своему отражению в зеркале – хорошо знакомой псковской школьнице с шелушащимся носом.

За обещанными деньгами Катя приехала около двенадцати. Деньги эти пришлись очень кстати, поскольку гонорар за переводы должны были заплатить лишь через неделю.

В офисе Катя застала только Людмилу и незнакомого охранника, пожилого и лысого, впустившего ее и сразу же уткнувшегося в спортивную газету.

– Босса нет, – сказала Людмила. – И денег тоже нет. Но будут. За ними в банк поехали. Чаю с печеньем хочешь?

– Ага, – оставшиеся с вечеринки закуски Катя подъела еще вчера. Сегодня она завтракала чаем с сахаром и последним кусочком черствой булки.

– Бровки подправила? – спросила Людмила. – Умница. В нашей работе внешность – это всё.

Минут через сорок мелодично пропел домофон.

«Ну наконец-то!» – подумала Катя.

Но это был не Сережин папа.

Людмила глянула на экранчик, воскликнула «Ой!», выхватила из стола зеркальце, уронила обратно, вскочила...

– Иваныч, открывай быстро! Селгарин! О Господи! А я... Здравствуйте, Эдуард Георгиевич! А Ильи Всеволодовича нет! Они в банк поехали!

– Ничего, я подожду. – Голос у вошедшего был очень красивый: певучий, богатый обертонами, и сам он тоже был настоящий красавец (на этот раз Катя рассмотрела его как следует): высокий, стройный, элегантный. Длинные светлые, очень ухоженные волосы волнами падали на плечи, глаза отливали густой синевой, и весь его облик отличался каким-то старинным благородным изяществом.

«Ему бы очень подошла трость», – подумала Катя.

– Вот, Эдуард Георгиевич, наш новый сотрудник, Катенька! – представила Катю Людмила. – Будет офис-менеджером на Невском, пятьдесят два.

– Очень хорошо, – Селгарин улыбнулся Кате. – Откройте мне кабинет, Людочка, – попросил он.

– Ой, минутку... – Людмила засуетилась, нашла ключи, отперла кабинет Босса. – Вам как обычно?

– Да, пожалуйста. – Дверь закрылась.

– Пьет только зеленый чай, – шепотом сообщила Людочка Кате. – Причем без сахара. – Она достала расписной глиняный чайник, красивую коробочку с чаем... – Вот, специально для него держу!

– А это кто? Тоже у Ильи Всеволодовича работает?

– Да ты что! – Людмила махнула рукой, словно отгоняя прочь Катины слова. – Это Илья Всеволодович у него работает.

– А я думала – он директор...

– Он и есть директор! А Селгарин – ХОЗЯИН! И нашей фирмы, и еще трех!

Она залила чай кипятком, поставила на поднос заварной чайник, обычный электрический, фарфоровую пиалку – и упорхнула в кабинет.

Катя задумчиво посмотрела ей вслед.

Таких, как Селгарин, она не встречала никогда. Может, видела в кинофильмах. Американских.

А Большого Босса, оказавшегося, как выясняется, не таким уж большим, всё не было. Катя начала беспокоиться. В три у нее встреча со Стасиком. Не опоздать бы...

Босс приехал без двадцати три, узнал, что Селгарин ждет его почти час, выругался шепотом, но тут же нацепил на физиономию широченную улыбку и нырнул в свой кабинет. Минут через пять оттуда вышел Селгарин, улыбнулся Людмиле и Кате, небрежно кивнул охраннику, бросившемуся открывать дверь, и удалился. Еще через минуту Большой Босс вызвал Катю в кабинет, вручил ей конвертик с деньгами, заставил пересчитать (в конвертике оказалось две тысячи рублей), поздравил с первой зарплатой и отпустил Катю восвояси. Когда Катя выбежала из офиса, на часах было уже без десяти три. Катя катастрофически опаздывала.

– Катенька! – У входа в арку стояла очень красивая белая машина без крыши. За рулем сидел Селгарин. Сиденья в машине были обшиты белой кожей, даже на вид такой приятной, что хотелось немедленно ее погладить.

– Вижу, вы торопитесь. Если недалеко – подвезу, хотите?

– Да я... Спасибо, я сама, – засмущалась Катя.

В свое время мама внушила ей железное правило: никогда не садиться в машину к незнакомому мужчине. Особенно – в дорогую машину. Но Селгарин вроде как и не незнакомый. Более того – он ее, Катину, начальство. Вдобавок Катя действительно спешила...

– К Казанскому – это далеко? – нерешительно спросила она.

– Если к вокзалу, то далековато, а если к собору, то нет! – Селгарин засмеялся и распахнул дверцу. – Садитесь же!

Катя села – и ее тут же вдавило в спинку. Машина рванулась с места, вписалась в поток (под возмущенные гудки сзади), мгновенно набрала скорость и запетляла между автомобилями. Селгарин бросал ее из стороны в сторону с небрежной легкостью, держа руль одной рукой, даже не рукой – двумя пальцами. Второй он, не глядя, «играл» на клавишах магнитолы, если сияющий огоньками музыкальный блок можно было назвать магнитолой.

До Кати наконец дошла его шутка о вокзале, и она улыбнулась.

– Уже лучше, – похвалил Селгарин. – Такая красавица, как вы, Катя, должна улыбаться, а не хмуриться!

«Льстит, – подумала Катя. – Причем льстит примитивно».

«Увезет, обесчестит и хорошо если не убьет» – всплыло в памяти мамино предубеждение против мужчин на дорогах автомобилях.

Разумеется, это оказалось всего лишь одной из маминых «страшилок». Ничего фатального не случилось. Селгарин остановил машину напротив Дома книги. Прощаясь, поцеловал ей руку. Вернее, запястье. Причем поцелуй этот чуть-чуть затянул. Потом отпустил ее руку и улыбнулся как-то очень по-доброму, как родной. Катя тоже улыбнулась, сказала «большое спасибо» и вышла из машины, все еще ощущая запястьем прикосновение губ Селгарина. Вышла – и сразу столкнулась со Стасиком.

Стасик приветствовал Катю весьма фривольно: приобнял, небрежно чмокнул в щеку – как будто так и надо.

– Кто это тебя подвозил? – спросил он, провожая взглядом белый кабриолет.

– Так, один знакомый, – загадочно сказала Катя.

– Крутая тачка, – с почтением выговорил Стасик. – «Порше», да?

– Я в этом не разбираюсь, – Катя испугалась, что сейчас начнется монолог об автомобилях. – Куда пойдем? Ты вроде хотел в какое-то кафе?

Перед внутренним взором Стасика возник сумрачный прокуренный зал пивняка на Сенной, куда он намеревался сводить Катю. У него промелькнуло смутное ощущение, что интерьер его любимой пивнухи не вяжется с Катиным воздушным обликом и дисгармонирует с белым кабриолетом.

– Пошли пройдемся по Казанской, – предложил он. – Прикинем, что нам понравится, зайдем, выпьем шампанского...

– Это не обязательно, – возразила Катя. – Можно просто купить каких-нибудь пирожков и погулять. Погода-то хорошая! Может, съездим искупаемся? Где у вас в Питере городской пляж?

У Стасика были свои планы на сегодняшний вечер вообще и на Катю в частности – традиционная развлекательная программа, начинавшаяся обычно с легких спиртных напитков, а заканчивающаяся утренней сигаретой в постели. В данном случае – в постели, располагавшейся на некоей мансарде с видом на Невский проспект. Поход на пляж, конечно, имел свои

преимущества, поскольку позволял Стасику продемонстрировать спортивную фигуру и плавательные навыки, а также убедиться в телесных достоинствах спутницы. Ну и еще кое-что... по обстоятельствам. Но пляж был элементом другой программы, требовавшей специальной подготовки и несколько большего времени. А нынешнюю следовало начать с какого-нибудь бара, добавить в другом, часиков в одиннадцать отправиться потанцевать в ночной клуб, а там уже пойдет по накатанной.

Катя понятия не имела о том, какую программу приготовили ей на вечер и что планируется «на десерт», но у нее было отличное настроение и желание развлекаться. То, что ее понятие «развлекаться» существенно отличалось от Стасикового, она еще не знала.

Они обошли колоннаду собора и направились по Казанской. Метров через сто справа над зеркальными окнами показалась иероглифическая вывеска.

– Что там? – с любопытством спросила Катя.

– Суши-бар, – пояснил Стасик. – Ты когда-нибудь пробовала суши?

– Нет, а что это?

– Японская кухня, – Стасику пришло в голову, что посещение суши-бара – неплохой способ произвести на провинциалку нужное впечатление и хотя бы отчасти затмить кабриолет. – Зайдем?

– Я в этом ничего не понимаю, – призналась Катя.

– Ерунда! Я тебе все расскажу и покажу. Пошли, тебе понравится!

– Ну пошли, – согласилась Катя.

В этом заведении Стасик никогда не был, но, держа марку, старался выглядеть завсегда-таем. Уверенно проследовал через ресторанный зал, где было накурено, шумно и очень людно, в почти пустой суши-бар.

На Катин взгляд, зал был оформлен бедновато, но чистенько: длинные столы из полированного дерева, деревянные лавки, с потолка свисали разноцветные матерчатые плакаты с иероглифами. Официантка восточного вида в кимоно с поклоном подала Кате меню и удалилась семенящим шагом.

– Японка? – широко раскрыла глаза Катя. – Настоящая?

– Нет, казашка какая-нибудь, – небрежно ответил Вадик. – Ну, выбирай.

Катя открыла меню. Оно было на трех языках – русском, английском и японском, но все равно ничего не понятно. Напротив каждого названия имелась невнятная экзотическая картинка.

– О, да тут совсем недорого! – воскликнула Катя, взглянув на цифры справа от картинок. – Ну сейчас я тут все попробую!

– По-твоему, недорого? – Стасик недоверчиво заглянул в меню. – Ты уверена?

– Не бойся, если у тебя мало денег, я доплачу! – У Кати в кармане лежали две тысячи рублей, а в меню не было ни одного блюда дороже полтинника.

– Еще чего! – обиделся Стасик. – Пиво будешь? Или sake? Катя от пива и sake отказалась. Тогда Стасик заказал ей сливового вина.

– Ты просто обязана его попробовать! – заявил он. – Это часть местной кухни. Теперь давай выберем, что ты будешь есть. Что ты хочешь?

– Всё! – лихо заявила Катя. – Но постепенно. С чего обычно начинается японский обед? Стасик сразу надулся и принял важный вид.

– Начинают обычно с супа. Я тебе советую взять мисо с водорослями – это, так сказать, классика...

Официантка быстро принесла круглую глиняную мисочку с крышечкой, полную черноватой бурды, в которой плавала неаппетитная склизкая трава, а также бокал вина и высокую кружку пива.

Катя съела ложку бурды, сморщилась, закрыла миску крышечкой и отставила в сторону.

– Давай за нас с тобой! – провозгласил тост Стасик. – Чтобы у нас все было по жизни зашибись!

Сливовое вино оказалось крепким и приторно-сладким. Катя отпила глоток, оставила бокал и снова вернулась к меню. Стасик, выхлебнув полкружки, повеселел, глаза его заблестели.

– Что теперь? – благодушно спросил он. – Суши, сашими, роллы?

Суши, судя по картинкам, назывались куски всякой всячины на рисовых колобках. Стоили они сущие копейки, и Катя заказала ассорти, чтобы попробовать всё.

«Японка» принесла большой плоский камень, украшенный разноцветными кучками непонятных ингредиентов, глиняный кувшинчик, какие-то квадратные миски, палочки. Катя слегка растерялась.

– Сейчас я тебя научу, – заявил Стасик. – Вот, например, этот кленовый листик не едят – это просто украшение.

– А это? – Катя ткнула палочкой в зеленую пасту.

– Это – тоже. Вернее, едят, но по чуть-чуть. Это васаби. Горчица. В этом кувшинчике – соевый соус. В него макают всю эту ботву.

– А это что? – Катя попробовала розовые листочки и скривилась. – Капуста в одеколоне? Стасик захохотал.

– Это же имбирь!

Японская кухня нравилась Кате все больше и больше. Прямо как в рекламе – «такая вкусная, такая прикольная!». Не блюда, а сплошной ребус.

– Ну, имбирь точно не едят... погоди, сейчас догадаюсь... им надо занюхивать блюда!

– Не занюхивать, а закусывать, – поучал Стасик. – После каждой перемены блюд, чтобы отбить вкус предыдущего... Ну, типа, как коньяк лимоном заедают.

В отличие от супа, суши оказались довольно вкусными. Больше всего Кате понравился копченый угорь и загадочный желтохвост. Суши с обычной рыбой – лососем и форелью – Катя отдала Стасику.

Стасик допил кружку и заказал другую. В ожидании пива он масляными глазами рассматривал Катю. Катя, хихикая, воевала с палочками.

– Ты чего, вчера не выспалась? – внезапно спросил он.

– Что? – не поняла Катя.

– Неважно выглядишь. Ты не заболела? Я тебя после той вечеринки прямо не узнаю...

Палочки дрогнули в Катиной руке, суши с кальмаром выскользнуло и улетело под стол.

– Не знаю, – растерянно пролепетала она. – По-моему, я нормально выгляжу.

– Ничего, не огорчайся, – успокоил Стасик. – Какие твои годы. Отдохнешь, выспишься, и красота к тебе вернется, – утешил ее Стасик.

«Начинается, – мрачно подумала Катя. – Надо срочно где-то доставать двести долларов на следующий сеанс у Карины. Может, дешевле сразу сделать пластическую операцию?»

– Ты чего загрустила? – встревожился Стасик. – И вина совсем не пьешь. Давай еще что-нибудь закажу. Хочешь какой-нибудь ролл? Выбирай, – Стасик сунул ей под нос меню.

– Я хочу с копченым угрем, – проворчала Катя. – Вот тут нарисован... Такой, в виде дракона.

Стасик поглядел на цену, нахмурился, но после секундного колебания кликнул официантку.

«Дракона» пришлось подождать. Но когда его принесли...

– Ой... – прошептала Катя, увидев блюдо. – Я и не думала, что он такой большой. Тут, похоже, угорь целиком. Как же мы его съедим?

– С пивом всосется, – решительно сказал Стасик, берясь за палочки.

Мимо суши-бара, громко болтая, прошла в ресторан очередная компания – несколько нарядных красивых девушек в компании таких же ухоженных мужчин. Катя рассеянно проводила их взглядом. Одна из девушек выглядела особенно экстравагантно: с ног до головы в бледно-розовом, с прорезями и разрезами в самых неожиданных местах. Красавица обернулась, как будто почувствовав Катин взгляд, и ее лицо осветилось голливудской улыбкой. На лице, таком же нежно-розовом, с карамельными губами, пятнами холода выделялись синие глаза.

– Карина! – обрадовалась Катя.

Карина что-то сказала своему спутнику, высокому широкоплечему мужчине с короткой стрижкой, и направилась к Катиному столу.

– Я вас не узнала, – весело сказала Катя. – Наверно, из-за прически...

Теперь волосы Карины переливались всеми оттенками розового, медленным водопадом стекая по плечам. «У нее волосы почти до пояса! – поразилась Катя. – Если это, конечно, не парик...»

– Катенька, я ненавижу, когда меня зовут «вы», – улыбаясь, сказала Карина, присаживаясь за стол. – Я сразу чувствую себя старухой. Только на «ты», и только Карина. Договорились?

Катя кивнула.

– А мы суши едим, – похвасталась она. – Стасик меня пригласил. Отличные суши, кстати.

– Да боже упаси, – поморщилась Карина. – Здесь только пиво приличное, и то на любителя. Вы еще в «Планету суши» пойдите.

Стасик набычился.

– Мне здесь нравится, – поспешно сказала Катя. – Давайте я вас познакомлю: это Стасик, а это – Карина...

– Твой мальчик? – спросила Карина, бесцеремонно разглядывая Стасика. – Ничего, хорошенький. Ты чего такая бледненькая?

Карина кончиками пальцев развернула к себе Катино лицо.

– Почему нос шелушится? Ты чем макияж смывала? Тем, что я тебе написала?

– Водой...

– Водопроводной? – ужаснулась Карина. – Да ты просто преступница, кожу погубишь! Никакой водопроводной воды, там же хлор! А туалетное мыло с тональным кремом дает такие жуткие химические соединения...

– Карина! Ты там надолго застряла? – прогремел мужской бас из соседнего зала.

Карина улыбнулась, махнула рукой.

– Ты заходи, – сказала она Кате. – Мне на следующей неделе понадобятся модели для конкурса боди-арта.

– А что такое боди-арт?

– Увидишь! Тебе понравится. Главный прикол в том, что, какой образ надо создать, скажут только перед самым началом конкурса. В общем, я тебя жду, Катенок! Если выиграем, фотографии твои в журналы попадут. Хочешь стать фотомodelью?

Катя не нашла, что ответить. Она подумала, что Карина над ней смеется.

– Хочешь-хочешь! – засмеялась Карина. – Заходи ко мне завтра в салон, фотки с прошлых конкурсов покажу. И тебя немного пофотографируем. У меня как раз завтра после трех фотограф будет. Ну до завтра, солнышко.

И, на прощание ослепив Стасика улыбкой, Карина упорхнула в соседний зал.

– Это кто? – через несколько секунд спросил ошеломленный Стасик.

– Моя подруга, – прихвастнула Катя. – Стилист. У нее собственная студия красоты.

– Ого! – Стасик проникался к Кате все большим уважением. – Какие у тебя знакомства! Слушай, а спортивные сексуальные парни ей для моделей не нужны?

– Хочешь стать фотомodelью? – засмеялась Катя, возвращаясь к «драконьему» роллу.

– Почему бы и нет? – Стасик выпятил подбородок. – Слушай, а сделай мне приглашение на этот сейшн. А то я как-то отстал от жизни с этими экзаменами. Кстати, – понизив голос, спросил Стасик, – ты видела ее мужика? Жуткий тип. Худой такой, в черной майке. А на спине вытатуирован дракон. Знаешь, что это значит?

– Откуда мне знать? – промычала Катя, чей рот был набит рисом и копченым угрем.

– Татуировка на спине – это знак якудза! Японской мафии!

– Откуда у нас якудза? – усомнилась Катя. – Это же просто боди-арт. Роспись по коже. Он, наверно, тоже визажист.

Стасик только хмыкнул.

Минут десять они молча поедали ролл. «Дракон» меньше не становился.

– Всё, – решительно сказала Катя, откладывая палочки. – Больше не могу.

– Еще половина осталась! – возмутился Стасик.

– Я так ни разу в жизни не наедалась. У меня этот «дракон» уже вот тут стоит, – Катя указала на своей шее, где именно у нее расположился «дракон». – Мне бы воздуху глотнуть.

– Хоть вино допей, – уныло сказал Стасик и оглянулся в поисках официантки. – Счет принесите!

«Японка» ловко прибрала со стола, а потом с поклоном подала счет в лакированной расписной коробочке.

– Ой какая хорошенькая коробочка! – восхитилась Катя. – Может, это нам подарок от заведения?

Стасик даже не отреагировал на это наивное предположение. Он скорбно взирал на счет.

– Давай пополам! – предложила Катя, заметив выражение его лица. – Как там Сережка это назвал – «по-голландски»?

– По-голландски пусть Серега сам ходит, – пробормотал Стасик, копаясь в нагрудном кармане. Он набрал пачечку банкнот, пересчитал, вздохнул, сунул обратно в карман и положил в коробочку пластиковую карту. «Японка» забрала карту, а через полминуты вернулась и что-то промурлыкала Стасику на ухо. Стасик покраснел и положил в коробочку еще пятьсот рублей.

Официантка вежливо поблагодарила и удалилась.

– Почему так много? – удивилась Катя. – Тебя не обсчитали? Дракон стоил всего пятьдесят рублей, а суши и вообще по пятерке...

– Это чаевые, – мрачно сказал Стасик.

И прошипел сквозь зубы, но тихо, чтобы Катя не расслышала:

– «Рубли»! Ни хрена себе шуточки!

У входа другая «японка» кланялась им, предлагая заходить еще.

– Мы обязательно придем, – пообещала Катя. – Ведь придем, да? Мне тут очень понравилось. Там в меню был еще какой-то корабль, а на нем целая гора всяких штук, которых я не пробовала. И еще какая-то темпура...

Всю дорогу до Невского Стасик пребывал в задумчивости, а Катя прислушивалась к ощущениям в животе.

– Я пойду, наверно, – сказала она, когда они дошли до «Казани». – Что-то мне нехорошо – наверно, объелась. Но все равно – спасибо тебе огромное. Все было ужасно интересно и познавательно...

Стасик сомнамбулически помахал Кате рукой. Его мысли были заняты другим – в частности тем, как объяснить отцу исчезновение денег с его кредитки.

– Или у тебя есть еще какие-то планы на вечер? – на всякий случай спросила Катя. – Еще куда-нибудь зайти?

– Нет, что ты, – быстро отозвался Стасик.

Планы у него были, и обширные, но ему было больше не на что их реализовывать.

– Ты слишком роскошная для меня девушка, – криво усмехнувшись, сказал он. – Хорошего понемножку.

Катя восприняла его слова как шутливый комплимент.

– Когда в следующий раз соберешься развлечься, позвони, – сказала она. – Сегодняшний вечер мне очень понравился!

– Непременно позвоню, – похоронным тоном пообещал Стасик.

О своем желании попасть на модельный сейшн он напоминать не стал. Трудно представить, во что ему может встать светское пати с этой провинциальной принцессой.

Глава пятнадцатая

О магии, ритуалах и скептически настроенном будущем психологе

*Пришел как-то один английский крестьянин к психоаналитику.
«Помогите, – говорит, – уважаемый. Каждую ночь приходит ко мне тролль и заставляет строить мост через Темзу. Просыпаюсь утром весь измотанный, плуг из рук валится».*

«Ладно, – говорит психоаналитик. – В следующий раз, как он тебе приснится, скажи ему, чтобы ко мне обращался».

Крестьянин радостно благодарил психоаналитика... Пока не увидел счет.

На следующий день пришел к психоаналитику пастор.

«Беда, – говорит. – Каждую ночь является ко мне дьявол в облике трех эльфиек, и вершат они со мной всякие непотребства. Умучивают прямо-таки до изнеможения. Проповедь сказать не могу – язык заплетается».

«Ладно, – говорит психоаналитик. – Так и быть, присылай ко мне... одну. Все же тебе полегче будет».

«А почему только одну? – говорит пастор. – Давай хоть двух».

«Двух не могу, – отвечает психоаналитик. – Мне еще для тролля мост через Темзу строить».

А у своего подъезда Катя, к своему удивлению, обнаружила Лейку, причем не одну, а в компании с Димой.

А мысль о том, что между Лейкой и Димой, возможно, что-то есть, вызвала у нее приступ необоснованной ревности.

«Мне-то какое дело, – с наигранным равнодушием подумала она. – Я его и видела-то всего один раз. И вообще, я же дружу со Стасиком, а Дима ко мне вообще отношения не имеет!»

Лейка перехватила Катин ревнивый взгляд и сразу оживилась.

– Катенька! А где это мы гуляем?

– Где гуляете вы, я не знаю! – заявила Катя. – А лично я сегодня ходила в суши-бар. Меня Стасик пригласил.

– Правда-а? Стасик? В суши-бар? Вот это да! Я Стасика просто не узнаю!

– А что тут странного?

– А то, что суши-бар – не его амплуа.

– Почему это? – осведомилась Катя.

– Потому что мы – его друзья! – пропела Лейка. – И мы все про него знаем! И тебе расскажем, если ты нас в гости пригласишь и чайком напоишь. А лучше – пивом.

– Пойдем, – сказала Катя. – Только пива у меня нет.

– У него есть! – Лейка обогнала их и зацокала по лестнице впереди, мелькая загорелыми бедрами. – Димочка у нас такой внимательный, такой заботливый... – Перегнувшись через перила, она взъерошила Димины волосы. – Такой романтичный!

– Я вообще-то сегодня экзамен сдал, – сообщил Дима. – Математику.

– И как? – спросила Катя.

– Пять баллов.

– Здорово, – Катя ощутила укол зависти, но быстренько подавила в себе это вредное чувство.

– Ты извини, что мы без предупреждения, – сказал Дима, поднимавшийся рядом с Катей. – Это все Лейка! Она тут сектантов вчера посещала и обещала все рассказать с подробностями, если я ее пивом угощу, – сообщил он, поломав всю романтику. – Тебя-то, наверное, это не заинтересует, а я как раз их изучаю.

Катя открыла дверь, пропустила гостей вперед.

Лейка сразу рванула на кухню.

– Катька, где у тебя еда? Меня в суши-бар не водили. Я жутко голодная.

– В холодильнике посмотри. Ты обещала сказать, почему суши-бар – не Стасиково амплуа, не забыла.

– О-о-о! Это есть великая масонская тайна! – Лейка отыскала кусок сыра и вгрызлась в него какмышь.

Катя с надеждой посмотрела на Диму. Тот фыркнул.

– Тоже мне, секрет Полишинеля.

– Какого еще Полушинеля? – с набитым ртом пробормотала Лейка.

– Это Петрушка итальянский, ты, будущий педагог! А со Стасиком всё просто. Он девушек обычно в пивняк на Сенной водит. А потом – в какой-нибудь клуб попроще.

– В клуб я бы сходила, – сказала Катя. – Только он мне не предложил! – огорченно добавила она.

Дима достал три бутылки пива, открыл.

– Ну давай, Лейка, колись!

– О-о-о! Это такие люди! – она глотнула из горлышка, одобрила: – Ничего, свежее! Такие люди! Может быть, это даже и не люди!

– А кто? – изумилась Катя.

– Шучу, шучу! – Лейка снова полезла в холодильник, обнаружила полукопченую колбасу.

– Делиться надо! – сказал Дима и отобрал у нее половину. – Кать, ты будешь?

Катя замотала головой. Ей и пиво пить не хотелось. Некуда. Да она его, признаться, не очень-то и любила.

– Лейка, хватит жрать – и так толстая! Давай рассказывай!

– Я не толстая! – возмутилась Лейка. – Я фигуристая! Многим, кстати, очень нравится! Кто понимает! – И почему-то подмигнула Кате.

– Убью! – пообещал Дима.

– Ладно, ладно! Называют себя Дети Ши! – торжественно объявила Лейка. И тут же добавила обычным голосом. – Меня к ним Наташка привела. Она туда уже месяц ходит.

– И молчала! – возмутился Дима.

– А с кем ей говорить! С тобой, что ли? – Лейка фыркнула. – В общем, Наташка от них – в диком восторге. И я ее понимаю! Там та-акая атмосфера! Просто супер! Это называется – ковен.

– Ковен? Никогда не слышал, – высокомерно заявил Дима. – Как расшифровывается эта фигня?

– Как будущий лингвист (многозначительный взгляд на Диму) могу сказать: в этом слове чувствуются древнекельтские корни. А само слово «ковен» означает «круг», «объединение». В смысле, круг для своих, для избранных.

– Так и знал, что секта, – пренебрежительно бросил Дима.

– Да при чем тут секта? – отмахнулась Лейка. – Просто сообщество интересных, необычных, духовно продвинутых людей, которые изучают тайные силы природы, поклоняются разным духам... поколдовывают понемногу...

– Точно – секта, – обрадовался Дима. – Мой материал! Давай по порядку. Много ты им уже заплатила?

– Иди ты в баню со своими сектами, – рассердилась Лейка. – Я же не наивная лохушка какая-нибудь, могу отличить, когда людей на деньги разводят, а когда серьезным делом занимаются! Там у них есть одна продвинутая девушка, они ее называют Итлинн – так она по образованию, между прочим, тоже психолог. И стихи такие классные пишет... Гороскоп мне составила друидский – теперь вот знаю, какой у меня цветок и дерево. Она обещала в следующий раз предыдущие перерождения посмотреть... Наташке уже смотрела.

– И что?

– А вот это тебя, Димочка, не касается! Катька, ты, я смотрю, пива не хочешь?

– Не хочу, – отказалась Катя. – Забирай.

– Ну, я понимаю – Наташка, – сказал Дима тоном, который ясно выражал его мнение о Наташкиных мыслительных способностях. – У нее по жизни сплошные «ковены». Ее задурить легко. А тебе это все зачем надо?

– Меня интересует практическая магия! – заявила Лейка.

– Ты что, веришь в магию? – недоверчиво спросил Дима.

– Да, – с вызовом ответила Лейка. – Я тут недавно прошла тест «Ведьма ли вы?», и оказалось, что я на семьдесят восемь процентов скрытая ведьма. В Средневековье меня бы давно на костре сожгли.

– Охотно верю, – согласился Дима. – И зачем же тебе магия?

– Как зачем? Это же всё! Безграничные возможности, безграничная власть! Вот захочу я, например, тебя зачаровать, составлю заворотное заклинание...

– Может, приворотное? – уточнила Катя, все это время слушавшая Лейку с нарастающим любопытством.

– Вот именно! – ничуть не смутилась Лейка. – Так я все это к чему? – обернулась она к Кате. – Тебе это все вообще интересно?

– Очень! – с чувством подтвердила Катя.

– А хочешь все увидеть сама? – Лейка загадочно расширила глаза.

– Эй, не вздумай ее сманивать в вашу секту! – встрепнулся Дима.

– Еще услышу слово «секта» – дам пинка, – предупредила Лейка. – Слушайте меня, вы, оба. Сообщаю секретную информацию: на днях Дети Ши собираются провести сакральный обряд. Подробности я пока не знаю, но это что-то типа заклинания духа воды. Очень мощное. Участвовать вам, конечно, не разрешат, но посмотреть – это я вам устрою.

– А у тебя не будет неприятностей? – спросила Катя.

– Не будет. Они вообще-то всех приглашают! – Лейка захихикала. – Ну не всех, конечно, но, вообще, они не закрытые. Ну что, хотите?

– Да, – сразу сказала Катя.

– И я поеду, – тут же отозвался Дима. – Надо же проследить, чтобы вас там не принесли в жертву духу воды, или как его... Короче, Лейка, когда и где?

– За городом, – Лейка тут же приняла деловой вид. – Надо будет рано утром поехать на озеро. Куда, как ехать, нам сообщат позднее. Тут дело непростое, потому что для этого дела им обязательно нужен густой туман...

Глава шестнадцатая

Пробуждение духа озера Лахтинский Разлив

Эльф на парусной лодке, переплывающий через озеро, есть не что иное, как хорошо сервированный ужин с доставкой.

Троллина поговорка

В полшестого утра взошло солнце, но Катя его не увидела. Казалось, в мире не осталось почти ничего, кроме тумана. Мокрый асфальт под ногами, усеянный желтыми березовыми листьями, мокрая от росы трава на обочине, размытые силуэты деревьев – и всё. Остальное расплывалось в белесой хмари. Всё еще горели призрачным светом галогенные фонари, но они ничего не освещали.

– Гляньте налево, – негромко сказал Дима. – Первый раз такое вижу.

Над канавой, сантиметрах в двадцати над водой, висел длинный плотный пласт тумана.

– Ага. Как кусок творога, – кивнула Катя, пряча руки поглубже в карманы джинсовой куртки. За городом было по-осеннему промозгло и холодно.

Из тумана по сторонам дороги появились темные очертания заборов, ветхих дачных домиков, самодельных парников. Свет нигде не горел – все еще спали.

– Что это за деревня? – зевая, поинтересовалась Катя. – Тут всё как вымерло.

– Это Лахта, – ответила Наташа. – В переводе с финского – «болото».

– Оно и видно, – проворчал Дима. – А ваших заклинателей не смущает, что эта Лахта почти в городской черте? Как же духи природы и все такое?

– Дети Ши специально ее выбрали. Очень низинное место, со всех сторон вода. Тут озеро, там Финский залив. В сырую погоду – почти всегда туман...

Компания, ведомая Наташей, направлялась мимо дач к берегу озера Лахтинский Разлив. Все мерзли и зевали. Лейка, наряженная в длинный кожаный плащ, тоже тряслась и дергалась, но по другому поводу: ей позволили участвовать в обряде.

– Только вчера позвонили и предложили, – волнуясь, шептала она на ухо Кате. – Им там человека не хватало. Блин, сейчас с ума сойду!

– А ты не поинтересовалась, в качестве кого будешь участвовать? – саркастически спросил Дима. – Смотри – разденут, привяжут к тотемному столбу, соберутся всем ковром и надругаются в извращенной форме.

– Заткнись, – зло бросила шагавшая впереди всех Наташа. – Поостри на какую-нибудь другую тему.

В отличие от Лейки, Наташа не суежилась. Она была настроена очень серьезно. С точки зрения Димы – даже слишком серьезно.

– Обрати внимание на ее тон, – прошептал он Кате. – Это типичная реакция новообращенного. Адепт звереет, когда плохо говорят о его хозяевах...

– С тех пор как я встретила Детей Ши, я счастлива, – отчеканила Наташа, не оборачиваясь. – По-настоящему счастлива. Я обрела смысл жизни. И не желаю слышать, как людей, которые дали мне все это, поливают грязью.

– О'кей, забудем слово «секта», – примиряюще сказал Дима. – Так объясни, что это такое. Как я понял, какое-то язычество? Лейка тут немного нам рассказывала. Поклонение силам природы, единение с ней и прочее?

– Не надо выставлять нас идиотами, – резко ответила Наташа. – Дети Ши – серьезные люди. У нас это в основном молодежь, студенты. А в английский и американский ковены входят профессора, писатели, актеры...

– Значит, разветвленная организация с отделениями по всему миру... Понятно, – пробормотал Дима.

– Что тебе понятно? – прошипела Наташа. – Секта – это тупое стадо и гуру, который стрижет с них деньги. А мы – люди продвинутые, духовные, делаем выбор по своей воле. Мы видим такое, что обычным людям недоступно. Это дар избранных. Избранные в данном случае – мы, Дети Ши. Понятно?

– Ладно, убедила. А в чем ваша религия-то заключается? – продолжал допекать Наташу Дима. – Ну, то есть культ? Вот вы называетесь «Дети Ши». Это же что-то значит? Кто такой Ши? Бог, пророк, Великий Учитель – кому вы там поклоняетесь?

Наташа поморщилась и промолчала. Ее корбило от Димкиного выбора слов.

– Ну расскажи, – уговаривал ее Дима. – Я не буду больше. Вам же все равно наверняка велено проповедовать... – шепотом добавил он.

– Расскажи ему, Наташка, – поддержала Диму Лейка. – Может, он искренне хочет понять и проникнуться...

Наташа сменила гнев на милость и обиженным тоном заговорила:

– Ши – это не он, а они. Высшие существа. Можно сказать – боги. Отчасти сверхъестественные, но не менее реальные, чем мы с вами. Раньше они жили рядом с людьми и учили их, но теперь люди стали недостойны, и Ши покинули их мир. Духовно продвинутый человек, способный воззвать к силам природы, может встретить Ши. Но таких людей мало. Чаще, наоборот, Ши нисходят до людей...

– То есть Ши – это духи, да? – спросила Катя. – Духи природы? Это похоже на синтоизм.

– На что? – удивилась Лейка.

– Такая древняя японская религия. Они считали, что в каждом природном объекте – дереве, озере, камне – живет дух...

– Похоже, – кивнула Наташа.

– И к одному из этих духов мы идем в гости? – вкрадчиво спросил Дима.

– Сегодня мы будем проводить обряд пробуждения духа озера Лахтинский Разлив.

– С этого места подробнее, пожалуйста, – попросил Дима.

– У каждого водоема есть свой дух, – терпеливо пояснила Наташа. – Если ему не поклоняться, он засыпает. Мы попытаемся его нащупать, пробудить и вызвать к нам.

– Это и будет Ши? – спросила Катя. – А я его увижу?

– Вряд ли, – надменно ответила Наташа. – Его узрят только те, кто достоин.

Дачи попадались все реже, сменившись чахлыми рошицами. Сквозь туман забрезжило бледное-бледное утреннее солнце; стало чуть светлее, горизонты раздвинулись. Компания вышла к озеру. Перед ними простерся низкий травянистый берег, обильно усеянный бумажками, обертками, пластиковыми бутылками и прочими остатками от пикников. Само озеро едва угадывалось в тумане. От воды тянуло холодом и гнилью.

Наташа остановилась и бросила взгляд на часы.

– Успели, – прошептала она. – Стойте тут.

– Где же ваши духовоборы? – громко поинтересовался Дима. Лейка показала ему кулак и повела глазами в сторону озера.

Там, у самой воды, неподвижно стояли люди. Их было немного – человек восемь. Пол и возраст Детей Ши распознать было невозможно, как из-за тумана, так и из-за их одинаковых длинных плащей-накидок. У всех были длинные волосы. Один из «детей» выделялся тем, что держал в руках нечто вроде колдовского посоха; впрочем, Катя решила, что это просто метла.

– Молчи! – зашептала Лейка в непритворной панике. – Все испортишь! Ой, они нас заметили! Идут сюда!

Лейка ошиблась. В их сторону направлялся только один человек – тот самый, с посохом или метлой.

«Должно быть, самый главный», – подумала Катя, от волнения сама не замечая, что ее пальцы сжимают руку Димы.

Человек в плаще оказался девушкой лет двадцати. У нее было красивое ухоженное лицо, серебряное колечко в левой брови и тяжелый взгляд. В руках она действительно держала метлу из свежих веток с листьями. Катя догадалась, что метла предназначена не для уборки территории, а для ритуала.

– Итлинн... – почтительно прошептала Наташа.

Девушка с метлой окинула присутствующих пронизывающим взглядом исподлобья.

– Приветствую, Грайне, – негромко произнесла она, обменявшись с Наташей легким поцелуем. – Как настроение, Лейла? Теперь все в сборе. Идите и быстренько переоденьтесь. Плащи возьмете у Морны.

Непривычно робкие Лейла и Наташа, не проронив ни слова, поспешили к компании у кромки воды.

– А нам что делать? – спросил Дима, с интересом рассматривая зеленеющую метлу.

– А вы, ребята, – властно сказала Итлинн, – встаньте там, под ольхой, и наблюдайте. Ольха охраняет от злых сил, так что вам там будет вполне уютно. Теперь послушайте меня внимательно. Когда мы будем творить обряд... – Итлинн строго взглянула на Диму. – Чтобы ни единого звука. Проявите почтительность к духу озера.

– Вы уверены, что здесь живет именно он, а не какой-нибудь другой дух? – спросил Дима, окидывая взглядом загаженные окрестности. – Например, дух помоек?

Катя фыркнула и с испугом покосилась на девушку с метлой.

– Если пришел поржать, разорись на билет и сходи в цирк, – грубо сказала Итлинн Диме. – А нам тут юмористы не требуются.

– Не беспокойтесь, я за ним прослежу, – поспешно сказала Катя. – Это он острит на нервной почве.

Итлинн не соизволила ответить, развернулась и пошла к ковону. В толпе наблюдалось какое-то движение: казалось, участники обряда совещаются, перед тем как занять свои места.

Катя и Дима отошли к ольхе. Влажный ствол дерева был сплошь покрыт губчатым зеленым лишайником, и прикасаться к нему не хотелось.

– Помнишь мультфильм «Унесенные призраками»? – тихо спросил Дима. – Там дух помоек, после того как его отмыли, оказался духом реки. Как бы наши друиды не оказались в такой же ситуации. Это Лахтинское озеро – еще тот водоемчик. На другом берегу, которого сейчас не видно, – новостройки, а слева, за лесом – ольгинские водоочистные сооружения. Если бы ветер был оттуда, ты бы сразу все поняла, безо всяких объяснений. А ведь народ здесь купается, рыбу ловит... может быть, даже ест ее потом...

Катя улыбнулась, внимательно наблюдая за ковроном.

– А какие тут рыбы водятся? – спросила она.

– Самые жизнелюбивые. Уклейки, колюшки... больше никто не выживает.

Дети Ши тем временем выстроились в круг и взялись за руки. В этом неподвижном хороводе Кате померещилось что-то древнее, жутковатое. Внутри круга замерла Итлинн со своей метлой.

– Смотри, сейчас полетит, – не удержался Дима.

– Может, и полетит, – серьезно возразила Катя. – Какие-то они все нереальные. Эти плащи... длинные волосы... Не понять, где парень, где девушка.

– Это они, наверно, на своих Ши хотят быть похожими, – сказал Дима. – Нет, типичная секта.

С берега донеслось стройное, размеренное хоровое пение. Дети Ши тронулись с места и пошли хороводом против часовой стрелки. Пели, повторяя каждую фразу раз по десять, на неизвестном мелодичном языке, опознать который Катя не смогла даже приблизительно.

– Каравай-каравай... – насмешливо пробормотал Дима.

Катя шикнула на него. Действо ее увлекло. Не прекращая пения, хоровод расцепился и превратился в полукруг. Итлинн с метлой выступила вперед, поклонилась озеру. Поющие замолчали. Достав какой-то мешочек, Итлинн принялась что-то бросать на все стороны света, протяжно выкликая непонятные слова и фразы. Потом мешочек был убран, и Итлинн подняла обеими руками метлу. Дети Ши, выстроившись за ней цепочкой, громко запели. Итлинн медленно пошла к воде, размахивая перед собой метлой, как заправский дворник.

– Решили устроить уборку территории? – пробормотал Дима. – Дело нужное...

– Нет, она разметает туман, – не отрывая взгляда от берега, прошептала Катя.

Итлинн шаг за шагом уходила к воде, в туман. Кате казалось, что взмахи метлы действительно создают вокруг Итлинн и следующих за нею Детей Ши некий коридор в туманной завесе.

– Посмотри, – прошептала Катя, сжимая руку Димы. – В тумане проход!

– Интересный оптический эффект, – без особого пиетета отозвался Дима. – Называется «Дети Шизы уходят в мир тухлых духов».

Поющие постепенно исчезали из виду, растворяясь в тумане. За спиной последнего из Детей Ши стена тумана сомкнулась. Пение замолкло. Наступила тишина.

Катя и Дима стояли молча и ждали. Но ничего не происходило. Где-то вдалеке прошумела электричка.

– Ну, они ушли. И что дальше? – спросил Дима.

– Не знаю, – зябко поеживаясь, ответила Катя. – Наверно, скоро вернутся. Давай еще тут постоим.

– У тебя нос красный, – покосившись на Катю, сообщил Дима. – А губы синие.

– Ну и что? – с вызовом спросила Катя. – Очень красивое цветовое сочетание.

Вместо ответа Дима обнял Катю за плечи и прижал к себе.

– Погрейся, – прошептал он. – Ты чего так съежилась?

– Я не съежилась, – пробормотала Катя.

От волнения у нее колотилось сердце. Но отодвигаться от Димы она не стала. Только жмурилась и замирала, когда Димины ладони легко касались ее волос.

Прошло минут десять. Катя и Дима, обнявшись, стояли под ольхой. Дети Ши прочно обосновались в мире призраков.

– Все, я согрелась, – сказала Катя.

Дима тут же ее отпустил.

– Пошли, поищем этих ряженных, – предложил он. – А то действительно заоченеет.

На берегу никого не было. Повсюду в траве валялись объедки и всякий мусор. Полоска сероватого песка, уходившая в воду, была испещрена разнообразными следами.

– Вот их следы! – объявил Дима. – Целая куча отпечатков, и все идут в одном направлении... Опаньки, как интересно!

– Что там? – подбежала к нему Катя.

Дима указал на песок. Два десятка отпечатков ног шли к воде и обрывались у самой кромки. Обратных следов не было.

– Они что, в воду ушли? – поразились Катя. – Или улетели?

– Похоже на то, – пробормотал Дима. Он тоже был удивлен.

Катя и Дима постояли несколько минут, глядя на следы.

– Мне кажется, они не скоро вернутся, – сказала Катя. – Пошли-ка на станцию.

Глава семнадцатая

Катя, Дима и мертвая девушка

*Молодого эльфа узнать нетрудно – пакостит очень неуклюже.
Троллина поговорка*

Дима и Катя, не особо торопясь, пошли обратной дорогой в сторону железнодорожной станции. Туман, как будто исполнив свою роль, стремительно таял. Скоро от него осталась только сизая дымка у самой земли. Верхушки деревьев золотило солнце. Катя подумала, что такое нежно-голубое небо бывает только сразу после рассвета. Лахта просыпалась; тут хлопнули дверью, там бранились, где-то заводили машину... Несмотря на ранний час, на станции уже толпился народ.

– Ты куда сейчас – домой? – спросил Дима. – Хочешь, провожу?

Катя посмотрела на Диму и решила, что домой ей не хочется.

– Может, погуляем? – предложила она. – Смотри, какое небо. Днем жарко будет.

– Давай, погуляем, – сразу согласился Дима. – Здесь?

– Ну, я не знаю. Можно и здесь. А купаться тут где-нибудь можно? Только не в том озере...

Дима немного подумал и предложил:

– Пошли пока по этой улице, вдоль железной дороги. Пройдемся до Ольгино, ты ведь не торопишься?

Катя не торопилась.

Справа высились розовые от солнца сосны, а в зарослях рябины прятались дачи; слева, за железной дорогой и почти пустым шоссе, чернел густой лес.

– Лахта плавно перетекает в Ольгино, – пояснял Дима. – А дальше начинается довольно приятный лес. Где-то там, в самой чаще, заброшенный карьер. Я в детстве с отцом туда купаться ездил. Правда, давно. Последний раз – лет пять назад.

– И что там, хорошо?

– Потрясающе. Представь себе синее-синее озеро с крутыми берегами. Со всех сторон – бор. Сосны, черника, земляника... Посреди карьера – песчаные островки. А на них цветет алый иван-чай. Переплывешь на такой островок, ляжешь на спину, греешься на солнышке, смотришь на облака...

– Да, наверно, здорово, – вздохнула Катя.

– Мы с отцом туда один раз ездили с палаткой, – продолжал Дима. – С ночевкой. Мне тогда лет десять было. Вечером костер жгли, рыбу жарили. Может, потому так и запомнилось, а на самом деле и нету там ничего особенного...

– А кто твой отец? – спросила Катя.

– Он врач. Точнее, фармацевт. У них небольшая фирма – витамины выпускают, биодобавки всякие. Мама тоже врач, она вместе с ним работает. А твои родители кто?

– Мама – учительница, а папа... – Катя задумалась. – Ну он, в принципе, инженер, но работает не по специальности – мастером на мебельном производстве. Зато деньги зарабатывает. Учítывая, какая безработица у нас во Пскове, это очень даже неплохо.

«Надо бы им все-таки позвонить, – подумала она. – Сказать, что провалилась...»

Разговаривая о всякой всячине, Катя и Дима шли вдоль железной дороги, пока не уткнулись в глухой забор. На заборе что-то было написано по-фински.

– Ну здрасте, – огорчился Дима. – Это что за новости?

– Перейдем на ту сторону, – предложила Катя. – Я вижу, там тоже дорожка.

Катя и Дима пересекли железную дорогу, перебежали через шоссе. Велосипедная дорожка, которую заметила Катя, шла возле самой трассы, по краю мрачного сырого леса. Через несколько сотен метров она свернула влево и потерялась между елями. Катя в нерешительности остановилась.

– В чем дело? – спросил Дима.

– Мы же вроде собирались на карьер...

– Знаешь, там теперь все перекрыто, а через лес я, боюсь, не найду. Да и сыро, еще роса не сошла. Пошли дальше.

– Как-то меня этот лес не вдохновляет.

– А это не лес. Это Петровский лесопарк. Вполне цивилизованное место. Сюда люди из города гулять приезжают, воздухом дышать, грибы собирать...

– Здесь нет грибов, – возразила Катя. – Разве что мухоморы. Посмотри, тут же сплошной ельник и папоротники.

– Ну не знаю, я не спец. Зато тут нормальные дорожки.

Катя посмотрела под ноги и обрадовалась.

– Тут есть лошади! – сообщила она, указывая на глубокие отпечатки копыт. – Обожаю лошадей!

– Я слышал, где-то здесь есть конюшня, – сказал Дима. – Можно взять лошадей напрокат. Хочешь?

– Хочу, – с энтузиазмом откликнулась Катя. – Я во Пскове каждое воскресенье ездила с подружкой на лошади кататься...

– Конным спортом занималась?

– Нет, просто у меня на лесозаготовительной базе была знакомая лошадь... – Катя засмеялась и поправилась: – В смысле, знакомые, а у них лошадь. Белочка.

– Ха! Рыжая, что ли?

– Нет, Белочка – потому что светлой масти. А Танька, подружка моя, брала гнедую. И мы катались где хотели – по полям, по лугам...

Дима улыбнулся. Ему представилась хрупкая светловолосая девушка на белой лошади, летящая над цветущим лугом в лучах восходящего солнца.

– Тебе пойдет белая лошадь, – сказал он. – Ну, пошли искать конюшню! Возьмем пару лошадей и часик-два покатаемся.

– Это, наверно, дорого? – озабочилась Катя.

– Не настолько, чтобы я разорился. Заодно верховой езде меня поучишь.

– Ничего сложного, главное – правильно сидеть и уметь держать поводья. А где искать эту конюшню?

– Понятия не имею. Да пошли прямо по следам. Они нас наверняка выведут куда надо.

Дорожка уходила все дальше и дальше от шоссе. Из ельника пахло грибами и веяло холодом; капли росы блестели на черных смолистых стволах. Папоротники сменились зарослями черники. Дорожка раздвоилась, потом еще раз. Гравий сменился утоптанной землей, отпечатки копыт исчезли, а потом тропинка вообще потерялась в траве... Катя и Дима ничего не замечали: болтали и шли куда глаза глядят – им было все равно, куда идти.

– Мы случайно не заблудились? – поинтересовалась Катя минут через двадцать, угодив ногой в прикрытую мхом лужу.

– Да по фиг, – беспечно сказал Дима. – Тут негде заблудиться. Везде дачи.

– Что-то я не вижу никаких дач, – Катя с некоторой тревогой оглянулась по сторонам. – И тропинки совсем не вижу. Димочка, куда это нас занесло, а?

Дима окинул местность изучающим взглядом. Вокруг шумел все тот же сырой, мрачный ельник.

– Мы, наверно, в районе Морских Дубков, – предположил он.

– По-моему, это не дубы, а елки, – возразила Катя. – Абсолютно дикое место. Может, вернемся?

Дима махнул рукой:

– Катенька, ну поверь мне – бояться здесь нечего!

«Со мной», – мысленно добавил он.

Путешественники пошли дальше. Местность постепенно становилась суше и светлее. Солнце пронизывало лес и ласково пригревало, обещая жаркий день. Где-то наверху чирикали птички. Сырой черничник сменился лужайками с ярко-зеленой травой. Елки росли теперь не сплошной стеной, а отдельно стоящими многоярусными пагодами. Между ними начали попадаться странные деревья. Замшелые неохватные стволы; дупла, в которые человек мог бы войти не нагибаясь; толстые корявые ветви, растопыренные над лесом; полузасохшие, полусгнившие гигантские древесные старцы...

– Ух ты, какие дубы! – расширила глаза Катя. – Им же по несколько сотен лет! У нас во Пскове растет один такой, в кремле. Когда я была маленькая, на нем еще ворон жил...

– Сидит ворон на дубу, – со смехом сказал Дима. – Как в сказке.

– Тут и вправду как в сказке... Присмотрись, какое место – таинственное, благодатное, словно в церкви... и в воздухе дымка... вот здесь бы Наташке духов вызывать!

– «Уж слишком здесь красиво – жди беды», – процитировал Дима капитана Зеленого. – Шучу. Я понял, куда мы вышли. Это точно Морские Дубки. Тут реликтовая дубрава как минимум позапрошлого века. Ее еще Шишкин рисовал. А недавно тут разрешили коммерческую застройку. Наверняка за взятку. Шуму было... Вот, пожалуйста!

Из-за поредевшего ельника показалась двухметровая кирпичная стена. За стеной виднелся коттедж со спутниковой антенной на крыше.

– Ура, тропинка снова появилась! – обрадовалась Катя.

– Я же говорил, что здесь негде заблудиться...

Метрах в двадцати впереди возникла каменная ограда «под старину», а поверх нее – фигурная решетка. Над ней поднималась остроконечная башня с флюгером. Дальше, за деревьями, виднелись шиферные крыши домов попроще.

Дима вдруг остановился и прищурился.

– Что это там за столпотворение? – пробормотал он.

– Ой, смотри, и милиция! – воскликнула Катя. – Две машины. И «скорая»... Случилось что-нибудь, что ли?

На полянке напротив готического особняка за решетчатой оградой толпился народ. Толпа казалась совершенно разномастной – судя по всему, дачники из соседних домов. В раскрытой калитке особняка толстый волосатый мужик в шортах о чем-то громко препирался с милиционером. Другие милиционеры хаотически перемещались туда-сюда, расталкивая толпу. Над полянкой висел приглушенный гул голосов.

– А я-то тут при чем? – донесся до Кати злобный взвизг толстопузого. – Это не мои проблемы! И не здесь она валялась, а там, у канавы!

Катя и Дима подошли ближе. Народ, собравшись в кучу, смотрел на что-то на земле. Дима пригляделся, помрачнел, сжал Катину руку и сказал:

– Давай-ка обойдем это место.

– А что?

– Похоже, там кого-то убили. Лучше бы тебе на это не смотреть.

– Я не боюсь, – возразила Катя. – А обойти тут негде.

Дима, крепко держа Катю за руку, принялся расталкивать толпу. Народу было на удивление много.

– Эй, назад быстро сдали! – раздался голос мента. – Не мешайте работать!

Люди послушно подались назад, но никто не ушел. В этот момент Катя увидела того, кто был причиной этого столпотворения. Вернее, ту. На траве лежала мертвая девушка. Белая, как старинный пластмассовый пупс, лицо в грязи и тине, в волосах клочья мха. У Кати перехватило горло. Она прежде никогда не видела мертвецов. Бледная, выпачканная в земле девушка показалась Кате ненастоящей. Она была слишком красивой для мертвой. И выражение лица девушки было безмятежное, почти счастливое, уголки губ приподняты в улыбке.

Это выражение показалось странным не только Кате. Две тетки за ее спиной обсуждали то же самое.

– Наркоманка, – убежденно сказала одна.

– Героинщица, – проявила познания другая. – Самый страшный яд. Ишь, рожа довольная какая. Я по телевизору слышала – от героина больше всего их и умирает. Вроде как от счастья.

– Час назад девку в кустах нашли, – бубнил еще кто-то. – Под забором у этого кабана. И шприц рядом, и все что полагается. Гробят себя, идиоты...

– Дура ты, бабка, – пренебрежительно бросил тощий парень в штанах по колено. – Какая она тебе наркоманка. На руки ее глянь. «Трубы» чистые, ни следка. А у наркош знаешь какие «дороги»?

– А сам ты откуда знаешь? – Тетка подозрительно глянула на парня. – Тоже наркоман? Товарищ милиционер! Можно вас на минуточку...

Милиционер ее не услышал: старательно отпихивал любопытных.

– Нет, ну дура – дура и есть, – парень ничуть не испугался. – Врач я. На «скорой» работаю.

– Ой! – Тетка сразу как-то сникла. – Извините, пожалуйста!

– Да ладно! – великодушно простил ее парень.

– Дня два, не больше, – сказал он почему-то Кате. – Свеженькая. Ты на каком курсе, на первом?

– Я? – удивилась Катя. – В каком смысле?

– Ты же на врача учишься, я угадал?

– Почему вы так решили?

– Да ладно! – засмеялся парень. – Что я, не вижу? Такой взгляд только после анатомички появляется.

– Да? – Катя была заинтригована. – Какой – такой?

– Оценивающий!

Парень явно был не прочь познакомиться. Диму он демонстративно игнорировал. А может, просто не обратил внимания, что они с Катей – вместе. Диме это, понятное дело, не понравилось. А на труп он и вовсе старался не смотреть, в отличие от Кати, которая, надо отдать должное наблюдательности молодого доктора, действительно рассматривала покойницу с большим интересом и без всякого отвращения. Наверное, потому, что присмотревшись, уже не чувствовала в ней *человека*. Пустая оболочка, кукла...

– Пошли отсюда! – Дима потянул ее за руку, при этом с вызовом глянул на тощего парня. Тот ухмыльнулся.

– Доктор, а можно вас спросить... – обратилась к парню тетка. – Вот у меня в правом боку...

– Это не ко мне, это – к терапевту, – отмахнулся парень.

Мертвую девушку принялись паковать в большой пластиковый мешок. Народ, вполголоса переговариваясь, потянулся по домам.

– Пошли, пошли, – буркнул Дима, подталкивая Катю.

– Пока, красавица! – Тощий махнул Кате рукой. – Увидимся!

Следуя за дачниками, Дима с Катей прошли до конца тропинки и неожиданно вышли в поселок. Со всех сторон торчали дачи; вдоль линии домов тянулась широкая асфальтированная дорога.

Дима шел молча, хмурясь. Катя вслух размышляла об увиденном. На нее, должно быть, на нервной почве, напала болтливость.

– Ну вот – в первый раз в жизни увидела мертвеца. Ничего страшного, в принципе...

Дима пробормотал что-то язвительное. У него испортилось настроение. Катя, не заметив этого, продолжала:

– Просто я думала, что мертвецы совсем другие.

– Какие? – мрачно спросил Дима.

– Ну, примерно как в фильмах ужасов. Такие... зловещие. А на самом деле это все так обыденно... Видел, какое у нее лицо? Интересно, что она чувствовала перед смертью?

– Тебе это *интересно*? – возмутился Дима. – Подходящее словечко. Мне, когда я ее увидел, чуть худо не стало, а ты ее рассматривала, как в музее, да еще кокетничала над трупом с этим санитаром. Может, тебе действительно надо было поступать в медицинский? Там столько интересных людей – и живых, и мертвых...

Катя обиделась. Она не понимала, чем недоволен Дима. Скорее она ожидала, что ее похвалят за выдержку, а не упрекнут в бессердечии.

– Это не я черствая, а ты слабонервный, – сердито буркнула она и, ускорив шаги, ушла вперед.

Дима посмотрел Кате в спину и неожиданно почувствовал, что его раздражение исчезло. «Зачем я ей все это наговорил?» – виновато подумал он.

– Кать, ну ты чего? – Он догнал ее, взял за руку, потянул к себе. Если бы он сделал это полчаса назад, Катя, пожалуй, не стала бы особенно сопротивляться. Но сейчас она вырвала руку, посмотрела на него сердито, снизу вверх:

– Не трогай меня!

Повернулась и пошла дальше, по дороге. А Дима поплелся следом, бормоча всякие пока-янные слова.

Минут через десять Кате стало его жалко. Она остановилась и сама взяла его за руку.

– Всё, я не сержусь, – сказала она. – Но с тебя мороженое!

Дима расплылся в улыбке. Дальше они пошли, держась за руки.

До мансарды Катя и Дима добрались только вечером. Ничего удивительного, если учесть, что всю дорогу они прошли пешком.

– Интересно, как там Лейка с Наташей? – вспомнила Катя. – Надо им позвонить.

Но Лейки дома не оказалось, а Наташе Катя, посмотрев на часы, звонить уже не рискнула. Завтра... Вообще же утренние события – туман, духи, Дети Ши – все это как-то поблекло, потеряло значение. Всё заслонил Дима... И мертвая девушка.

Глава восемнадцатая

Страшная тайна магии Ши

*Вот хитрая мудрость эльфов:
Кончаются и снова начинаются – таковы люди.
Эльфы – бесконечны.
Рождаются, умирают и снова нарождаются – таковы люди.
Эльфы бессмертны.
Видят пять цветов, слышат пять тонов, чувствуют пять
вкусов – таковы люди.
Эльфы видят, слышат и чувствуют безгранично.
Правильный бой и маневр – так бьются люди.
Неисчерпаема и неисчислима, подобна круговращению битва
эльфов...
Но появляется тролль – и всё портит.*

Лейка держалась почти час. Катя видела, что ей ужасно хочется все рассказать. Лейку буквально распирало изнутри. Но ей также очень нравилось, что Дима и Катя приплясывают вокруг нее, изнывая от любопытства.

Наконец Лейка смиростивилась.

– Только имейте в виду – это страшная тайна! – объявила Лейка. – Я дала клятву вечного молчания. И вы тоже должны ее дать!

– Мы дадим! – быстро сказала Катя.

И Димка тоже торопливо закивал.

На самом деле никакой страшной клятвы с Лейки не брали. Наоборот, Итлинн намекнула, что Лейка может рассказать Кате о том, что видела. И даже не просто может, а должна. Потому что Катя им нужна.

* * *

– Она что, тоже ведьма? – спросила все еще потрясенная увиденным Лейка.

– Она – больше! – многозначительно заявила Итлинн. – Она – утраченная часть целого! Но ты ей об этом не говори!

– Ни за что не скажу! – пообещала Лейка, от волнения даже забыв спросить, что это за целое, которое потеряло Катю.

* * *

– Ну давай, рассказывай! – поторопила задумавшуюся Лейку Катя.

– Сначала – клятва! – напомнила Лейка. – Повторяйте за мной: я, ничтожное порождение великой силы...

В общем, Лейка плела, что в голову взбредет, и ей было прикольно, что даже самоуверенный и всезнающий Дима старательно повторяет за ней всякую белиберду. Наконец она решила – хватит. Объявила, что клятва принята. И теперь в случае разглашения тайны виновных ждет страшная кара.

– А теперь слушайте... – проговорила она страшным шепотом. – Я расскажу вам о великом, чудесном, потрясающем таинстве открытия Врат тумана...

* * *

Надо сказать, сначала ничего великого и чудесного не было. То есть, когда Лейка вслед за остальными Детями Ши двинулась за Итлинн, внутри у Лейки было волнующе и прикольно. Но когда они вошли в озеро...

Лейка слишком поздно вспомнила, что она – в новеньких итальянских туфлях, которые, как всем известно, терпеть не могут воды. После «купания» их остается только выкинуть. Лейка не выскочила на берег только потому, что сообразила: туфли так и так пропали, а если повернуть обратно, то выйдет, что они пропали зря. Потому Лейка поспешно двинулась дальше, догоняя хлюпающий по грязной воде ковен.

А ковен, под водительством размахивающей метлой Итлинн, уходил все дальше и дальше. Вообще-то было довольно мелко – по колено. Но вода все равно была холодная. И на дне какой-то мерзкий ил. И туман становился все гуще, смыкался вокруг. Лейка уже понятия не имела, где берег, и порядком замерзла. И тут Итлинн запела. И остальные Дети Ши – тоже.

Это было очень красиво. Высокие, чуть приглушенные голоса, поющие на незнакомом языке.

А потом пение оборвалось, и все остановилось. Лейка от неожиданности едва не врезалась в спину Наташи.

- Граница миров близко! – провозгласила Итлинн. – Я чувю Хранителей!
- Оборони нас, Великий Дух! – дружно откликнулись Дети Ши.
- Они близко! – напряженным голосом сообщила Итлинн.
- Оборони нас, Великий Дух!
- Они алчут!
- Оборони нас...

Грязно-белые липкие клочья тумана казались плотными, как слякоть. Туман оседал на лице, и Лейка поняла, почему ее предупредили: не делать макияж. Лейка совсем замерзла. Она с завистью смотрела на Наташу и остальных, которые, казалось, совсем не чувствовали холода.

В руках Итлинн появился некий пузатый сосуд. Дети Ши прикладывались к нему, провозглашая неизменное:

- Оборони нас, Великий Дух!

Дошла очередь и до Лейки. Сосуд оказался термосом, уложенным в берестяной футляр. Лейка ожидала, что внутри что-нибудь спиртное, но там оказался какой-то травяной чай, невкусный, отдающий плесенью. Правда, горячий и сладкий.

- Не увлекайся... – шепотом сказала Итлинн, отбирая у Лейки термос. – Ну!
- Оборони нас, Великий Дух! – сообразив, пробормотала Лейка.

Термос снова двинулся по кругу. Когда он опустел, Лейка обнаружила, что ей уже не холодно.

И вообще, ей стало по кайфу. А туман вокруг посветлел и заискрился.

«Наверное, солнце вышло», – подумала Лейка.

А Дети Ши снова запели. И двинулись дальше. Вода уже доходила Лейке до пояса, но теперь ей это казалось прикольным. Даже возбуждающим. Хотелось смеяться, плескаться, прыгать... Но она понимала, что так делать нельзя. Можно было только петь, и Лейка запела вместе с остальными. Непонятные слова оказались очень простыми, и мелодия – тоже. И вдруг, на какой-то особенно высокой ноте, раздался звон – будто струна лопнула, и Лейке стало совсем легко. Казалось, еще чуть-чуть – и она взлетит.

И тут же из тумана возник серебристый силуэт Духа Воды.

Невозможно описать, как он был прекрасен.

Сначала он показался Лейке трехметровым гигантом, медленно парящим над поверхностью воды.

Лейка смеялась и плакала от нестерпимого счастья, глядя в сияющие глаза духа. Теперь он приблизился, и Лейка увидела, что он не парит, а стоит на носу медленно плывущего серебряного челна.

И плащ его тоже был серебряный, мерцающий, и волосы, ниспадающие на плечи.

А потом он наклонился и протянул руку...

Лейка подумала: ей – и вся зашласть от счастья. Но в следующий миг заплакала от ужасного разочарования. Рука была протянута Наташе.

И не Лейка, а Наташа поднялась из воды в серебряный челн, который сам собой развернулся и уплыл в туман под пронзительное, как чаичьи крики, пение Детей Ши...

Очнулась Лейка уже на берегу. Вернее, в микроавтобусе. На ней был чужой шерстяной спортивный костюм, а рядом стояла Итлинн, протягивая ей чашку.

– Ну как, отошла? – ласково спросила ее Итлинн.

– Вроде бы... – пробормотала Лейка.

Голова ее слегка кружилась, и все вокруг казалось каким-то ненастоящим. Будто нарисованным.

Лейка потянулась за чашкой... И промахнулась.

Но Итлинн не засмеялась. Сама вложила чашку в руку Лейки.

В чашке оказался горячий грог.

Лейка огляделась. Весь автобус занимали Дети Ши, но Наташи среди них не было.

– А где?..

– ...Наташа? – Итлинн улыбнулась. – Разве ты забыла? Ее выбрал дух этих вод.

– И что теперь? – холодея, проговорила Лейка. – Она... утонула?

– Нет, конечно! – Итлинн рассмеялась. Ее смех был – как хрустальные колокольчики. –

Через несколько дней она вернется.

– Но как же... Как же ее родители? Они ведь не знают...

– Не беспокойся. Всё устроится, – Итлинн взяла у нее чашку.

– Поехали, – сказала она, устраиваясь напротив Лейки. Микроавтобус тронулся.

– Высший мир правит низшим, – проговорила Итлинн. – Ты сегодня соприкоснулась с высшим миром и видела высшее существо, пробужденное нами. Тебе невероятно повезло, Лейла! Я сама удостоилась такой встречи лишь после двух лет непрерывного духовного труда. Тебе потрясающе повезло, а тебя беспокоит какая-то ерунда...

– Вот так всегда, – вздохнула Лейка. – Все самые лучшие парни достаются Наташке! Эх, Катька! Если бы ты его видела! Какие у него глаза! Какие волосы! Белые-белые и светятся!

– Парик! – категорично заявил Дима. – Флюоресцирующий.

– Дурак ты! – без обиды сказала Лейка. – Это был не человек. Я же его вблизи видела. У людей таких лиц не бывает. И лодка у него – как будто из серебряного сияния сделана. А плывет сама. Повинуясь желанию.

– Знаем, – проворчал Дима. – Такое желание называется: двигатель внутреннего стора-ния. Приплыл к вам ряженный на катере и предрекал конец света.

– Ничего он не предрекал, – возразила Лейка. – Он возник из границы вод, взял Наташу и ушел. Вернее, они исчезли. Она теперь – в ином мире... Счастливая!

– Ну ты и дура! – воскликнул Дима. – Они ее украли! Всё! Больше ты ее не увидишь! Вот черт! Надо было все-таки вас дождаться! Надо срочно ее родителям позвонить!

– Не надо.

– Маньячки! – заорал Дима. – Вас убивают, а вы...

– Может, все-таки позвонить? – неуверенно проговорила Катя.

Ей как-то не верилось, что Наташу могут вот так запросто похитить.

– Не надо, – сказала Лейка, но Дима уже листал записную книжку.

– Алё! Людмила Васильевна? Это Дима. Может, вы меня помните? А Наташа дома?..

А когда будет, не знаете?

Некоторое время Дима слушал, потом сказал: «Извините. До свиданья», – и повесил трубку.

– Она вчера вечером звонила, – сказал он с кривой улыбкой. – Судя по всему, из иного мира. Сказала, что уехала отдыхать на дачу к друзьям и вернется через три дня.

– Я же тебе сказала: не надо звонить, – напомнила Лейка.

– Ты знала? – с восхищением проговорила Катя.

– Конечно, знала. Я с ее мамашей еще вчера говорила. Итлинн так и сказала – всё устроится само.

Катя покачала головой. Звонок Наташкиным родителям мистическим образом заставил ее поверить во всё, рассказанное Лейкой.

– Посмотрим, вернется ли она через три дня, – проворчал Дима, садясь на стул. – Авантюристка! Дух вод! Напоили их какой-то дрянью, от которой крыша поехала...

Лейка его игнорировала.

– Кстати, они тебя снова приглашают, – сказала Лейка, обращаясь к Кате. – А тебя нет, – заявила она Диме. – Хохмить надо меньше.

– А почему меня? – спросила Катя. – Я тоже на семьдесят процентов ведьма?

– Не ведьма, – покачала головой Лейка. – Итлинн сказала – в тебе есть что-то другое, покруче...

– Не слушай ее, – перебил Лейку Дима. – Обычные заманки. Катя улыбнулась, переглянулась с Лейкой и ничего не сказала.

Глава девятнадцатая

О царице фей и Карлссоне, который всегда все знает

Эльфийская семья приходит в лондонский Дом сирот и заявляет, что хочет усыновить ребенка.

«Какие вы благородные люди, – говорит эльфам директор. – Уже восьмого ребенка усыновляете! Скажите по секрету – зачем вам столько?»

«Да первые семь как-то не прижились», – отвечают эльфы.

С утра Катя решила поработать.

«...И сказала царица фей: если бы знала я, Том Линн, что ты одолеешь мои чары и покинешь меня, я бы вырвала твои ясные глаза и вставила бы в каждую глазницу по лесной гнилушке...»

Катя, вздыхая, набивала в компьютер подстрочник очередной шотландской баллады. За окном на балюстраде ограждения курлыкали голуби.

Работа шла туго. Катины мысли блуждали где-то далеко, неизменно обращаясь к одному и тому же объекту – Диме. Вчера вечером, при расставании, она позволила ему поцеловать себя в губы. Целовался Дима неумело, но Кате это даже понравилось. Вообще, он был очень симпатичный и пахло от него мужественно, стриженные волосы на затылке были приятные, мягкая такая щетинка, а шея крепкая и мускулистая... Пожалуй, он вполне соответствовал Катиному идеалу. «Лейка ничего не понимает в парнях, – размышляла Катя. – Как можно называть Диму надменным занудой? Он совсем не такой... Надо признаться – он мне нравится. Очень-очень-очень. И еще двести раз „очень“. Интересно, я уже влюбляюсь или пока нет?»

Катя рассеянным взглядом смотрела на монитор, не видя текста, и блаженно улыбалась.

– Добрый день, – раздался позади знакомый голос. – Можно войти?

Обернувшись, она увидела, что в дверях кухни стоит Карлссон.

Катя приветствовала его сияющей улыбкой. У нее было такое хорошее настроение, что она обрадовалась бы даже Сереже.

– О, это ты? Как давно мы не виделись!

Карлссон молча занял свое обычное место на стуле у окна – как будто никуда и не уходил. Катя, уже зная, что он может так сидеть и молчать до бесконечности, отложила балладу и заговорила сама:

– Как дела? Чаю хочешь?

– Пока нет.

– А я вот опять перевожу. Вернее, пытаюсь. Вроде и язык на этот раз несложный, а не идет. Помнишь, как мы с тобой балладу про леди Изабел и коварного эльфа мучили? Кажется, с тех пор сто лет прошло, столько всего случилось, столько переменилось в моей жизни...

Катя вздохнула.

– Даже вспомнить странно, как они мне тогда нравились. А теперь все эти истории про прекрасных дев и злобных эльфов кажутся такими глупыми и наивными по сравнению с настоящим... С жизнью. Удивительно!

– Что же тут удивительного? – спросил Карлссон. – Эльфы не могут обойтись без прекрасных дев. Хотя прекрасные юноши тоже годятся.

– Да ну тебя! – воскликнула Катя. – Я же серьезно!

– И я серьезно. И я все-таки, пожалуй, поем. У тебя есть еда?

– На кухне печенье. Подойдет?

– Лучше бы колбаса.

– Колбасы нет. И поставь чайник, пожалуйста! – крикнула она вслед направившемуся на кухню Карлссону.

Карлссон вернулся через минуту. С печеньем.

– О чем баллада? – спросил он, присаживаясь.

– Называется «Подменыш». Про плохих эльфов. Дай мне тоже, ты так аппетитно хрустишь! Короче, эльфы у одного рыцаря ребенка сперли и вырастили из него этакого терминатора, убийцу троллей.

Карлссон хмыкнул скептически.

– Ну да, довольно примитивная сказочка, – согласилась Катя. – Может, поэтому и работа не идет.

– В ранних балладах скоттов выдумок почти нет, – возразил Карлссон. – Они ведь с сидами рядом жили. Я слышал похожие истории.

– Знаешь, какой твой девиз по жизни? – заявила Катя. – «Я знаю, как было на самом деле».

– Но я действительно знаю, – заметил Карлссон. – Помочь тебе с переводом?

– Не надо, она несложная. Просто у меня настроение нерабочее.

Несколько минут оба молчали. Катя пыталась сосредоточиться на балладе, но безуспешно.

– А про троллей у тебя песен нет? – неожиданно спросил Карлссон.

Он уже доел печенье и вертел в руках найденный где-то гвоздь. Здоровенный, сантиметров двадцать.

– Троллей? – удивилась Катя. – Про них, по-моему, вообще баллады не сочиняют. Тролли – это же неромантично. Тупые каменные уроды, грязнули, людоеды...

– Ну, не все, – пробормотал Карлссон, задумчиво наматывая гвоздь спиралькой на палец.

– И потом, тролли – это, скорее, скандинавская тема, – продолжала Катя. – Пер Гюнт, пещера горного короля и все такое... А почему ты спросил?

– Так, – сказал Карлссон и снова погрузился в молчание.

Катя решительно закинула распечатки с балладой в ящик стола и принялась раскладывать на мониторе пасьянс.

– О! – вспомнила она, поворачиваясь к гостю. – Давай я тебе расскажу, как мы тут вызвали духа озера!

– Духа? – с сомнением спросил Карлссон. – Зачем?

– Как зачем? Интересно же! Я тебе сейчас по порядку расскажу. На днях приезжают ко мне Лейка с Димой...

И Катя с увлечением начала описывать обряд призывания духа озера Лахтинский Разлив. Когда она добралась до призрака на лодке в сияющем тумане, Карлссон хмыкнул.

– Не веришь? – обиженно спросила Катя. – Думаешь, это все ерунда?

– Ага, – сказал Карлссон. – Пустое занятие. Бесполезное и опасное. Если водяной дух слаб, зачем он вообще нужен, а если силен, то с ним не справиться.

– Критиковать-то всякий может. А ты попробуй, вызови духа сам.

– А что сложного в том, чтобы позвать водяного? – удивился Карлссон.

Катя фыркнула.

– Позвать – ничего сложного, – согласилась она. – Проблема в том, чтобы он пришел.

Карлссон подумал и согласился:

– Действительно, проблема. Водяные духи храбростью не отличаются. Если вызывать водяного буду я, он, скорее всего, ударит подальше. Когда мне понадобится водяной, я его звать не стану: найду его обиталище сам и выволоку наружу.

– Да-а? – протянула насмешливо Катя. – Как интересно! И как же ты будешь искать жилище духа?

– Учую.

Катя засмеялась.

– Что тут смешного? – буркнул Карлссон.

И Катя захохотала еще громче.

Больше всего ее прикалывало в шутках Карлссона то, что он изрекает их с абсолютно серьезным видом.

Когда Катя отсмеялась и отдышалась, Карлссон положил скрученный гвоздь на подоконник и потребовал:

– Опиши-ка мне это озеро.

– Так я и думал, – заявил он, когда Катя закончила. – В этом озере вообще не может быть водяного. А если он там каким-то чудом уцелел, то это полудохлый затравленный уродец.

– Нет же! – горячо возразила Катя. – Лейка видела духа собственными глазами. Он был прекрасен! Плыл на ладье и весь сиял...

– Это был не дух.

– А кто?

– Ряженный.

– Тьфу, – с досадой сказала Катя. – Вы что, с Димкой сговорились, что ли?

– Твои маленькие ведьмы ничего не понимают, – пренебрежительно сказал Карлссон. – Или разыгрывают представление с какими-то своими целями. Зачем тебе связываться с балаганщиками?

И название у них плохое, – проворчал он.

Катя фыркнула, отвернулась и снова принялась перекладывать карты на мониторе.

«Ничего он не понимает», – сердито подумала она, не желая признаваться сама себе, что слова Карлссона ее смущали. Но чудеса были так близко, и так хотелось верить не скептикам, а очевидцам...

Катя снова подумала о Диме, заулыбалась – и выпала из реальности. О Карлссоне она просто забыла, а когда вспомнила, то обнаружила, что провела в мечтах и безделье минут двадцать. Оглянувшись, она встретила глазами с Карлссоном – он все так же сидел и смотрел на нее спокойно и доброжелательно. Катя невольно почувствовала раздражение.

«Чего он сидит тут, будто каменный? – подумала она и снова отвернулась к экрану. – Хоть рассказал бы что-нибудь. Нет, нехорошо все-таки – он ко мне в гости пришел, а я на него внимания не обращаю...»

Катя закрыла пасьянс и пошла на кухню ставить чайник (Карлссон, конечно, ее просьбу проигнорировал), а вернувшись, сказала:

– Кстати, у меня же тут было еще приключение. После вызывания духа озера мы с Димкой пошли гулять в Петровский лесопарк... Помнишь Димку-то?

– Не помню.

– Ты его на вечеринке видел. Дима такой темненький, из трех парней самый симпатичный.

– Они для меня все на одно лицо, – равнодушно сказал Карлссон.

«Прикидывается. Наверно, он все-таки слегка ревнует. Впрочем, это естественно», – решила Катя и с воодушевлением продолжала:

– Так вот. Гуляли мы, значит, по лесопарку, забрели в какие-то Морские Дубки, вдруг – толпа, милиция, «скорая»... Глядим – а на земле убитая девушка лежит!

На лице Карлссона не отразилось никаких эмоций.

– Молодая красивая девушка, – слегка обидевшись на отсутствие реакции, продолжала Катя. – Вся бледная, и улыбается – жуть!

– В дубраве?

– Да, какие-то дубы там росли.

– Позавчера?

– Ага. А что?

– Так, – сказал Карлссон и снова впал в прострацию.

Катя надулась:

– Ну, я так не могу. Пришел, так изволь хотя бы отвечать на вопросы. Ты уж извини, но собеседник из тебя...

В соседней комнате громко зазвонил телефон. Катя сорвалась с места и кинулась снимать трубку.

– Але! – крикнула она. И уже тише, с легким разочарованием: – Привет, Карина.

– Где ты болтаешься? – спросила Карина довольно сердито. – О съемках забыла? Второй день тебя ищу! Мобильник тебе купить, что ли?

– Да у меня дела были... разные, – промямлила смущенная Катя. – Прости...

Она и впрямь почувствовала себя виноватой. Карина столько для нее делает, а она... Честно сказать, из-за этих Детей Ши, ну и из-за Димы, конечно, «модельные» дела вылетели у нее из головы.

– Ну сегодня ты, я надеюсь, свободна? – осведомилась Карина.

– Я?

– Нет, я! Чтоб ровно в двенадцать была в моей студии. Фотограф будет в два, а тебя еще гримировать надо! А еще лучше – приезжай прямо сейчас. Прикинем кое-что сегодня, заранее.

– Поняла. Я мигом! – Катя бросила трубку.

– ...Это Карина, – объявила она, возвращаясь в комнату. – Моя новая подруга. Сегодня у нее в салоне меня будут фотографировать!

– Какая Карина? – флегматично спросил Карлссон.

– Как, разве я тебе еще не рассказывала? – удивилась Катя. – Карина – хозяйка салона красоты, участвует в разных конкурсах и хочет, чтобы я...

На кухне противно засвистел вскипевший чайник. Катя вскочила с ручки кресла, куда только что присела.

– Подожди, сейчас налью нам чаю и расскажу все в подробностях!

– Ну что ты суетишься? – укоризненно сказал Карлссон. – Ты сегодня на себя не похожа – вертишься, болтаешь, как будто опаздываешь куда-то. Я тебя не слышу, ты – меня...

Катя действительно не расслышала – она убежала на кухню. Вернулась с подносом и двумя чашками с чаем, расставила... И обнаружила, что Карлссона в комнате уже нет.

На кухне его тоже не было. Занавеска полуоткрытого окна шевелилась от сквозняка.

Но поскольку это окно выходило во двор, а не на площадку, значит, Карлссон вышел не через окно, а в дверь. Проскользнул по коридору тихонечко...

«Значит, вот мы как, – Катя поставила поднос на край стола и прикрыла окно. – Ни здрасте, ни до свидания. Все-таки он невежа, хоть и швед».

Катя понимала, что должна рассердиться на подобное хамство, но вместо этого ее почему-то начала мучить совесть. Внутренний голос подсказывал ей, что в чем-то – хоть и непонятно в чем – она повела себя неверно. Несколько минут она пыталась сообразить, чем она могла обидеть гостя до такой степени, чтобы он свалил не прощаясь.

«Как-то мы с ним не так сегодня пообщались, – недовольно думала она, отпивая чай. – Раньше, бывало, мы весь вечер промолчим – а на душе легко. Это, наверно, из-за Димки. Я о нем слишком много думаю, а другие страдают...»

В конце концов Катя приняла решение, которое отчасти ее утешило.

«Вот получу деньги за переводы и приглашу Карлссона в кафе, – решила она. – Он заслужил. Помог мне с переводом – да, честно говоря, почти все за меня сделал. Угощу его чем-нибудь вкусным, пива куплю – он пиво любит...»

Успокоив таким образом свою совесть, Катя повеселела. Через несколько минут Карлссон был прочно забыт. Катя снова сидела за компьютером, раскладывала пасьянсы, мечтала о Диме... Потом опомнилась, посмотрела на часы и обнаружила, что уже без двадцати двенадцать. Хорошо хоть Каринин салон – совсем рядом.

Глава двадцатая

Добрых духов не бывает

Сидел как-то тролль на берегу реки, попивал из бочонка эль, а заодно рыбку ловил. И поймал случайно золотую.

– Какое твое желание? – спрашивает рыбка.

Эльф вытащил из бочонка затычку, хлебнул элю, заткнул, подумал: чего же ему хочется?

– А сделай, – говорит, – так, чтобы эль в этом бочонке никогда не кончался.

– Будь по-твоему, – говорит рыбка.

С тех пор троллю так и не удалось вытащить из бочонка затычку.

Обрабатывали Катю в три пары рук больше часа. Потом еще полтора часа снимали во всех ракурсах, причем последние полчаса фотограф непрерывно ругался, потому что опаздывал на «Ленфильм».

Когда всё кончилось, Катя была – как выжатый лимон. Ей хотелось лечь куда-нибудь в уголок – и чтоб никто не трогал. Карина тоже умаялась, но ее понятия об отдыхе были принципиально другими.

– В сауну! – скомандовала она. – Олюня, через полчаса заплешь ко мне массажистку. А тобой, моя радость, – сказала она Кате, – я займусь лично. Личико у тебя от природы удачное, а вот тело совсем запущено!

Катя вовсе не считала, что тело у нее «запущено». Наоборот, она полагала, что у нее очень хорошая фигура, вот только рост маловат.

В следующие полчаса Катя узнала, что ягодички у нее не той формы, шейные мышцы «косят», икры «дряблые» и еще много-много разных негативных подробностей. При этом Карина вертела и крутила Катю, как куклу, измяла ее от затылка до пяток и поведала, что намерена сделать для приведения Кати «в божеский вид»: «Никакого силикона! Дозированные нагрузки, массаж, упражнения по моей личной системе. Посмотри на меня! Вот твой идеал!»

Обнаженное до пояса тело Карины блестело от пота, но Катя должна была признать – тело это было действительно замечательным. Очень сильным (в чем Катя только что убедилась), но не мускулистым, а гибким и изящным. Когда Катя встала с массажного стола, посмотрела на себя в зеркало и сравнила с Кариной, то поняла, что та права. Катя действительно «сырой материал».

– Кыш греться! – скомандовала Карина. – А потом можешь повалиться в джакузи. В воду добавишь две мерки соли, той, которая розовая. Две, больше – вредно. Марш!

Через час с небольшим они вдвоем в купальных халатах возлежали на кожаных диванах «рекреационной»: миленького зальчика с круглыми столиками из зеленого стекла и декоративным фонтаном в центре.

Карина велела принести им обед (крайне скудный) и много-много сока, потом достала бутылку шампанского:

– За наши будущие победы! – провозгласила она.

От бокала шампанского Катя сразу опьянела, и все вокруг казалось ей просто чудесным. Да, наверное, так оно и было.

– А теперь говори, что у тебя за дела такие, что тебя два дня дома не застать! – потребовала Карина. – Небось гуляла с тем сероглазым мальчиком, да?

– Вообще-то не с ним, – сказала Катя. – С другим. Но на самом деле это не важно. Скажи, Карина, ты в духов веришь?

– И в привидения тоже! – Карина засмеялась. Она снова наполнила Катин фужер и убрала бутылку. – А то это будет спаивание несовершеннолетних, – пояснила она.

– Нет, я не про этих духов! Я про добрых! Вот, например, в духов стихий?

– Каких именно?

– Допустим, духов вод!

– Не смеши меня, – сказала Карина. – Добрые духи вод – это абсурд. Добрый дух дождя! Надо же! – Она засмеялась. – Добрый дух слякоти!

– А если ты в пустыне? Разве там дождь – это плохо? – запальчиво проговорила Катя.

– В пустыне дождей не бывает.

– А там, где они есть, но мало? Разве дух воды, тот, что присылает дождь, разве он не добрый?

– Добрый, – согласилась Карина. – Если присылает. А если нет, что тогда?

– Тогда надо его попросить, – предположила Катя. – Совершить ритуал вызова...

– Вот как? – Карина посмотрела на Катю с интересом. – Какие мы, оказывается, слова знаем!

– А вот знаем! – самоуверенно заявила Катя.

– А знаем ли мы, что это за ритуалы? – осведомилась Карина.

– Знаем... в общих чертах, – Катя вовремя вспомнила, что обещала держать язык за зубами. – А ты знаешь лучше, да?

– Да, – Карина села, скрестив ноги. – Например, я знаю, что духи стихий не бывают добрыми. Впрочем, злыми они тоже не бывают. А вот люди, которые им поклоняются, сплошь и рядом делают совсем нехорошие вещи. Например, приносят жертвы. Иногда этими жертвами оказываются другие люди. А если дождь действительно очень нужен, а жертвы никак не помогают, то люди приносят в жертву жертвователя, то есть самого жреца. Чтобы он лично нашел на том свете нужного духа и втолковал ему, что без дождя людям совсем плохо. Просто так, девочка, в этом мире никто ничего не дает.

– Но это же не наш мир! – запротестовала Катя. – Это же совсем другой!

– Ты уверена? – осведомилась Карина. – Уверена, что это *другой* мир?

– А как же иначе? – удивилась Катя. – Это же... Даже эти самые Дети... Дети... – она никак не смогла вспомнить название... – Они говорят, что это другой мир. Что есть граница, разделяющая... Разделяющая... – Катя слегка запуталась.

– Разделяющая – что? – вкрадчивым голосом проговорила Карина.

– Нас и их! – нашлась Катя. – Там и стражи есть!

– Там – это где? – поинтересовалась Карина.

– Ну-у... Ты просто во все это не веришь! – решительно заявила Катя. – Не веришь! А я верю! Вот и всё!

Карина улыбнулась. Она вытянула ноги, пошевелила пальцами. Простыня соскользнула с ее бедер. Катя вдруг увидела то, на что раньше не обращала внимания: волосы Карины, те, что внизу живота, не курчавые, а гладкие, длинные и очень густые.

«Интересно, как она их так сделала?» – подумала Катя.

Карина потянулась всем телом, с кошачьей грацией, улыбнулась – тоже по-кошачьи, хищно.

– Не всё, – проговорила она, укладываясь на диванчик в позе гойевской «Махи». – То, что ты говоришь, – это часть правды. Приправленная враньем и твоей фантазией. Да, духи есть. Но они совсем не такие, как ты думаешь. Есть и граница. И стражи. Но неужели ты думаешь, что ты, маленькая и, прости, пока еще довольно глупенькая девочка, можешь проникнуть туда, куда не пускают больших и взрослых? Ты думаешь, это вроде секьюрити в ночном клубе, да?

Катя промолчала. Она решала, стоит ли обижаться на «маленькую и глупенькую».

– Все это есть, – Карина перестала улыбаться и смотрела на Катю строго, как бывшая Катина классная. – И *верить* в это совсем не обязательно. Вера, Катенок, это когда – без доказательств, на голом чувстве. Когда не видишь, а *ощущаешь* нечто... Непонятное. Но то, о чем мы говорим, это не вопрос веры. Это реальность, Катенок! Я имею в виду не всякую пустую болтовню о «мистическом и чудесном», которой приманивают дураков разные аферисты... Тебе случайно не говорили, что ты – великая колдунья в латентном состоянии? – неожиданно спросила Карина.

– Про колдунью не говорили... Сказали, что я... Что я – «круче, чем ведьма», – процитировала Катя слова Итлинн в интерпретации Лейки.

– Вот именно! – заявила Карина. – Именно так вас и ловят! На лесть и миражи!

– А как же видения? – спросила Катя.

– Ну ты совсем ребенок! – рассмеялась Карина. – Добавь немного «кислоты» в салат – у тебя такие видения будут! На полгода лечения в клинике хватит! У меня, Катенок, на тебя большие планы! – Карина снова стала серьезной. – Поэтому забудь о магии и всяких соблазнительных ритуалах. Думай лучше о мальчиках!

– Но, Карина, ты же сама сказала: волшебство существует! – жалобно проговорила Катя. – Мне же это ужасно любопытно!

– Ничего интересного в этом нет! – отрезала Карина. – И я очень даже надеюсь, что ты никогда в жизни с этим не столкнешься, потому что это совсем не любопытно, а очень-очень страшно! И обратного хода уже не будет! Никогда!

– Но, Карина, послушай! – заныла Катя. – Я же все-таки должна знать об этом! Ну хотя бы чтоб не спутать настоящее волшебство с этим... Которое не настоящее!

– Это ни к чему, – отрезала Карина. – Настоящее ты и так узнаешь. Сразу. А Детей Ши и прочих сукиных детей выбрось из головы. И если это к ним ты сейчас собираешься, то никуда ты не пойдешь! Лучше мы с тобой в БДТ ходим. Меня как раз приглашали на сегодня...

Глава двадцать первая

Катя становится звездой шоу-бизнеса

Приходит к доктору гном с сильным насморком.

– Знаете, – говорит доктор после обследования, – возможно, у вас профессиональное заболевание – аллергия. Где вы работаете?

– В шоу-бизнесе! – гордо отвечает гном.

– А точнее?

– В цирке, у тигра клетку чищу.

– Так я и думал – у вас аллергия на кошачью шерсть. Придется сменить работу.

– Как? Уйти из шоу-бизнеса?!

– Карина, я опять насчет карьеры модели...

– Не шевели веками, я приклеиваю ресницы.

– Я боюсь тебя подвести... Я же ничего не умею...

– Не бойся. Ну что ты трясешься, как припадочная?

Карина, закусив губу, что-то рисовала на Катином лице. Сегодня она была в образе «черного ангела»: в черном китайском балахоне, в черном парике («чтобы не отвлекать на себя внимание жюри», как объяснила она).

– Профессионализм – дело наживное, – сказала Карина. – Сейчас развелось этих модельных школ... При этом ни одна из самых успешных питерских моделей специально не училась. – Карина коснулась Катиного лица пуховкой. – Просто еще один способ вынуть деньги из родителей тщеславных девочек...

Катя сидела неподвижно так долго, что у нее заболела спина. Кожа лица была как резиновая от густого театрального грима. Закрыв глаза, Катя слышала спокойное дыхание Карины, перебранку других мастеров и конкуренток: «Куда эта гнида спрятала мои кисти?!», «Она мне нарочно наступила на подол и оторвала оборку...», «Передай мне тени, „графит“, 118-й номер...» Через закрытую дверь гримерки глухо доносились музыка и шум зала. При мысли, что через несколько минут ей предстоит выйти на подиум перед несколькими сотнями человек, Катя чувствовала, что близка к обмороку. Если бы не спокойная уверенность Карины и ее поддержка, она давно бы сбежала.

– К тому же я слишком молода... – Катю снова обуяла тревога.

Карина рассмеялась:

– Как бы не так! Для этой профессии ты уже перестарок. Обычно карьера модели начинается лет в четырнадцать. Ну, ты на призы пока особенно не настраивайся. Надо еще понять, насколько ты фотогенична. Хотя на первых пробах ты вышла пристойненько. Очень пристойненько...

– А рост? – спросила Катя. – Я где-то читала, что требуемый рост модели – от метра восемьдесят.

– Ты путаешь две профессии – фотомодель и манекенщица. Модель – это не двухметровая вешалка, которая ходит по подиуму. Модель – это лицо, взгляд... Только глаза не открывай, пожалуйста... Лицо, которое врезается в память, с первого взгляда вызывает симпатию... Фигура, разумеется, тоже важна. Рост как раз – не очень. Самое важное – харизма. Знаешь, что такое харизма?

– Умение располагать к себе людей.

– Не располагать, детка! Не располагать, а притягивать! Привлекать, привораживать, вызывать безотчетное доверие, то самое неотразимое женское обаяние... А у тебя это есть. В зачаточном, конечно, состоянии. Но я – мастер, я вижу...

Дверь открылась. В зал ворвалась музыка.

– Девочки, готовимся! – раздался пронзительный женский голос. – Через пять минут начинаем.

Катю опять затрясло.

«Неужели на меня сейчас будет смотреть вся питерская элита? Я же упаду в обморок прямо на подиуме...»

– Открывай глаза, – услышала она голос Карины, – только очень осторожно.

Катя открыла глаза, жадно уставилась в зеркало... и ахнула.

– «Невеста», – с довольным видом сказала Карина. – Ну, как тебе?

Длинное, до пола, платье из плотных кружев с глубокими вырезами спереди и сзади. Такое ощущение, что при малейшем движении оно развалится на две половины и соскользнет на пол. Волосы, залитые лаком и разобранные на пряди, как на фресках эпохи Возрождения, глаза, густо обведенные темно-серым, невероятно огромные на чистом бледном лице... А вот губы на этот раз Карина сделала Кате темно-вишневыми, блестящими, как будто выпачканными в крови.

– Тебя что-то смущает? – спросила Карина.

Катя представила себе, как она в таком наряде идет к алтарю... Не дай бог! Ее предадут анафеме на пороге церкви!

Показаться в этом на людях? Нет, невозможно! Да она умрет от смущения!

Но тут Катя огляделась и поняла, что на общем фоне ее наряд выглядит едва ли не целомудренно. Вокруг толпились *такие* невесты...

То ли кордебалет из варьете, то ли танцовщицы из стрипшоу...

Карина тихонько засмеялась в Катину ушко.

– Это называется – пожар в курятнике, – прошептала она. – Они все давят на примитивный эпатаж. А ты – произведение искусства. Сочетание невинности и эротичности. Индивидуальность плюс мастерство. Поняла теперь, почему я тебя пригласила?

– А что у меня с глазами? – спросила Катя. – Почему они как искусственные? И зачем так ярко?

– Это же сценический макияж. Зрители будут смотреть на тебя с большой дистанции. Учитываем также особое освещение, софиты. Это ведь не просто конкурс – это шоу! Публика – только избранная. Городская элита. А ты, – Карина обняла Катю за плечи и заглянула ей в глаза, – ты – актриса этого шоу, его главное действующее лицо. Хотим мы главный приз?

– Хотим, – эхом отозвалась Катя.

– Хотим – значит, получим!

«Я споткнусь, – снова впадая в истерику, подумала Катя. – Наступлю на подол и упаду прямо на голову жюри!»

В дверь снова ворвалась музыка – и вдруг смолкла. Вместо нее в тишине усиленный динамиками голос ведущего жизнерадостно объявлял публике начало показа.

Карина подтолкнула Катю в спину.

– Вот за этой девушкой... Десять шагов, как я тебя учила, разворот, остановка, улыбка, непременно подхвати шлейф – и назад. Спину прямо, побольше уверенности... Пошла!

Загремела музыка. Катя забыла о том, что только что собиралась падать в обморок на головы жюри, и полетела вперед, как на крыльях, гордо задрав подбородок. В голове не было ни одной мысли, все страхи куда-то подевались. Из динамиков раздавался голос ведущего – Катя не понимала ни слова. Внизу толпилась, задрав головы, «питерская элита» – Катя никого не видела. Она смотрела поверх зала, выступая легким твердым шагом. Ее несла музыка.

Десять шагов, остановка. Катя улыбнулась, и ее ослепили вспышки фотоаппаратов. Прошумели аплодисменты.

В этот миг Кате показалось, что ее прежняя жизнь кончается и наступает новая, неизвестная, но потрясающая. «Теперь так будет всегда!» – подумала она, развернулась (не так изящно, как хотелось бы) и, шурша шлейфом, поплыла обратно.

Едва зайдя за кулисы, она попала в объятия Карины.

– Умница! Отлично! Замечательно!

– Но я такая неловкая...

– Верно! И твоя неловкость замечательно вписывается в образ!

Теперь, когда все осталось позади, подиум больше не внушал Кате никакого ужаса.

«Я выгляжу ничуть не хуже их, – думала она, рассматривая наряды дефилирующих конкуренток. – Карина – такая талантливая! Мы обязательно получим приз!»

Первого приза они не получили. И вообще никакой награды им не досталось. Когда объявили результаты, оказалось что творение Карины заняло только пятое место.

– Да не переживай! – бодро говорила Карина, пока они тусовались за кулисами, дожидаясь окончания официальной части. Но Катя видела, что она расстроена. – Все призовые места, естественно, куплены. Ты посмотри, какая потасканная баба получила первый приз! Это что, наряд невесты – садо-мазо с вуалькой на морде? Так что пятое место из тридцати – это просто великолепно. К тому же это не последний наш конкурс. Видела, сколько у меня в салоне висит дипломов? Еще успеешь прославиться, какие твои годы! Супермодель из тебя сделаем!

После окончания показа в главном зале клуба началась обычная ночная программа, а участники показа отправились праздновать в банкетный зал.

Карина предупреждала, что, как только Катя покинет подиум, на нее налетят восхищенные юноши с букетами и работодатели с заказами.

Вместо юношей с букетами рядом с ней возникли несколько не слишком свежих мужиков, причем один с ходу поинтересовался, сколько она стоит. Он, дескать, настоящий и щедрый ценитель красоты...

Катя растерялась, но на помощь пришла Карина:

– Иди, иди, ценитель! Там в холле портье сидит, он тебе все цены скажет!

Затем она решительно сказала:

– Нет! Тебя, Катенок, в этом гадючнике одну оставлять нельзя. Петя! Петя, иди сюда, дорогой!

Петя, мужчина неплохого роста, хоть и не вполне атлетической комплекции, тем не менее элегантно склонился к Карининой ручке и словесно выразил свою радость по поводу ее нынешнего успеха.

– Какой там успех! – махнула рукой Карина. – Пятое место!

– Грандиозный успех! – возразил Петя. – Твоя девочка – супер! – Он благосклонно улыбнулся Кате. – Ты же не заплатила ни цента, а первые десять мест конкретно проплачены. Если ты на пятом, значит, эта сволочь просто не рискнула задвинуть тебя на одиннадцатое – и кому-то придется возвращать денежки! – Петя довольно хохотнул.

– Десять? Почему десять? – спросила Карина. – Призовые же только три!

– А рейтинг? О рейтинге ты забыла...

– Да, верно... – Карина заметно повеселела. – Ладно, дорогой, мне надо сбегать кое с кем пошептаться, а ты присмотри, пожалуйста, за девочкой. Только присмотри, а не приударь, ясно?

– Кариночка, ты одна моя любовь до гробовой доски! – драматическим голосом воскликнул Петя. И добавил обычным: – Иди-иди, пригляжу за твоей маленькой феей.

В присутствии Пети Катю уже никто не атаковал и цветов тоже не дарил. Работодатели тоже не спешили. Нет, внимание публики Катя чувствовала: изучающие взгляды девушек, лип-

кие взгляды мужчин. Кое-кто из них был явно не прочь познакомиться, но суровое лицо Пети к этому не располагало. Катя подумала, что если бы она выглядела как всегда, то большинство тех, кто ныне ощупывал ее взглядами, прошли мимо нее, как мимо пустого места.

Катя пошла к фуршетному столу, но туда было вообще не пробиться – стол, как мухи, обсели журналисты. С деловым видом, как бы невзначай загородив растопыренными локтями все подходы, они нагребали на бумажные тарелочки невероятные порции наиболее привлекательных закусок и стремительно пожирали их. Стол пустел на глазах; было совершенно очевидно, что через несколько минут на тарелках останется только петрушка.

– Дома их не кормят, что ли? – проворчала Катя.

– Кушать хочешь, девонька? – спросил Петя, отвлекшись от беседы с каким-то знакомым, таким же крупным и упитанным мужчиной в дорогом костюме.

– Покормить девочку? – предложил мужчина, окинув Катю оценивающим взглядом.

– Свернись, – сказал Петя собеседнику. – Это Каринкино. – И уже Кате: – Постой минутку, никуда не уходи! – Неделикатно распахив журналистов, он завладел большущей тарелкой из-под бутербродов, насобирал в нее всякой всячины, дополнил фужером шампанского и вручил добычу Кате.

Пока Катя насыщалась, Петя возвышался рядом наподобие часового, следя, чтобы маленькую Катю не толкали.

Вернулась Карина. Не одна, а в сопровождении того свирепого мужика, которого Катя видела в суши-баре. С «драконом» на загривке.

«Якудза», – вспомнила Катя слова Стасика.

– Познакомься, это Гоша, – представила она своего спутника. – Мой, как нынче выражаются, бойфренд.

– Здравствуйте, Гоша, – вежливо сказала Катя.

Татуированный Гоша что-то буркнул, окинув Катю рекордно липким взглядом.

– Вы стилист? – попыталась завести светский разговор Катя. – Или парикмахер?

– Гоша пока не определился. Он только что вышел из тюрьмы, – пояснила Карина. – Ищет себя в искусстве.

Пока Катя думала, что бы на это ответить, Гоша их покинул: ввинтился в толпу журналистов и двинулся вдоль стола, выхватывая приглянувшиеся продукты питания и внося хаос и смятение в ряды профессиональных уминателей фуршета.

– Ты что, испугалась его? – со смехом спросила Карина. – Красавец, да? Как нынче говорят – брутальный. Вот так и разрушаются идеалы юности.

– В смысле?

– У меня по молодости от таких мужиков коленки сами подгибались... – Карина задумчиво посмотрела на Гошу, который овладел бутылкой коньяка и теперь дегустировал его единолично. – Просто первобытный человек. Я и не знала, что такие еще сохранились. Гоше наплевать на бизнес, карьеру... он руководствуется только своими желаниями, надо признать, довольно примитивными, и считает, что все, на что упал глаз, должно ему принадлежать. В сочетании с полным отсутствием инстинкта самосохранения из этого получается очень даже возбуждающий коктейль.

– А тебе с ним не страшно? – осторожно спросила Катя.

– Мне? – Карина засмеялась. – Мне он ничего не посмеет сделать. Максимум, что я ему позволяю, – грозно рычать. Он со мной, пока мне это нравится. А мне – нравится! Ты только посмотри, какая животная чувственность! Какая дикарская жизненная энергия!

Катя посмотрела на припавшего к бутылке брутального Гошу и почему-то почувствовала к нему жалость.

– Звериная сущность, – между тем продолжала Карина. – Грубость и цинизм на грани жестокости. Но это только одна сторона жизни.

– А другая? – спросила Катя.

– А другая – это ты! – Карина засмеялась и поцеловала Катю в губы. Даже не поцеловала, а только тронула – чуть-чуть. – Чистая, романтичная, наивная свежесть!

– Карина, а можно узнать, сколько тебе лет? – неожиданно спросила Катя.

Карина вздрогнула.

– Женщинам такие вопросы не задают, – холодно заметила она.

– Пойми меня правильно, – поспешно сказала Катя. – Просто ты иногда кажешься мне... старше, чем выглядишь.

– А на сколько я выгляжу? – осведомилась Карина.

– Ну-у... Года на двадцать два – двадцать три, не больше. А ведешь себя так, как будто тебе за тридцать.

– Да ну? – Холодок в голосе Карины исчез. – Это, девочка, сказывается мой богатый жизненный опыт. Но вообще-то мне немного больше, чем двадцать два. Просто я за собой слежу.

С другого конца стола донесся шум: брутальный Гоша кого-то посылал по кочкам, а этот «кто-то» против такого путешествия возражал.

– Ну как ребенок, право! – озабоченно проговорила Карина. – Извини, Катенок, – пойду сглажу напряжение, пока зубы не посыпались.

Карина решительным шагом пошла разбираться. Катя решила прогуляться по залу и, сделав лишь несколько шагов, вдруг столкнулась с ошеломляюще красивым длинноволосым блондином в снежно-белом костюме. Перепутать его с кем-то было невозможно: это был ее «настоящий» шеф, Эдуард Селгарин.

– Ой, добрый вечер! – обрадовалась Катя знакомому лицу. Селгарин взглянул на нее надменно: мол, кто это тут... Но тут же узнал и заулыбался:

– Катенька! Вот не ожидал! В таком месте... в таком наряде?

– Меня подруга пригласила поучаствовать... в качестве модели... Она стилист, – объяснила Катя.

– Ну и как?

– Увы – приз нам не достался.

Селгарин окинул Катю оценивающим взглядом. Впрочем, в его синих глазах не было ни следа похоти.

– Сильно! – одобрил он. – У вашей подруги действительно есть стиль. Не уверен, что это именно ваш стиль – болезненный и провоцирующий образ невесты-жертвы... Хотя, признаю, он очень-очень привлекателен.

– Почему – болезненный? – удивилась Катя.

– Разве вы не видели себя в зеркале? Нет, ваша подруга – настоящий мастер. Будь мы на балу вампиров, вы непременно получили бы место юной королевы.

– Вы шутите?

– Ничуть, – тем не менее Селгарин улыбнулся. У него были ровные белые, но, пожалуй, слишком мелкие зубы – и это ему неожиданно шло. Когда он был серьезен, то лицо его было настолько безупречно красиво, что казалось лицом мертвой скульптуры, а не живого мужчины.

Катя подумала, что он вообще слишком красив. Мужчина не должен быть таким красивым... Если честно, это не Кате, а ему следовало стать фотомodelью. И харизма у Селгарина определенно была. Катя поймала себя на том, что чувствует к нему именно то «безотчетное доверие», о котором говорила Карина. И ей было очень приятно просто стоять рядом с ним. Приятно и интересно. И ей нравилось с ним разговаривать.

– На этом балу мы получили только пятое место, – сказала Катя.

– Не расстраивайтесь, – утешил ее Селгарин. – Это шоу-бизнес. Всё продается и покупается. Талант, искусство – это здесь не котируется. Здешняя публика ценит только денежную

массу, которая лежит под пьедесталом того или иного кумира. Пресыщенность, извращения, ядовитая зависть... И везде – деньги. Если вы и дальше собираетесь двигаться по стезе фотомодели, вам предстоит сталкиваться со всем этим постоянно... – Тут он взглянул на часы и слегка нахмурился. – Простите, Катенька, но мне через пятнадцать минут надо уезжать, а до этого времени решить кое-какие вопросы. Кстати, если хотите, могу подбросить вас домой. Вы ведь у нас числитесь офис-менеджером по невской мансарде? Вам, кстати, нравится эта работа?

– Да это не работа, если честно, – брякнула Катя. Врать Селгарину было совершенно невозможно. – Помесь сторожа с уборщицей.

– Скучаете, да?

– Нет, если честно. Я нашла себе еще одну работу. Переводы с английского. Вы не против? А то я Илье Всеволодовичу ничего не сказала...

– Я ему тоже ничего не скажу! – Селгарин заговорщицки улыбнулся. – Ну так что, подвезти вас?

– Ага! Спасибо большое! Только... – Катя поскущела. – Мне еще переодеться и грим смыть.

– Десять минут, – сказал Селгарин. – Управитесь?

– Конечно! Я быстро!

Катя, воспрянув духом, побежала в гримерку, откопала свою одежду из-под вороха чужого тряпья, включила горячую воду и решительно намылила лицо. Жирный грим отмылся с огромным трудом. Катя с испугом представила, что завтра будет с ее кожей. А, промыв глаза, увидела Карину.

Глаза Карины горели зловещим огнем.

– Куда ты собралась? – негромко спросила Карина. На то, что Катя опять смывает грим водопроводной водой, она не обратила ни малейшего внимания.

– Домой, куда же еще, – ответила Катя, вытирая лицо. – Я устала.

– Домой? – иронически переспросила Карина. – Ты уверена, что попадешь именно домой?

– А почему я не попаду домой? – удивилась Катя. – Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду того длинноволосого хлыща, с которым ты так мило ворковала. Предложил тебя подвезти домой? Или сразу в ночной клуб?

– Нет, только домой! – Катя рассмеялась. – Да не беспокойся ты – это мой босс! Представляешь, какая неожиданная встреча?

– Какой еще босс? – нахмурилась Карина. – Здесь у тебя только один босс – это я!

– Не здесь, на работе! – пояснила Катя. – Я работаю офис-менеджером у него в фирме. Вернее, не у него. Но он – ее хозяин. И он предложил меня подвезти. Но попросил побыстрее, потому что у него мало времени.

– Ты рехнулась! – воскликнула Карина, схватив Катю за руку. – Босс! Хозяин! Ты даже не представляешь, на что он способен!

– Разве ты с ним знакома? – удивленно спросила Катя.

– Это не важно. Главное, я очень хорошо знаю таких, как он, – мрачно сказала Карина. – Тупые животные, которые считают, что они боги, хозяева жизни, что им все позволено. Вот он предлагает тебя подвезти – и ты думаешь, что это любезность. А ему просто приглянулась юная невинная девочка. Если ты сядешь к нему в машину, он станет хозяином и твоей жизни.

– Ну от меня тоже кое-что зависит...

– Ничего от тебя не зависит! – перебила Карина. – Ты – жертва. Не согласишься – возьмут силой!

– Ага! – Катя лукаво улыбнулась. – Но разве не ты изобразила меня жертвой?

Карина пристально посмотрела на нее:

– Сама догадалась?

– Не-а! Это он сказал, мой босс! – с удовольствием сообщила Катя. – Как видишь, он не такое тупое животное, как ты думаешь. И вообще, зачем богатому, умному, привлекательному мужчине кого-то умыкать силой?

– Чтобы времени попусту не тратить, – сказала Карина. – Ты же слышала: времени у него мало.

– Ой! – обеспокоилась Катя. – Я же сказала: десять минут. Он же ждет!

– Подождет! – отрезала Карина. – Ты с ним не поедешь! Переночуешь у меня! А завтра поедешь от меня прямо на работу. Хотя я бы тебе посоветовала оттуда уволиться. Этот красавец тебе теперь жизни не даст!

Катя видела, что Карина волнуется и, кажется, по-настоящему за нее боится.

Было бы свинством, когда Карина так нервничает, бросить ее и уехать с Селгариным. Тем более это Карина ее сюда привела, заботится о ней, учит...

– Ладно, – согласилась она. – Я ночую у тебя. Но только я должна пойти и сказать ему, что не поеду.

– Вместе пойдем, – хмуро заявила Карина.

Селгарин ждал Катю неподалеку от дверей. Не заметить его было невозможно. Выглядел он божественно.

– Эдуард Георгиевич, – начала Катя, – спасибо за ваше предложение, но я...

– Она останется ночевать у меня, – перебила ее Карина, с вызовом глянув на шефа. Селгарин помрачнел. Его синие глаза были очень похожи на глаза Карины. Правда, у Карины они были больше (или это – грим?) и темнее. Внезапно Катя поняла, что этот цвет – не эффект тонирующих контактных линз, а естественный оттенок. Еще Катя заметила, что Селгарин, казавшийся ей высоким, на самом деле ростом не выше Карины.

– Это и есть твой стилист? – спросил он у Кати.

– Да.

– Поздравляю, – довольно холодно произнес он. – Ваш *наряд* производит впечатление.

– Мой *наряд* – или мое творчество? – процедила Карина.

– И то и другое, – Селгарин смотрел на Карину так пристально и так долго, что Кате это показалось неприличным.

– Мы случайно не были знакомы *раньше*? – спросил он через полминуты.

– Были! Но не будем! – отрезала Карина. – Пошли, Катерина!

– Спасибо вам за предложение... – Катя испугалась, что Селгарин обиделся. Но он на нее даже не посмотрел: не сводил глаз с Карины.

Катя почувствовала легкий укол зависти. Она подумала, что в своем скромном костюме Карина выглядит намного роскошнее, чем Катя – без грима и в обыденной одежде.

– Минуту! – Селгарин протянул руку к Карине, как будто намереваясь задержать ее. – Есть кое-что, что я хотел бы уточнить! Кое-что о... приоритетах! – Он очень холодно и очень пристально смотрел на Карину. – Мы ведь понимаем друг друга, да?

– А я чё-то не понял, чё ты хочешь от *моей* подруги, гей ботвастый? – раздался у Кати за спиной угрожающий голос.

Катя обернулась и увидела «якудзу» Гошу. В глазах Гоши читалось намерение ломать и сокрушать.

Селгарин, однако, ничуть не испугался: посмотрел на Гошу, как на таракана. Хотя «таракан» был намного крупнее Селгарина.

«Сейчас начнется драка», – подумала Катя. Ну уж нет! Ей это совсем ни к чему!

Она пискнула «Извините!», бросилась к выходу, сбегала по лестнице, мимо чопорных швейцаров, мимо охранника, сделавшего непроизвольное движение – поймать! – но вовремя остановившегося, – и оказалась на пустынной ночной улице. Незнакомой. Где метро, она понятия не имела. Но решительно двинулась вперед: куда-нибудь да выйдет.

Через пять минут ее догнал Гоша.

«Сейчас он мне что-нибудь сделает...» – ёкнуло сердце.

Но Гоша обижать ее не стал.

– Ты куда сбежала, дуручка? – пробасил он довольно добродушно. – Каринка вся извелась. Пошли!

– Куда? – спросила Катя. – К Карине?

– Нет, к гостинице. Такси тебе возьму.

– А Карина не обиделась? – робко спросила Катя. – Она хотела, чтобы я у нее заночевала...

– Ночевать у Карины буду я! – отрезал Гоша. – Тебе там делать нечего. И вообще, – сказал он уже мягче, – держалась бы ты от всего этого подальше. От Каринки, от всего...

– Почему?

– Сдохнуть раньше времени можно, вот почему!

Оставшийся до гостиницы путь они проделали молча. У входа Гоша выбрал из ожидавших их машин ту, что поскромнее, усадил Катю внутрь, назвал адрес, сунул водителю деньги и предупредил:

– Если что с ребенком будет не так, ну, типа, ты, мужик, меня понял!

– Понял, понял! – быстро согласился водитель.

– Крутой у тебя... дружок, – сказал он Кате, когда они отъехали. – Он кто?

– Пока не определился, – ответила Катя. – Не успел еще. Недавно из тюрьмы вышел.

Больше вопросов не последовало. А у дома водитель не просто высадил Катю из машины, а проводил до дверей.

– Так мне спокойней будет, – пояснил он. – А то как бы твой друг меня не определил... Если что.

Глава двадцать вторая

Карлссон и Катя отправляются в загул

Однажды король шотландских эльфов решил устроить турнир.

Первое состязание: кто выпьет больше эля.

Второе состязание: кто издаст самый страшный вопль.

В первом состязании победил проживавший по соседству тролль, из-за оплошности организаторов проникший на турнирное поле и признанный победителем, поскольку эля больше не осталось...

Во втором состязании победил братец победителя, узнавший, что опоздал на первое состязание.

– Карлссон! Как ты вовремя! А я как раз думала: куда ты пропал?

Этим радостным возгласом Катя встретила Карлссона. Когда он возник в окне, она как раз пила чай на кухне. Перед ней на столе лежал конверт с небрежной надписью «гоно-
рар Малышевой». Катя на него с удовольствием поглядывала.

– Дела всякие... – неопределенно ответил Карлссон.

– А у меня тут столько всего произошло!

– Угу... – Карлссон шарил в кухонном шкафу. Нашел пачку соленых сухариков «со вку-
сом ветчины», слопал.

– Я только что из издательства. Вот, деньги за баллады получила, – похвасталась Катя. –
Две с половиной тысячи! Первый самостоятельный заработок. Аванс за офис-менеджера не в
счет – я же тут фактически ничего не делаю...

– Угу, – Карлссон явно не разделял ее радость. Зато он нашел кусок вареной колбасы
недельной давности...

– Карлссон, не ешь, отравишься! – закричала Катя.

Колбаса остановилась на полпути к Карлссонову рту, была обнюхана и сочтена пригодной
в пищу.

– Яда нет, – прошамкал Карлссон, откусив кусок граммов в двести.

– При чем тут яд? Она старая! Давай я ее хотя бы поджарю!

Но колбаса уже исчезла в недрах Карлссонова организма.

– Ты такой голодный! – озвучила очевидный факт Катя.

– Три дня не ел, – Карлссон огляделся в поисках еще чего-нибудь съедобного.

– Давай я тебя покормлю! – предложила Катя. – У нас теперь деньги есть. Смотри,
сколько! – Катя помахала пачечкой сторублевки. – Карлссончик! Гуляем! – От избытка чувств
она привстала из-за стола и чмокнула Карлссона в щеку.

– Гуляем, это как? – флегматично спросил Карлссон.

– Ну-у...

Честно говоря, Катя и сама не знала, что подразумевала под этим словом.

– В кафе пойдем! Поедим вкусно!

– Поесть – это можно, – согласился Карлссон. – Пошли.

– погоди! Ты что, так и пойдешь? – удивилась Катя. – В этом?

– А что? – Карлссон оглядел свой порядком поношенный спортивный костюм. –
Мне в нем удобно.

– Ну ты как хочешь, а мне надо переодеться. Подожди меня здесь, ладно?

Катя встала из-за стола, поставила чашку в мойку и отправилась в комнату. На обратном
пути из издательства она заглянула в «Кислород» и теперь собиралась «проветрить» блескучий

синий топ с черным иероглифом на спине. Что означал иероглиф, Катя понятия не имела. Главное, что в этом топе она очень эффектно смотрелась.

А вот с лицом все было несколько сложнее. После показа мод прошло уже два дня, а кожа все не приходила в норму. В первый день Катя не очень переживала насчет нездоровой бледности и синяков под глазами – решила, что надо просто выспаться – и все пройдет само. Но теперь, взглянув на себя в зеркало, поняла, что надо принимать меры, – в таком виде в свет идти нельзя. Поэтому, закончив наряжаться, Катя тщательно накрасилась. В итоге лицо получилось несколько кукольным, но, по крайней мере, не изможденным и больным.

– ...Ну как, нравится? – спросила Катя, выходя из ванной.

По ее мнению, она выглядела совсем неплохо – если особенно не приглядываться.

– Годится, – равнодушно уронил Карлссон. – Пойдем?

И они отправились в загул.

Выбор кафе Катя предоставила Карлссону.

Взрослый солидный мужчина должен в этом разбираться лучше вчерашней школьницы из провинции.

И Карлссон выбрал. Равнодушно миновав с полдюжины заведений, он решительно направился к двери под загадочной вывеской «Шаманама».

«У нас весело! – сообщали корявые буквы на плакатике. – По выходным – кик-бокс! По понедельникам, вторникам и четвергам – чисто мужские забавы! По средам и пятницам бьют в бубен!»

Сегодня был вторник.

У входа теснились иномарки.

Катя попыталась удержать Карлссона, но разве его удержишь!

Вышибала на входе тоже попытался.

– У вас заказан столик? – осведомился он, с сомнением оглядывая невзрачный прикид посетителя.

– Столик? – Нос Карлссона был на уровне узла вышибалова галстука. Но смотрел он не на галстук, а внутрь заведения, где в дыму и шуме вкусно кушали любители «чисто мужских забав».

Карлссон потянул воздух расширившимися ноздрями. Его и без того маленькие глазки почти закрылись от удовольствия.

– У нас все занято! – решительно заявил вышибала, взял Карлссона за плечо и попытался вытолкнуть на улицу.

Тщетно. Единственное, чего он добился, – Карлссон поднял голову и посмотрел на него.

Что прочитал в этом взгляде вышибала, сказать трудно. Но он тут же отпустил плечо посетителя и посторонился.

Карлссон и Катя вошли внутрь.

– Может, уйдем? – нервно проговорила девушка. – Это же какие-то... тролли.

– Тролли? – Карлссон окинул взглядом посетителей. – Какие же это тролли, – добродушно пробасил он. – Это так, гоблины.

Сказано было довольно громко. Трое мужчин за ближайшим столиком дружно развернули массивные туловища и уставились на Карлссона.

Карлссон улыбнулся, вернее, продемонстрировал троице, какой у него большой рот и какие крупные зубы.

Катя его лица в этот момент не видела, а если бы видела, то поняла бы, почему троица так же дружно отвернулась и занялась содержимым своих тарелок.

А к ним уже торопился халдей.

Этот малый был ко всему привычен, и затрапезный костюмчик Карлссона его не смутил. Из иного лимузина может вылезти субъект в трусах и шлепанцах. А морда у посетителя – самая характерная. Такому убить – что высморкаться. И девчонка с ним – специфическая. Чистенькая простушка в «кислотном» прикиде. С изюминкой. Разбирается дядя. Такого должно принять по высшему разряду, хоть на солидные чаевые надежда слабая. А то позвонит хозяину – и прощай, хлебное местечко.

Халдей принес меню.

Катя заглянула внутрь.

Названия блюд выглядели, мягко говоря, экзотически.

«Радость зомби», «Кровавое рагу», «Сон людоеда»...

Цены тоже были «экзотическими». Пачечка сотенных в сумочке уже не казалась Кате такой толстенькой...

Карлссон в меню даже не взглянул.

Появился халдей.

– Что будем кушать? – осведомился он.

– Мясо, – лаконично ответил Карлссон.

– Осмелюсь предложить «Лангет из утопленницы», – проворковал халдей. – С гарнирчиком, разумеется.

– Из утопленницы? – Карлссон хмыкнул. – Небось пованивает?

– Шутить изволите? Нежнейшее мясо, свежайшее!

– Годится, – кивнул Карлссон.

– А вашей девушке – то же?

– Девушке утопленницу не надо. Ей чего-нибудь из свинины. Будешь свинину, Малышка?

– Буду, – пробормотала Катя. Она слегка ошалела от шума, дыма и всей обстановки.

– А что будем пить? – почтительно спросил официант.

– Что будешь пить ты, я не знаю, – сказал Карлссон, – а мне пива принеси. Такого, как вон те человечки пьют, – Карлссон показал на соседний столик, где раскрасневшиеся представители сильного пола приканчивали бочонок.

– Сколько-с?

– Один пока, – ответил Карлссон.

– Девушке тоже?

– Мне сок! – быстро сказала Катя. – Апельсиновый.

– Может, закуски? Салатик?

Катя помотала головой. Надо экономить. Нет, совсем не так она представляла их с Карлссоном гулянье. А если еще и денег не хватит – вообще кошмар!

На них поглядывали. В основном на нее. Особенно неприятным был взгляд бритоголового громилы за столиком позади Карлссона. Его приятели орали и звенели кружками, а этот упер в Катю мутный взор и облизывался. На его голове были вытатуированы череп и свастика.

«Хорошо, что здесь не танцуют», – подумала Катя.

Она отвернулась, но все равно ощущала на себе этот мутный взгляд.

Катя поглядела на Карлссона. Карлссон излучал спокойствие и оптимизм.

Появился официант. Приволок стакан с соком, кружку пива и маленькую тарелочку с сухариками.

– Это что? – с удивлением спросил Карлссон, глядя на пивную кружку, поставленную перед ним на картонный кружок.

– «Балтика», «семерка»! – доложил халдей. – Как вы и просили.

– Я просил – как у тех! – Жест в сторону соседнего стола.

– Так они «семерку» и пьют! – воскликнул халдей. – Я вам «семерку» и принес!

– То, что ты принес, – мышонку не напиться! – заявил Карлссон.

– Вы просили один, я и принес один!

– Нет, какой глупый человечек! – сказал Карлссон Кате. – Я ему сказал: как у тех – не понимает!

И одним махом осушил кружку.

Когда Катин папа пил водку, он делал это именно так: закидывал в рот содержимое стопочки и закусывал грибочком или огурчиком.

Карлссон обошелся без закуски. И «закинул» в рот не пятьдесят граммов, а поллитра. Раз – и нет.

– Как у тех, – сказал он халдею. – Точно такую же. Одну. Понял?

– Так бы и сказали, что вам – бочонок! – немного обиженно проговорил официант, забрал пустую кружку и ушел.

«Не хватит, – подумала Катя. – Теперь точно денег не хватит!»

Кружка пива, выпитая Карлссоном, стояла здесь девянсто рублей.

Бритоголовый за столиком справа теперь уже не только пялился, но делал разные неприличные жесты. Катя старалась не обращать на него внимания. Но бритоголового это не остановило. Он как раз начал подниматься, когда халдей приволок и грохнул на стол пятилитровый баллон.

– Вот, другое дело! – обрадовался Карлссон, ухватил бочонок, пробил жесть указательным пальцем и присосался.

Катя обалдела. Халдей тоже. А на бритоголового зрелище произвело такое замечательное впечатление, что он не только отказался от намерения познакомиться, но вообще напрочь утратил к Кате интерес.

– У-ух! – удовлетворенно выдохнул Карлссон, поставив бочонок на стол, благосклонно глянул на зачарованного халдея и спросил: – А где мясо?

– Сей момент! – опомнился официант и упорхнул.

– Тебе тут нравится? – осторожно спросила Катя.

– Неплохо. Пахнет приятно. Дымком.

– Это точно.

В зале висел смог от табачного дыма, к которому примешивался чад из кухни: вентиляция – ни к черту, как говаривал Катин папа.

Катя вдруг затосковала по дому, по родителям, по времени, когда все было просто и понятно, где ее никто не обижал и за все платил папа...

Официант принес горячее. Сначала ей – на тарелке, потом Карлссону – циклопическую порцию на деревянной доске.

Карлссон одобрительно хрюкнул, бесцеремонно ухватился за косточку, вонзил зубы...

– Телятина, – произнес он несколько разочарованно. – А говорил – утопленница! Соврал, человечек?

Официант подобострастно хихикнул. Мол, как остроумно дядя шутит.

– Иди погуляй, – разрешил ему Карлссон. И занялся «утопленницей» вплотную, не забывая прикладывать к бочонку.

Кате кусок в горло не лез. Она прикидывала, во сколько обойдется это пиршество...

Карлссон поманил халдея, тот подскочил с готовностью.

– Туалет – там, за шторкой, – сообщил он.

– Успеется, – Карлссон щелкнул по опустевшему бочонку. – Тащи-ка, человечек, еще один. А ты что не ешь, Малышка? Невкусно?

– Вкусно! – буркнула Катя.

«Эх, все равно пропадать! – подумала она с отчаянной решимостью. – Так хоть оттопырится!» – И с хрустом, не хуже Карлссона, вонзила зубы во вкуснящий свиной хрящик.

Халдей вернулся с бочонком, к которому успел приспособить краник.

– Мне тоже налейте! – потребовала Катя.

Она заметила, что на них снова поглядывают. Но на сей раз – главным образом не на нее, а на Карлссона. *Не вставая*, опорожнить бочонок пива и потребовать следующий – здешняя публика могла это оценить.

– Может, еще что-то желаете? – поинтересовался официант.

– Желаем! – заявила Катя. – Лангуста!

Давно хотела попробовать.

– Трех лангустов, – уточнил Карлссон. – Мне. И одного – ей!

– Сей момент!

Лангуст не произвел на Катю впечатления. Настоящие раки, хоть и маленькие, а все равно вкуснее.

Катя вспомнила, как папа ловил их рукавицей и бросал в ведро. А потом раков варили прямо в этом ведре, на костре. Очень вкусно было. Здесь тоже продавали раков, но здешние наверняка не такие вкусные. Катя выпила еще пива и пригорюнилась.

Карлссону принесли третий бочонок.

– За счет заведения! – сообщил халдей.

Но это уже не имело значения для Катиного кошелька.

А в баре тем временем начиналось что-то интересное. Нет, не очень. Соревнования по армрестлингу. Катю это не прикалывало. А вот Карлссон заинтересовался.

– Пошли, – сказал он. – Сейчас я покажу тебе, чем отличается тролль от гоблина.

Катя не поняла, при чем тут тролли и гоблины, но послушно встала.

Карлссон протиснулся к стойке. Его пропустили: за эти полтора часа он ухитрился стать довольно известной личностью, поскольку в туалет так и не сходил. Кто-то уже успел заключить пари: сколько еще продержится этот толстячок. Заключить и выиграть.

А в армрестлинговом чемпионате уже образовались свои фавориты. Каждый – на полторы головы выше Карлссона. И раза в полтора толще, хотя после пива и «утопленницы» Катин друг, как ей показалось, еще больше округлился.

– Что, братишка, решил согреться? – спросил его один из претендентов, с голым черепом и лохматой желтой бородой. – Давай, подсаживайся. Баран, поборись с новеньким. Только учти, браток, у нас вход – стоха бакинских.

Карлссон поглядел на Катю (ее тоже пропустили, только она совсем потерялась среди этих громил), он не понял, о чем речь.

«А-а... Пропадать – так с музыкой!» – подумала Катя, вытащила их кармана пачечку сотенных и положила на стойку.

– Ничего, что рублями? – застенчиво спросила она.

– Ай да лялька! – одобрил кто-то из громил.

В следующую секунду Катя взлетела в воздух и оказалась сидящей на стойке.

Не завизжала она только потому, что дыхание от испуга перехватило.

Усадивший ее верзила (бицепсы – вдвое толще Катиного бедра – и все в красивых цветных тату) вполне доброжелательно похлопал ее по коленке и сказал:

– Посиди тут, детка, а то не увидишь, как твоего друга уложат.

– Это еще посмотрим, кто кого уложит! – задиристо заявила Катя.

Верзила усмехнулся.

Желтобородый тем временем пересчитал Катины денежки, кивнул.

Карлссон уселся на высокий стул с одной стороны стойки, его соперник, лобастый детина в черной майке с флюоресцирующим черепом на бочкообразной груди, разместился с другой стороны. Он возвышался над невысоким Карлссоном, как мастиф над боксером. Но когда они соединили руки, то оказалось, что ладонь у Карлссона – пошире.

– Ну давай, колобок! – ухмыляясь, пробасил детина. – Покажи, что у тебя есть яй...
Бум!

Рука детины с громким стуком ударилась о деревянную стойку.

Детина побагровел. Вокруг захохотали.

– Нечестно! – заорал детина, перекрывая шум. – Я не успел! Еще раз, по новой!

– В кругу друзей не щелкай клювом! – захохотал подсадивший Катю верзила. – А он молодец, твой дружок!

Рыжебородый сгреб деньги и пододвинул их Карлссону.

– Что, братишка, согласен на реванш?

Карлссон с достоинством кивнул.

Детина по кличке Баран достал бумажник и бросил на стойку сто долларов.

На этот раз он ничего говорить не стал, глядел зло и внимательно. Руки борцов соединились и...

Бум!

Результат тот же.

– Это какая-то хитрость! – возмутился детина. – Так не бывает!

– Было, было! Все видели, как ты валялся! – насмешливо произнес желтобородый. – Гуляй, Баран! Какое твое уважаемое погоняло, братишка? – спросил он Карлссона.

– Погоняло? – не понял тот.

– Кличут тебя как?

– Карлссон. С двумя «с».

– Да хоть с тремя! – засмеялся желтобородый.

– Нет, – очень серьезно возразил Карлссон. – С тремя я пока не заслужил.

– Это – твои дела, братишка! Ты в теме, поборешься еще – или на выход?

– Поборюсь, – сказал Карлссон.

– Молодца, братишка! Деньги только приberi!

– Ей отдайте, – Карлссон кивнул на Катю.

Катя взяла переданные деньги и небрежно запихала в карман.

Она страшно гордилась Карлссоном. И собой тоже. Ведь это была ее идея – сходить в кафе.

И бандитские морды вокруг казались ей уже и не мордами, а очень даже мужественными лицами настоящих мужчин.

А Карлссон тем временем уложил еще одного соперника. И еще. Причем с такой же легкостью. Бум – и всё.

Катин карман уже оттопыривался от стодолларовых банкнот, когда поток желающих посостязаться иссяк.

– Никто не хочет? – громогласно поинтересовался желто-бородый. – Ну что ж, придется мне самому поддержать честь заведения!

Он обошел стойку, уселся напротив Карлссона, но денежку класть не стал.

– Угощение – за мой счет, – сказал он и поставил локоть на стойку.

Вот у него лапища оказалась не меньше Карлссоновой. И «бум!» с ним не получилось. Устоял.

Катя видела, как напряглись могучие мышцы, как вздулись жилы на толстой шее желтобородого, а бритый затылок его стал свекольного цвета.

Но он держался и даже, казалось, начал одолевать – рука Карлссона отклонилась назад... На пару секунд. А потом вернулась в вертикальное положение и пошла дальше...

Желтобородый не сдавался. Ручища его ходила ходуном, аж стойка дрожала, лицо блестело от пота, глаза налились кровью...

Не помогло.

Карлссон, правда, на сей раз с заметным усилием, но завалил руку соперника.

– А ты крепок, человек! – произнес он.

– Да и ты не слаб! – сказал желтобородый, растирая кисть. Проигрыш его огорчил, но желтобородый старался держать лицо. – Ты, Карлссон, первый, кто завалил меня на этом дереве! – Он похлопал по стойке. – Ты чемпион, братишка! Чемпион! – взревел желтобородый, вскакивая.

Все дружно завопили.

Карлссону вручили приз: желтый шлем с рогами. Катю аккуратно сняли со стойки и на скрещенных руках отнесли к столику под завистливыми взглядами присутствующих дам.

Карлссон снял шлем, щелкнул пренебрежительно, сказал: «Жестянка, детишкам баловаться. Пойду отолую...»

И удалился за занавеску, провожаемый восхищенными взглядами.

Катя подумала, что надо позвать официанта и попросить счет. Теперь-то денег хватит, если, конечно, здесь принимают доллары...

Но вместо официанта к ней подсел желтобородый.

– Твой друг, он кто? – спросил желтобородый. – В смысле – под кем ходит?

– Он сам по себе! – Катя слегка обиделась за Карлссона. – Он... Бизнесмен из Стокгольма. Здесь у него дела.

– Из Стокгольма? – оживился желтобородый. – Швед! Супер! Я сам, можно сказать, швед. То есть, конечно, русский, это дед у меня – швед. Короче, скажи своему другу, что тут в «Шаманаме» ему всегда рады будут. А если какие проблемы, ну, наедет кто или типа того, так пусть на меня сошлется, я – Коля Голый. Ну, отдыхайте.

Встал и пошел. Здоровенный, как автобус. Чем-то он напомнил Кате Карлссона. Может, пластикой? Толстый и неуклюжий с виду, он двигался легко, словно танцор.

– Счет, – сказала Катя подлетевшему официанту.

– Никакого счета! – Халдей улыбнулся так широко, что казалось – еще чуть-чуть, и физиономия его треснет пополам. – Хозяин угощает!

Третий бочонок Карлссон не допил. Забрал с собой.

– Дома выпью, – сказал он.

Впрочем, до дома он его так и не донес – выпил по дороге.

– Слушай, а пригласи меня в гости! – предложила Катя.

Глава двадцать третья

В гостях у Карлссона

Однажды один тролль говорит другому: что-то устал я за человечками бегать. Давай, может, свиней заведем? Будет у нас свиньика!

– Не-е, – говорит другой тролль. – Грязи слишком много... Первый тролль оглядел пещерку, подумал немного и сказал:

– Да, много. Но ничего. Они привыкнут.

– Сюда! – Карлссон подтолкнул ее в подворотню. – Под ноги смотри!

Ну это Катя и сама уже сообразила. По запаху.

– Теперь сюда! – Карлссон увлек ее в подъезд, такой же грязный и вонючий, затем – вверх по лестнице, на площадку цокольного этажа, к полукруглому окошку с выбитыми в незапамятные времена стеклами. – Теперь сюда!

– Куда? – удивилась Катя, выглядывая в окошко и убеждаясь, что по ту сторону – глухой двор-колодец. Даже не колодец – узкая щель между домами.

– Прыгай! – велел Карлссон.

– Ты что, с ума сошел? – До земли было метра два с половиной. И ни намека на лестницу.

– Пусти! – Карлссон отпихнул Катю и прыгнул сам.

– Прыгай, не бойся! – позвал он снизу.

Катя замотала головой.

– Ты хочешь ко мне в гости или нет?

– А по-другому к тебе попасть нельзя? – крикнула Катя. – По-нормальному?

– Нельзя! Прыгай, Малышка, – я тебя поймаю, не бойся!

Кате было страшно. Но очень хотелось увидеть, где живет ее таинственный друг. Очень-очень хотелось...

Она вспомнила, как Карлссон поборол всех завсегдатаев «Шаманамы». Он такой сильный! Конечно, он ее поймает.

Тогда Катя зажмурилась и прыгнула. Как прыгала ребенком – на руки отцу.

Карлссон подхватил ее в воздухе – ловко и аккуратно – и поставил на землю.

Катя открыла глаза. Над ее головой – руками не дотянуться – разбитое окошко. Вокруг – облупившиеся стены без окон, кривая водопроводная труба, торчащие из штукатурки костыли, какие-то кабели...

Катя вертела головой в поисках двери... Какая там дверь! Здесь даже окон нормальных не было! Под ногами – какой-то доисторический мусор...

– Ну и куда дальше? – спросила она.

– Туда! – Карлссон показал на противоположную стену.

Катя подумала, что там все же есть дверь, которую она не разглядела, – в колодце-щели было темновато. Но, подойдя, она убедилась, что никакой двери нет.

Нехорошие мысли зароились у нее в голове.

– Карлссон, – спросила она дрогнувшим голосом. – Ты зачем меня сюда привел?

– Ты же хотела ко мне в гости, разве нет?

– Неужели ты живешь *здесь*? – проговорила Катя.

Нет, даже для такого эксцентричного субъекта, как Карлссон, – *это слишком!*

– Почему здесь? – удивился Карлссон. – Я живу там! – Он ткнул пальцем вверх. – Пошли! Давай-ка я тебе помогу!

Катя даже пискнуть не успела, как могучая рука обхватила ее и...

В следующую секунду Катя почувствовала, что отрывается от земли и летит вверх.

Нет, не летит, конечно, а просто поднимается со скоростью неторопливо идущего лифта. А в роли лифта – ее друг Карлссон, с большой ловкостью перебиравший ногами и свободной рукой, который, отталкиваясь и цепляясь, без видимых усилий поднимался прямо по стене с быстротой хорошего скалолаза. Только вряд ли нашелся бы скалолаз, способный взбираться наверх с такой скоростью, используя только одну руку, да еще с Катей под мышкой.

Катя только один раз глянула вниз – и сразу зажмурилась. И больше не открывала глаз, пока подъем не прекратился и Карлссон не поставил ее на ноги.

Это была узкая площадка примерно на уровне шестого этажа. В незапамятные времена сюда вела железная лестница. Ее ржавые останки свисали вниз метра на два. Дальше от лестницы остались только костыли, да и то не все. Зато на площадке имелась самая настоящая дверь, которую Карлссон и распахнул перед Катей.

– Заходи, – пригласил он.

И Катя вошла, стараясь не думать о том, как будет выбираться из Карлссонова гнездышка.

Когда-то здесь была обычная квартира. Когда-то – это, наверное, лет тридцать назад. С тех пор осталась какая-то мебель, наверное, очень древняя. Рассмотреть ее подробнее было трудно, потому что освещения в Карлссоновой берлоге не имелось. Зато была вода, холодная и горячая, и санузел с древней чугунной ванной и еще более древним унитазом. Но эти «подробности» Катя узнала позже, сейчас зайти внутрь она не рискнула.

Дверь вела на кухню, и, если оставить ее открытой, на кухне можно было кое-что разглядеть. В комнатах было темнее. Окна заросли таким слоем грязи, словно их не мыли со времен Отечественной войны 1812 года. В коридоре и прочих помещениях царил абсолютный мрак.

– Слушай, а свет зажечь нельзя? – попросила Катя.

– Свет? – Карлссон поскреб пятерней мускулистый затылок. – А зачем?

– Затем, что темно!

– Темно?

– Да, темно! – сердито сказала Катя. Ей показалось, что Карлссон ее дразнит. – Я ничего не вижу!

– Прости, Малышка, – извинился Карлссон. – Я как-то не подумал, что тебе нужен яркий свет.

– А тебе он, что, не нужен? – желчно спросила Катя, в очередной раз пожалевшая, что решила отправиться в гости.

– Мне – нет, – сказал Карлссон. – Мне света хватает.

Оказалось, что Карлссон видит в темноте, как кошка.

«Интересно, какие еще сюрпризы он мне преподнесет?» – подумала Катя.

– Завтра я сделаю свет для тебя, – пообещал Карлссон.

– Тогда в следующий раз я побуду у тебя подольше! – заявила Катя. – А сейчас я пойду домой!

«Сейчас он скажет: никуда ты не пойдешь!» – подумала она с замиранием сердца. – Останешься здесь навсегда!»

– Не пойдешь, – сказал Карлссон. – Ты свалишься и что-нибудь себе испортишь.

Катя проигнорировала его замечание. Она вышла на площадку, посмотрела вниз... И вцепилась в ржавые перила, потому что колени у нее предательски ослабели. Нет, сама она никогда в жизни не сможет...

– Тебе совсем ни к чему спускаться, – мягко произнес Карлссон, встав у Кати за спиной. – Ты ведь собираешься к себе домой, да?

– Да, – хриплым голосом проговорила Катя.

– Тогда тебе – наверх! – сказал Карлссон.

Миг – она снова оказалось у него под мышкой, и пол ушел из-под ног. Но на этот раз путь занял совсем немного времени. «Взлет» на крышу, короткая цирковая пробежка по жестяному «ребру», душераздирающий прыжок с трехметровой высоты... И Катя оказалась на своей «родной» балюстраде.

– Ну ты акробат, Карлссон! – со смесью восхищения и облегчения проговорила она. – У тебя случайно моторчика нет – по воздуху летать?

– Моторчика? – Карлссон явно не читал историю о своем тезке и шутки не оценил.

– Ты так ловко лазаешь!

– Ерунда! – отмел похвалу Карлссон. – Я же... – Тут он осекся и сменил тему. – Ты, наверное, устала? Ты отдыхай. А я завтра приду, если ты не против?

– Нет, конечно! Нам же с тобой – переводить!

«И вообще, я всегда рада тебя видеть!» – хотела добавить она, но не успела.

Карлссон развернулся, стремительно вскарабкался вверх по стене и исчез за краем крыши.

Что ж, по крайней мере, она теперь знает, где он живет.

Катя присела на подоконник. Сердце ее стучало раза в полтора чаще, чем обычно. «Неудивительно, – подумала она. – После такой эквилибристики». Она не рискнула себе признаться, что дело не только в «эквилибристике». Карлссон... Нет, он слишком необычный, чтобы... Чтобы... Ничего.

Переодеваясь, Катя обнаружила, что ее карманы набиты выигранными Карлссоном долларами. Она подавила желание их сосчитать (нечего считать чужие деньги!), завернула их в носочек и спрятала за батарею. Завтра она вернет их Карлссону.

Этой ночью Кате снился бар «Шаманама». Она сидела там, но не с Карлссоном, а с другим мужчиной: аристократически красивым, с короткими, совсем белыми волосами, бледной кожей и бледно-голубыми глазами. Мужчина в упор, не мигая, разглядывал Катю, а ей... Ей почему-то было очень страшно.

Глава двадцать четвертая

Зловещие сокровища Карлссона

Приходит один тролль в гости к другому, а у того в пещере все блестит, жена, теща носятся, как заведенные, мясо тащат, пиво подносят, да так всё уважительно, с поклонами.

– Как тебе повезло с домашними, – с завистью говорит гость.

– При чем тут везение? – говорит хозяин. – Что я тебе – гном-кладокопатель? Просто порядок у меня такой.

– Слушай, поделись опытом! – взмолился гость. – А то меня жена с тещей совсем задрали.

– Ладно, – говорит хозяин. – Тогда слушай. Сижу я как-то, эльфяшину наворачиваю, а тут котик подкрался[4]1, раз кусочек стянул – я ему: предупреждение; а он еще кусочек – я ему опять предупреждение; он третий кусочек – я ему третье предупреждение. Так он, зараза, на четвертый нацелился! Ну я его тогда за хвост – и в пропасть. А пропасть тут – полмили, не меньше. Ну ты видел...

– Видел, – говорит гость. – Только я не понял: при чем тут жена и теща?

– При том, – говорит хозяин. – У жены два предупреждения, у тещи – три...

Утром Карлссон так и не появился. И днем тоже. Катя занималась разными делами: прибирала, переводила, болтала по телефону с Кариной... А вечером купила карточку и наконец решила позвонить домой. Вообще-то это свинство с ее стороны – не звонить так долго. Они же там ждут, волнуются...

Трубку взяла мама.

– Ты, Катерина, совсем... Мы с отцом тут как... Трудно было позвонить?

– Трудно, – призналась Катя. – Я, мам, провалилась.

Мама молчала почти минуту, что для нее, как для других – полчаса. Переваривала новость. Переварила.

– На чем срезалась? – деловито спросила она.

– На партизанах.

– Не поняла!

– Историю провалила. Тут у них, оказывается, совсем другая программа.

– Этого надо было ожидать, – процедила мама. – Говорила я твоему отцу...

– Мама, не надо! – перебила ее Катя. – Всё нормально. Я записалась на подготовительные курсы...

– Езжай домой! – не дала ей договорить мама. – Прямо сейчас иди на вокзал, бери билет! Времени почти не осталось, но я попробую.

– Что попробуешь?

– Устроить тебя в наш педагогический.

– Мама, ты меня не слушаешь! – обиделась Катя.

– Я тебя уже выслушала. Приезжай домой и...

– Никуда я не поеду! – закричала Катя.

– То есть как? – Мама даже не рассердилась – удивилась.

– А так! Я же тебе русским языком сказала: я записалась на подготовительные курсы.

– Заочные...

– Никакие не заочные! Нормальные! На следующий год я точно поступлю. Без всяких денег, понятно?

– Не кричи! Ты хоть понимаешь, что говоришь?

– Мама, я прекрасно все понимаю!

– Нет, ты не понимаешь! А где ты будешь жить? Мы с папой не в состоянии...

– И не надо! – воскликнула Катя. – Я все могу сама!

– И что же ты, интересно, можешь *сама*? – язвительно осведомилась мама. – На панель?

Катя испытала сильное искушение бросить трубку, но удержалась, потому что ей очень захотелось продемонстрировать маме, что она – действительно самостоятельный человек.

– У меня уже есть работа! – заявила она. – Офис-менеджер в риелторской фирме. И получаю я, между прочим, двести пятьдесят долларов в месяц!

По псковским масштабам это была очень хорошая зарплата. Даже больше маминой.

– И за что же тебе будут платить такие деньги? – осведомилась мама.

– За работу. И не будут, а уже платят. И это еще не всё. Я еще делаю переводы для одного издательства... И тоже платят неплохо.

– Ты не врешь?

– Мама!

– Ну извини... Вот видишь! Не зря я тебя на курсы гоняла! Всё равно отцу это не понравится... – добавила она.

Катя возликовала. Выходит, мама уже не возражает, чтобы Катя жила в Петербурге. Так просто, оказывается...

– С жильем мы тебе поможем, – сказала мама. – Цены в Питере, конечно, поднебесные, но, думаю, комнату мы с отцом осилим...

– Мама, с жильем у меня тоже все в порядке! – объявила Катя. – Мне фирма предоставила помещение. Правда, это мансарда, и потолок в одной комнате подтекает, зато, представляешь, прямо на Невском!

– Замечательно, – сказала мама. – А телефон у тебя там есть?

– Есть, – Катя продиктовала номер.

Они поговорили еще минут пять, пока не кончилась карточка.

Ну вот, камень с души. Катя очень любила родителей и знала, что они ее тоже любят. Но жить она будет теперь сама. И очень хорошо, что ни маме, ни папе по работе раньше октября из Пскова не уехать. Но, повесив трубку, Катя внезапно почувствовала себя одинокой.

«В гости кого-нибудь позвать, что ли? – подумала она. – Может, Димке позвонить? Нет, не надо – мы с ним сегодня уже виделись...» Катя набрала номер Лейки, но трубку никто не взял.

«Жалко, что у Карлссона нет телефона, – подумала Катя. – Тем более он приглашал к себе, как только освещение проведет...»

Катя вспомнила про логово Карлссона, про вчерашний загул и сама не заметила, как развеселилась.

«Все-таки плохо без телефона, – опять подумала она. – А ведь он где-то рядом живет. Может, просто покричать?»

Катя отправилась в кухню, вылезла на балкон.

Снаружи уже стемнело: белые ночи остались в прошлом.

– Карлссон, ау! – звонко закричала Катя: – Приходи в гости!

Никто не отзывался. Кате стало стыдно.

«Увидел бы кто – точно решил, что я сумасшедшая», – смущенно подумала она и быстро полезла обратно в окно.

– Ты меня звала? – раздался ворчливый голос где-то сверху. Катя подняла голову и увидела на кромке крыши темный силуэт.

– Ага, все-таки услышал!

– Ага, – Карлссон прыгнул на балкон. – Я вообще-то спал.

– Ой, извини. Просто я подумала – такой вечер, дома сидеть неохота. Хочется чего-то такого... погулять, в гости сходить...

– В гости? Пошли, – понял намек Карлссон. – У меня теперь светло. Я нашел лампу.

– Отлично! – обрадовалась Катя. – А как мы к тебе попадем?

– Как в прошлый раз, – сказал Карлссон, подхватил взвизгнувшую Катю, одним прыжком взлетел на крышу...

На полу в прихожей у Карлссона стояла старинная бронзовая лампа. От нее резко и неприятно пахло – как будто жгли в бензине старые тряпки. В матовой стеклянной колбе пульсировал желтоватый свет, очерчивая вокруг лампы круг диаметром около метра. Дальше пространство все так же терялось во тьме.

– Это что, и есть твое освещение? – с сомнением спросила Катя, рассматривая антиквариат.

– Я ее тут в чулане нашел, – сообщил Карлссон. – В ней даже керосин остался. – Когда кончится, надо будет еще достать. Ты не знаешь, где это можно сделать?

– Понятия не имею, – проворчала Катя. – Лучше я куплю нормальный фонарик.

Карлссон поднял с пола лампу. Стало чуть светлее. Уже можно было различить черные пятна плесени на обоях.

– Ты что, действительно здесь живешь? – Катя невольно содрогнулась.

– Не здесь, – сказал Карлссон. – Пошли, покажу где.

Высоко держа лампу, он направился дальше по коридору.

Катя, глядя, в основном, под ноги, пошла за ним. Коридор был чудовищно длинный и еще более чудовищно захламленный. Двери, большей частью закрытые, какие-то закутки, из которых несло гнилью и затхлостью... Жилище Карлссона было огромно и невероятно запущенно. А занимало, наверное, целый этаж. Пока они шли, у Кати возникло такое чувство, что они странствуют по каким-то подземельям. Или по канализации. Если бы Катя точно не знала, что квартира располагается на уровне ее мансарды, решила бы, что ее завели в подвал. «А я-то думала, что моя мансарда – заброшенный чердак! – размышляла она. – И дохлатины какой-то здесь воняет...»

– Чем тут пахнет? – спросила она. – Как будто крыса сдохла.

– Не крысы, мыши, – пояснил Карлссон. – Их тут полно. Но не дохлые, дохлых я в окно выбрасываю, живые. Грызут все подряд.

– А кота ты завести не пробовал?

– Кота? – Похоже, эта мысль Карлссону в голову не приходила. – Я с кошками как-то... не очень. Но идея хорошая.

Слева из темноты показалась приоткрытая дверь, из-за которой брезжил свет.

– Не туда, – остановил Катю хозяин. – Нам дальше.

– А там что?

– Не знаю. Ни разу туда не заглядывал.

Свет лампы вдруг пропал – это Карлссон свернул за угол и вошел в следующую дверь. Катя последовала за ним и оказалась в большой, не меньше сорока квадратных метров, комнате.

– Ну вот, – Карлссон остановился и обвел рукой комнату. – Я живу здесь. Вернее, там, – уточнил он, указав в дальний угол.

Если бы Катя зашла сюда сама, она могла бы поклясться, что в этой комнате никто не живет. Она была не просто заброшенной, она имела такой вид, будто в нее никто не заходил лет тридцать, если не все пятьдесят. Должно быть, когда-то здесь была гостиная. Карнизы вме-

сте с гардинами были сорваны и стояли, прислоненные к стенам. Стекла в окнах тоже отсутствовали. Их заменяла фанера. А в одном окне даже рамы не было – проем закрывал деревянный щит.

Карлссон, поднатужившись, снял его. В комнату проник свежий воздух. И лунный свет.

Катя осматривалась, дивясь. Возле стен угадывались очертания мебели в чехлах – высокие шкафы, кресла, стол на изогнутых ножках. Осьминогом нависала люстра, завернутая в тюль. Приглядевшись, Катя поняла, что на мебели не чехлы, а густой слой многолетней пыли.

– Это и есть твой дом? – почему-то шепотом спросила Катя.

– Нет, я тут просто живу.

– Давно?

Карлссон немного подумал и сказал:

– Нет, не очень.

– Но почему тут все так... заброшено?

– Меня устраивает. Я неприхотлив.

– Да уж... – пробормотала Катя, глядя, как оборванная гардина шевелится под сквозняком, словно одеяние призрака.

– А почему в окне нет рамы? – спросила она.

– Я ее вынул, – ответил Карлссон.

– Зачем?

– Чтобы на звезды смотреть, – в голосе Карлссона появились незнакомые, мягкие нотки. – Вон, видишь – Лосиха? – Карлссон ткнул пальцем куда-то в небо. – Когда небо безоблачное, я смотрю на Лосиху, дом вспоминаю...

– Какая лосиха? – не поняла Катя.

– Созвездие. Лосиха. Еще его Серп называют! Неужели не знаешь? – в свою очередь удивился Карлссон. – Вон он, прямо над той крышей...

– Ковш, что ли? Созвездие Медведицы?

– Какая еще медведица? Мировую Ось⁴ найти можешь? Проведи от нее мысленно линию на две пяди вниз и налево...

– Какую ось?

Карлссон покосился на Катю и промолчал. Катя отвернулась от окна, случайно перевела взгляд на потолок и вздрогнула – громоздкая люстра о двенадцати рожках, оказывается, была закутана вовсе не в тюль, а в многослойную паутину.

– Неужели тебе не противно жить в такой грязи? – морщась, спросила Катя.

Карлссон пожал плечами.

Непостижимо, подумала Катя. Такая грязная нора, особенно после Швеции, где чуть ли не самый высокий уровень жизни в мире...

– Я тут живу временно, – сказал он уже обычным голосом. – Мне надо выполнить одно... дело. Потом я уеду. На родину. И больше сюда не вернусь.

«А не шпион ли он?» – промелькнула у Кати совсем уж бредовая мысль.

Еще ей вдруг вспомнилось, как лет десять назад ее отца послали в долгую командировку в Питер и он месяца два прожил на съемной квартире, которую предоставлял командированным завод. Катя приезжала к нему в гости, и папино временное жилье ей сразу ужасно не понравилось. Конечно, там не было такой помойки, квартира была чистая, прилично обставленная... но какая-то нежилая. И папа тоже говорил: «Вот кровать, вот плита, а больше я тут ничего не трогаю...»

«Это, наверно, тоже казенная квартира», – решила Катя.

⁴ Полярная звезда.

– А где ты спишь? – спросила Катя, подходя к дивану. В полутьме диван выглядел вытесанным из камня. Катя украдкой прикоснулась к сиденью – твердая ткань захрустела и провалилась внутрь, подняв фонтанчик пыли.

– На полу. Я предпочитаю спать на твердом.

Это Катя понимала. Ее бабушка тоже доску на кровать кладет. У бабушки – радикулит.

Наверное, Карлссон еще старше, чем она думала. Очень может быть – по его лицу трудно определить возраст.

Спальное место Карлссона располагалось на полу, в темном углу у внешней стенки. Пыли там не было. И вообще больше ничего не было, даже одеяла. Зато запах тухлятины чувствовался гораздо сильнее. Катя подошла поближе, обнаружила под окном ворох птичьих перьев и разных мелких костей. Катю слегка замутило, но из вежливости она сделала вид, что ничего не замечает. Карлссон, однако, слегка встревожился.

– Если тебе что-то не нравится, я уберу, – с готовностью предложил он.

– Здесь вообще прибраться не помешало бы, – сказала Катя, поспешно отходя от окна. – Хочешь, я наведу тут порядок?

Катя представила, как тут прибирается... Кошмар! Но... сколько здесь может быть всего интересного!

Карлссон пожал плечами:

– Если хочешь. Мне все равно. Это неплохое жилище. И о нем никто не знает. Кроме нас.

– Как это?

– В этой норе никто не живет лет пятьдесят, если не больше. Похоже, о ней просто забыли. Я ее случайно нашел.

«Значит, не казенная», – подумала Катя.

– Ну да, удобно, – сказала Катя, – коммунальные платежи платить не надо.

– Здесь отличное укрытие, – сказал Карлссон. – За все те годы, которые я тут прожил, ни один человек меня не беспокоил.

Катя отметила слово «укрытие» и опять подумала о киллере.

Некоторое время они оба молчали. Катя заметила, что Карлссон как вошел, так и стоит посреди комнаты.

«Наверно, он не знает, как принимать гостей и что с ними делать, – решила Катя. – Если я – его первый гость за несколько лет...»

Катинo внимание привлек старинный буфет. Она подошла к нему, потерла пальцем пыльную стеклянную створку. Внутри что-то тускло блеснуло.

– Можно открыть? – спросила она Карлссона.

– Открывай, – равнодушно сказал он.

Катя с усилием раскрыла дверцы из толстого, отливающего радугой стекла. Внутри стояла посуда. Много. Катя достала из буфета чашку со сплошным синим цветочным узором. Чашка была невесомая; ее стенки, тоньше листа бумаги, сквозили на просвет. Катя перевернула чашку, поднесла поближе к лампе. На донышке имелась надпись золотом: «Императорский фарфоровый завод».

– Чаем угостить не могу, извини, – подал голос Карлссон. – Плита не работает – дымоход заложен.

«Да тут, наверно, вся квартира набита антиквариатом», – подумала Катя, осторожно возвращая чашку в буфет. Если продать – озолотишься. И никто о ней не знает. Что за удивительное место... Нет, оно не выглядело неживым. Но и живым оно тоже не было. Что-то в квартире Карлссона было неправильно, неестественно. Как будто жизнь в ней когда-то внезапно остановилась. Что-то случилось здесь много лет назад, и квартира эта выпала из мира...

– Тут привидений случайно нет? – спросила Катя.

– Я не встречал, – спокойно ответил Карлссон. – По крайней мере в мою комнату они не заходят.

В комнате снова воцарилось молчание.

– А где твои вещи? – сообразила вдруг Катя.

– Какие вещи?

– Ну... имущество. Нажитое непосильным трудом, – съязвила Катя – ей показалось, что Карлссон над ней насмехается. – Ты же не хочешь сказать, что этот тренировочный костюм – все, что у тебя есть?

– Нет, – после долгой паузы прозвучал ответ хозяина. – Только оно не здесь, а на кухне. Там ларь. В нем – сохраннее. Мыши не доберутся.

«Хоть что-то оказалось у Карлссона как у людей».

– Хочешь посмотреть? – догадался Карлссон. – Пошли покажу.

Они снова, петляя, шли по пахнущему мышами коридору, освещенному только мигающим светом керосиновой лампы. Коридор привел их на кухню – узкое, непроглядно-темное помещение. Карлссон поставил лампу на стол. Из тьмы смутно выступали какие-то шкафы; над Катиной головой зловеще нависал огромный колпак вытяжки, под потолком змеились трубы. Через узкое окно-бойницу свет вряд ли проникал даже солнечным днем.

– Как тут душно, – тихо сказала Катя, озираясь. – Как в склепе.

– Зато никто не залезет, – возразил Карлссон. – Показывать добро?

– Конечно!

Карлссон остановился перед огромным, обитым бронзой сундуком, поставил на полку лампу, поковырялся в замке и, откинув тяжелую крышку, застыл в глубокой задумчивости.

Катя подошла поближе.

Внутри что-то сверкнуло кроваво-красным. Катя вздрогнула, но приглядевшись, узнала предмет. Это был длинный меч в ножнах. Кроваво-красное – это камни на его рукояти.

Карлссон очнулся, подхватил меч и одним движением, плавным и быстрым, вытянул его из ножен. На клинке тут же заиграли оранжевые блики.

Катя уставилась на Карлссона с мечом в руках.

«Горец! – забила в голове нелепая мысль. – Пришелец из прошлого!» Здравый смысл намекнул, что в сочетании с киллером и шпионом это уже чересчур. Катя нервно хихикнула.

Карлссон положил меч на стол. Меч выглядел очень старым и почему-то смутно знакомым. Катя подумала, что, наверно, видела похожий в каком-нибудь музее. Крестообразная рукоять меча была украшена грубым цветочным орнаментом со вкраплениями плоских красных камней, а лезвие – всё иззубренное и, на Катин взгляд, довольно тупое.

– Можно? – спросила Катя.

Карлссон кивнул, и она взяла меч, оказавшийся ужасно тяжелым.

– Он настоящий?

– Какой же еще?

– Древнерусский?

– Его последний хозяин был свеем... Шведом.

– Ах да!

Раз Карлссон из Швеции, то и меч, естественно, оттуда же.

– Он у меня давно, – сказал Карлссон, принимая у Кати меч и нежно поглаживая изъеденную временем сталь. – Я всегда беру его с собой. Посмотришь, вспомнишь – и радость в сердце.

– А ты им умеешь... это... пользоваться?

– Немного. Но это мне не нужно.

«Естественно, – подумала Катя. – Сейчас мечами не убивают. Нет, все-таки он киллер...»

– А откуда он у тебя?

– Достался от одного достойного человека. Настоящего воина. Такие рождаются раз в столетие.

– Он подарил тебе меч? – с уважением спросила Катя.

– Скорее, оставил. На память.

– Он был твоим другом?

– Да как тебе сказать... Скорее, нет.

Карлссон ловко вложил меч в ножны и убрал в сундук. И опять впал в столбняк.

– А что у тебя там еще есть? – Катя сгорала от любопытства.

– Давненько я сюда не заглядывал... – бормотал Карлссон. – Так вот зарастешь мхом, прошлое забудешь... и уже непонятно, кто ты и зачем живешь...

Катя заглянула ему через плечо. Сверху, сбоку от меча лежал круглый темный предмет. И больше всего он напоминал...

– Ай! – взвизгнула Катя над ухом у Карлссона. – Что это?! Карлссон мгновенно развернулся к ней:

– Что?

– Там у тебя... Голова! – прошептала Катя.

У Кати родилась дикая, но вполне логичная мысль: а не голова ли это того самого старого знакомого, от которого остался на память меч?

Карлссон неодобрительно взглянул на Катю, но ее лицо выражало такой откровенный страх, что он буркнул:

– Ладно, посмотри.

Взял «голову» и протянул Кате. Та сначала рефлекторно отшатнулась, но потом сообразила, что «голова» – не настоящая. Она взяла «ужасный» предмет в руки.

«Голова» оказалась неожиданно тяжелой.

– Она что, деревянная? – все еще не отойдя от стресса, проговорила Катя.

– Ну не каменная же, – проворчал Карлссон.

Катя перевела дух, поставила голову на стол, поближе к лампе, и стала рассматривать. Это была не совсем голова – скорее череп. Грубо вырезанный человеческий череп в натуральную величину, с двумя дырками вместо глаз, едва заметной впадиной вместо носа и широкой усмешкой от уха до уха. Повертев «голову», Катя обнаружила, что рот у нее открывается на шарнирах. Во рту у «головы» лежал черный камушек.

– Да... оригинальная штука, – сказала она, поймав пристальный взгляд Карлссона.

– Я сам ее резал, – сказал он. – А глаза у нее светились. – Кате показалось, что говорит он скорее сам себе, чем ей. – Я туда гнилушки клал. Нильсу очень нравилось. Бывало, вернешься домой, а он сразу канючит – папа, покажи кукольный театр...

– Нильс – это твой сын?

Карлссон не ответил. Катя повторила вопрос.

– Мой первенец, – глухим голосом сказал он.

– А где он сейчас? В Швеции?

На этот раз Катя не дождалась ответа. Карлссон, бережно взяв деревянный череп, вернул его в сундук, после чего молча отвернулся.

«Чего это с ним?» – удивилась Катя.

При всех своих странностях невежливым с ней он никогда не был. «Наверно, скучает по сыну», – решила она. Катя снова заглянула в сундук и увидела еще одну игрушку. Кораблик размером с детскую ладонь.

– Ой, лодочка! – Катя протянула руку.

Карлссон мгновенно перехватил ее руку. И захлопнул крышку сундука.

– Ничего не трогай, понятно! Никогда ничего не трогай из моих вещей!

Так резко он еще никогда с ней не разговаривал.

Катя даже испугалась.

– Никогда, – повторил Карлссон уже мягче. – А сейчас тебе пора домой.

– Ты меня выгоняешь? – обиделась Катя.

– Нет, к тебе идет твоя подруга. Лейла. И с ней еще кто-то.

– Так поздно? Откуда ты знаешь? – удивилась Катя.

– Ее духи, – сказал Карлссон. – Я помню запах. Пойдем! – Он подтолкнул Катю к выходу.

Через минуту они уже стояли у окна ее кухни.

– Ты придешь ко мне завтра? – спросила Катя.

– Приду.

– А в гости к себе... пригласишь? – голос ее дрогнул.

– Конечно. Ты же обещала навести у меня порядок.

Кате показалось: он улыбается. Но разглядеть в темноте его лица она не могла.

И тут она услышала звонок в дверь.

– Иди, – сказал Карлссон. – Лейла пришла.

– А вдруг это не она? Вдруг это... кто-то другой?

На самом деле она подумала о Сереже. Или... о Диме.

Карлссон покачал головой и шагнул в ночь. Катя услышала негромкий шорох, потом скрип жести. Это он взбирался наверх.

Катя вздохнула, перелезла через подоконник и пошла открывать дверь.

* * *

Карлссон вернулся к себе и тяжело опустился на пол. Он устал. Не телом. Тело его не уставало почти никогда. Он устал от одиночества и ожидания. Кто бы мог подумать, что такой, как он, может устать от ожидания? Раньше, когда было кому ждать *его*, Карлссон никогда не уставал. Но это было давно... И как будто вчера.

Карлссон издал тонкий свистящий звук, похожий на скулеж собаки. Ему было плохо. Малышка, славная маленькая человечка, разбредила его рану.

Карлссон поднялся, прошел на кухню и отпер сундук. Первым делом посмотрел на подсказчик... Ничего, конечно, ничего. А чего он ждал? И сколько еще ждать...

Карлссон взял «голову», которая напугала Малышку. Для кукольного театра нужна была еще одна голова, и Карлссон сложил пальцы свободной руки так, чтобы тень от нее, падавшая на стену, напоминала человеческую голову.

– А сейчас, Нильс, я расскажу тебе историю о человечке, который не верил в троллей, – произнес Карлссон. Если бы Малышка сейчас слышала его, то без труда узнала бы язык поэмы о Кеннете Маклауде. – Их звали Дункан (кивок деревянной головы) и Уильям (кивок головы тени).

«Привет, Вилли!» – кивок деревянной головы.

«Привет, Дункан!» – кивок головы тени.

«Скажи, Вилли, ты идешь гулять в горы?»

«В горы, Дункан!»

«А ты не боишься троллей, Вилли?»

«Нет, Дункан, никаких троллей нет! Ну я пошел!»

«Иди, Вилли, удачи тебе!»

Голова-тень удалилась, а деревянная голова засмеялась, широко открывая рот.

«Это ничего, что ты не веришь в троллей, Вилли! Главное – чтобы тролли верили в тебя. И ты не обманешь их ожиданий, Вилли! Ведь ты такой то-олстенький!»

В этом месте Карлссон обычно смеялся – и Нильс смеялся вместе с ним. Но сейчас Карлссон засмеялся один.

– Я найду его, сынок, – прошептал он на языке, который Катя уже не узнала бы. – Я обязательно его найду...

Глава двадцать пятая, в которой Катя не узнала «снежную королеву», зато узнала, что кое-кто считает ее «роковой женщиной»

– Знаете, почему среди троллей так много философов?

– А вы их женщин видели?

Эльфийский анекдот

Это действительно оказалась Лейка. И от нее действительно пахло духами. Она с решительным видом тащила за собой какую-то встрепанную девушку. Девушка всхлипывала и подвывала, закрыв лицо руками.

– Ты что так долго копалась? – сурово спросила Лейка, скидывая босоножки. – Спала, что ли? Ну у тебя и подъезд! Слушай, у тебя выпить ничего нет?

– Это кто? – изумленно спросила Катя, указывая на плачущую девушку.

– Да Наташка это, ты что, не узнала? Пару часов назад на мобильник мне позвонила. Рыдает, ничего толком сказать не может... Вот, полюбуйся, – Лейка отняла руки Наташи от лица.

Катя застыла от ужаса. «Снежная королева» Наташа выглядела постаревшей на десять лет. Кожа пожелтела, сморщилась, губы потрескались, опухшие от слез глаза казались маленькими и тусклыми. Но самое страшное – все ее лицо было покрыто какой-то коричневой сыпью.

– Ой, мама! – охнула Катя. – Что с тобой случилось?

Наташа посмотрела на нее душераздирающим взглядом и прошептала:

– Не помню...

– Как – не помнишь?

Наташа потрогала лицо и снова зарыдала.

– Вот так, – мрачно сказала Лейка. – Начинаешь расспрашивать – дрожит и плачет. Привет из мира духов.

– Каких духов? – не поняла Катя.

– Каких-каких – Детей Ши!

Теперь Катя вспомнила. Ну да, Наташку же выбрал дух озера, а потом она позвонила и сказала, что через несколько дней вернется домой. Кажется, все это было так давно...

Лейка, усадив подругу на стул возле компьютера, ушла на кухню искать спиртное, и теперь там чем-то хлопала и брякала. Катя глядела на всхлипывающую Наташку и пыталась осмыслить ситуацию.

– Слушай, а зачем ты ее сюда-то привела? – вполголоса спросила она, выйдя на кухню.

– А куда ей деваться в таком состоянии? – огрызнулась Лейка. – Домой, к маме? Да если она покажется такой пятнистой... Ты ее матери не знаешь... Пусть Наташка пока у тебя побудет, хоть до завтра. Может, вспомнит, где была и что с ней сделали... Ты ведь не против?

Катя с сомнением покосилась в сторону комнаты.

– Нет... А что с ней? Аллергия, экзема?

– Чума! – съязвила Лейка. – Думаешь, я ее не спрашивала? До того момента, как ее этот дух забрал, она все помнит, а дальше как отрезало!

Со стула донесся истерический всхлип.

– Кать, у тебя вроде водка была?

– Была, в холодильнике. – Катя взглянула еще раз на Наташу. – Слушай, а то, что у нее на лице, случайно не заразно?

– Вот уж не знаю.

– Так ее к врачу надо!

– Не надо! – простонала Наташа, вцепляясь себе в волосы. В обеих руках у нее остались русые пряди. Наташа взглянула на выпавшие волосы и взвыла от ужаса.

– Ой, – испугалась Лейка. – Может, она облучилась?

Катя тяжело вздохнула. Вот не было печали...

– Ладно, – сказала она. – Пусть переночует тут. Куда ее сейчас вести, она же вся трясется...

– Это просто стресс, – сказала Лейка. – Сейчас мы его снимем. Наташка, ну-ка выпей... – Она сунула подруге пластиковый стаканчик с водкой и вилку с нанизанной на нее сосиской.

Наташа покорно выпила.

– Я ей горячую ванну сделаю, – предложила Катя. – С Карининой лечебной солью...

Примерно через час вымытую и немного успокоившуюся Наташу уложили спать на Катиной постели, а Катя с Лейкой пошли на кухню пить чай с бутербродами.

– Ты извини, что я ее сюда привела, – говорила Лейка. – Просто к тебе ближе было. Смотрю: идет по улице... Я ее не узнала, пока она меня не окликнула. Представляешь, я как поняла, что это наша Наташка, меня чуть кондрашка нехватила. И ничего не помнит! По-моему, ее от этого больше всего и плющит. Эти чертовы Дети Ши...

– Ты уверена, что это из-за них?

– А из-за кого же еще? Напоили какой-нибудь дрянью. Хорошо, что я их вовремя раскусила, – заявила Лейка, забыв, что всего несколько дней назад активно сманивала к ним Катю. – Правильно Димка говорил – сектанты!

– Надо подождать, пока к Наташке вернется память, – рассудительно сказала Катя. – Может, Дети Ши тут и ни при чем.

Несколько минут девушки молча пили чай.

– Ты сама-то где спать будешь? – вспомнила Лейка.

– На полу, – ответила Катя.

– Хочешь, останусь за компанию?

– Не надо, и так тесно. Лучше приходи завтра пораньше за Наташей. А то ко мне часов в одиннадцать Димка зайти собирался.

Лейка сразу оживилась:

– А этому-то что здесь надо? Тоже подкатывается к тебе, да?

Катя покраснела:

– Он собирался тут что-то поставить на компьютер. К Интернету подключить, что ли.

– Это всё предлоги, – хмыкнула Лейка. – Ишь как наши юноши дружно на тебя запали! Димка, Сережка, Стасик... Кстати, как же Стасик? С ним что делать будешь?

Катя пожала плечами:

– Ничего. После суши-бара он мне и не звонил.

– Ни разу? – Лейка засмеялась. – Это же надо так парня напугать!

– Что, я слишком страшненькая для него? – обиделась Катя. – Зачем тогда было на свидание приглашать? Из милосердия?

– При чем тут милосердие? Ты его просто потрясла. Он до сих пор, как зайдет о тебе речь, сразу мрачнеет. Димка тут рассказывал, что Стас его предупреждал держаться от тебя подальше.

– Что?! – возмутилась Катя.

– Говорил, из самых дружеских побуждений. Ты, дескать, слишком дорого обходишься. И вообще: фотомодель, бизнесвумен, с олигархами дружишь, на «порше» катаешься – короче, роковая женщина!

Лейка снова захохотала.

– Ну и черт с ним, – буркнула Катя. – Жадюга. Девушку ему дорого в суши-бар сводить, надо же... А Дима что ему ответил?

– Посмеялся. Ты что, обиделась? Не бери в голову. Стастик – это Стасик. Сережка уже видел его с новой девицей. Миленькая, но ничего особенного. У Стаса это быстро. Кстати – что за олигарх на «порше»?

– Да так... подвез один, с работы, – неохотно ответила Катя. – Никакой он не олигарх. Просто хороший человек.

С того показа мод она еще ни разу не встречала Селгарина. И, вопреки прогнозам Карины, на работе ее никто не преследовал. Катя подумала, что Карина ошибалась на его счет. Она, наверно, как Катин папа, считает, что все богатеи – аморальные негодяи с криминальным прошлым. Теперь-то Катя знала, что это не так. И Селгарин – живой пример.

Глава двадцать шестая, в которой Катю чуть не съедают заживо

*Сидят в пещерке два тролля, пьют крепкий зимний эль из лоханок.
Тут в пещерку взбирается альпинист. Учужал спиртное,
обрадовался.*

– Чё, мужики, квасите? Можно я третьим буду?

– Можно, – отвечают тролли. – Только не третьим, а четвертым.

Троих мы уже скушали.

Отоспавшись, Наташка почувствовала себя гораздо лучше, чем вчера вечером. Даже сыпь на лице побледнела. Но провал в памяти остался. Любая попытка вспомнить, что произошло за последние три дня, только вызывала у нее приступ иррационального страха. Около одиннадцати пришла Лейка, обрадовалась прогрессу в Наташином состоянии. Подруги ушли, едва разминувшись с Димой.

Дима принес всякие электронные штуковины и полдюжины дисков с программами. Штуковины он запихнул в Катин компьютер, сопровождая свои действия комментариями: мол, вся эта электроника – вроде конструктора: собирай как хочешь и работай.

Но «собранный» вариант почему-то работать отказался, так что Дима провозился с компьютером до обеда, бухтя по поводу допотопной «мамы», каких-то отсутствующих слотов, о том, что кто-то кого-то «не видит», а под конец заявил, что без «перепрошивки биоса» вообще ничего не получится.

И тут компьютер, вероятно напуганный грозными терминами, неожиданно всё «увидел» и заработал.

Очень довольный, Дима извлек из рюкзака еще дюжину дисков и объявил, что сейчас он наведет у нее на диске порядок. Для начала переставит операционку, а потом...

Катя поинтересовалась, сколько времени займет электронная «уборка», и получила неопределенный ответ, что, мол, до ночи Дима должен управиться.

Ответ Катю категорически не устроил. У нее на вечер были кое-какие замыслы, причем такие, делиться которыми она с Димой не собиралась. Так что Дима был выставлен за дверь. Разумеется, со всеми положенными выражениями благодарности, нежным прощальным поцелуем и обещанием «завтра непременно...».

После того как Дима ушел, Катя отправилась по магазинам. Купила две лестницы, раскладную и веревочную, рюкзак, большой фонарь и «пенки», которые в походе подкладывают под спальный мешок. По дороге домой остановилась у ларька и приобрела пять бутылок пива и кучу чипсов. Вернувшись домой, собрала рюкзак, дождалась, когда начало темнеть, и без предупреждения направилась в гости к Карлссону.

На крышу она взобралась по раскладной лестнице, на площадку к Карлссону спустилась по веревочной, привязав ее к торчащему из-под водостока крюку. Правда, спустилась не до конца. Метрах в полутора ее поймали и поставили на площадку. Сюрприза не получилось – Карлссон ее услышал.

– Ты не должна приходить сюда одна, – проворчал он.

– Почему же?

– Ну-у... Еще свалишься по дороге.

– Не беспокойся! – заявила Катя. – Ну что, так и будем тут стоять – или в дом пригласишь?

– Заходи, – Карлссон неохотно посторонился.

Прежде чем зайти, Катя залезла в рюкзачок и достала и зажгла большой фонарь. Фонарь был очень удобный: с регулируемой яркостью.

Молча они проследовали в «спальню». Карлссон, похоже, дулся. Ну и пусть! Катя расстелила на полу «пенки» и вывалила из рюкзачка пиво и чипсы. Хозяин несколько оживился. Тут же скovyрнул пальцем пробку, осушил бутылку буквально в три глотка и потянулся за следующей.

– А мне? – возмутилась Катя.

Карлссон открыл бутылку и ей.

Некоторое время они пили пиво и хрустели чипсами. Карлссон явно сдерживался, но все равно поглощал пиво и закуску раз в пять быстрее Кати.

– Буду сейчас у тебя прибираться! – заявила девушка. – Хватит тебе жить в свинарнике! Взрослый человек... – Тут она поймала себя на том, что копирует мамин монолог, обращенный к ней самой, – и замолчала.

Карлссон с большим сожалением поставил на пол пустую бутылку, последнюю, сгреб лапищей оставшиеся чипсы и запихнул в рот.

– А хочешь, я тебе кое-что покажу? – невнятно проговорил он.

– Что? – оживилась Катя.

– Пошли!

Они отправились на кухню. Карлссон отпер свой заветный сундук, порылся внутри и достал здоровенную старинную книгу. Настоящий гримуар в черном кожаном переплете, с металлическими краями и маленьким замочком. На обложке были вытиснены какие-то каббалистические знаки. А может, и не каббалистические – Катя в этом не очень-то разбиралась.

– Это что – магическая книга? – спросила она почему-то шепотом.

– Почему магическая? – удивился и почему-то немного обиделся Карлссон. – Что я тебе – эльф какой-нибудь? Это *моя* книга! Я в ней события своей жизни записываю.

– Можно посмотреть? – благоговейно попросила Катя.

– Смотри, – Карлссон положил гримуар на стол. Подумал немного, взял гвоздик и отпер замочек.

Катя откинула тяжеленную обложку... И была ужасно разочарована. Внутри оказалась пожелтевшая от времени бумага, испещренная мелкими, совершенно не знакомыми Кате знаками. Ни к латыни, ни к кириллице эти похожие на жучков буковки не имели никакого отношения. Она перевернула несколько страниц – то же самое. И никаких картинок. Исписана книга была примерно на две трети.

– Это какой язык? – спросила она, поднимая голову.

Карлссон не ответил.

Ноздри его расширились – он принюхивался. Это выглядело довольно забавно.

Катя хихикнула.

– Молчи! – свистящим шепотом приказал Карлссон.

И вдруг, ничего не объясняя, схватил ее в охапку, выволок в коридор и запихнул в стеной шкаф.

– Ни звука! – прошипел он. – Даже не дыши! – И захлопнул дверцу.

Катя слышала его удаляющиеся шаги. В шкафу, как ни странно, пыли было меньше, чем снаружи. Еще стояла какая-то обувь, а сбоку лежало что-то мягкое. Катя уселась на это мягкое, недоумевая. Если она и испугалась, то совсем немножко.

Прошла минута, две. В кухне вроде бы ничего не происходило. Слышно было только дыхание Карлссона. Катя чуть приоткрыла дверцу шкафа и выглянула наружу.

Там все было по-прежнему. Принесенный ею фонарь горел еле-еле: Карлссон убавил яркость. Он неподвижно стоял у ларя спиной к коридору и смотрел в сторону окна.

Вдруг кухонное окно со скрипом открылось. В оконном проеме промелькнула черная тень. В кухню кто-то проник.

Нет, хорошо, что она сидела. Если бы она стояла, ноги у нее точно подкосились бы. Катя раньше не понимала, что значит «взмокнуть от страха». Теперь – поняла.

Это был *не человек*. Несоразмерно длинная фигура – метра два, не меньше, длиннющие руки, такие же длинные ноги. Одет пришелец был во что-то меховое. У него была узкая морда с тяжелыми, выдвинутыми вперед челюстями, здоровенным носом и, самое страшное – глазища-плошки, горящие тусклым зеленым огнем. Чудовище бесшумно соскочило с подоконника и выпрямилось, нависнув над Карлссоном. Голова монстра, казалось, достигала потолка.

Карлссон стоял все так же неподвижно. «Окаменел от ужаса», – подумала Катя.

«Беги!» – хотела крикнуть она, но внутренний голос подсказал ей – поздно.

«Сейчас мы умрем, – подумала она отрешенно. – Сначала Карлссон, потом я».

Чудовище глухо зарычало. Катя инстинктивно сжалась в комок, желая стать маленькой и незаметной. Но вдруг в рычании ей почудилось что-то знакомое. Где-то она слышала нечто похожее... совсем недавно.

Карлссон произнес что-то. Тон у него был раздраженный. Оказывается, он вовсе не окаменел от ужаса. Он вообще не испугался. Карлссон был недоволен.

Кате вспомнилась вечеринка, развязная Лейка, решившая опробовать на «шведском бизнесмене» свои языковые познания...

«Они же разговаривают! – догадалась Катя. – По-шведски!»

«Hej! Hur star det till?» – вот что прорычал монстр.

Точно, они *разговаривали*, Карлссон и чудовище. Кате казалось, она понимает отдельные слова. Речь монстра, впрочем, была по-прежнему похожа на рычание. Вот он указал на фонарь и что-то спросил.

Карлссон ответил довольно резко. Затем еще резче произнес что-то с вопросительной интонацией. Чудовище залезло в карман где-то в районе собственного живота и вытащило некий сверток. Карлссон его развернул. Произнес что-то, очень недовольно. В рычащем голосе чудовища появились виноватые интонации. Карлссон небрежно положил сверток на стол и что-то кратко приказал. Монстр, рыкнув напоследок, развернулся и шагнул к окну. «Уходит!» – с огромным облегчением поняла Катя.

Где-то за стенкой шкафа кто-то шумно заскребся. Наверное, мышь. Катя, к счастью, мышей не боялась, но если чудовище услышит и заинтересуется...

И точно. Монстр замер на полушаге. Катя увидела, как двигается его уродливый нос. Голова чудовища повернулась в Катину сторону... К шкафу.

«Он меня не увидит, – повторяла она, как заклинание. – Не увидит, не увидит... Тут слишком темно...»

И тут взгляд монстра встретился с испуганным взглядом Кати.

В следующий миг зеленые глаза монстра ярко вспыхнули – и он прыгнул.

Катя рефлекторно отшатнулась, втиснулась в самый уголок шкафа – и зажмурилась.

...Но ее никто не схватил. Катя открыла глаза и увидела, что Карлссон стоит у дверей шкафа и загораживает ее собой (как он успел?), а чудовище нависло над ним и уже не рычит – ревет страшно, по-звериному.

Нетрудно было догадаться, что оно требует, чтобы Карлссон убрался с дороги.

Карлссон не убрался. Его голос был так же негромок и спокоен.

Катя сунула в рот пальцы – чтобы не стучали зубы.

Чудовище быстро-быстро замахало руками и заревело еще громче.

Кате показалось, что сейчас оно сметет Карлссона, вытащит ее из шкафа... Если Карлссон успеет добежать до кухни и достать меч...

Карлссон остался на месте. И ответил так же негромко. И вдобавок руки на груди скрестил. А потом сказал только три слова. Очень четко.

И чудовище перестало рычать. Оно как-то съежилось, повернулось, проковыляло через кухню – и Катя потеряла его из виду.

Через некоторое время Карлссон распахнул дверцу.

– Вылезай, Малышка, – сказал он. – Не бойся – он ушел.

– Кто это был? – дрожащим голосом проговорила Катя.

– Кто? – Карлссон усмехнулся. – Это был тролль.

* * *

– Я тебя не звал, тролль, – холодно произнес Карлссон. – Зачем ты явился?

– А я без зова! – Хищник неуклюже переступил с ноги на ногу. – Много мнишь о себе, Охотник! Забыл, как звучит рог. И я забыл. Ты нашел, Охотник? Мне наскучило ждать!

– Мне тоже, – сказал Карлссон.

– Я видел твои следы вокруг, – завистливо прорычал Хищник. – Ты больше не таишься, Охотник, бродишь, где пожелаешь, и днем и ночью, а я должен прятаться от глупых человечков! И голодать, потому что Охотник запретил мне их кушать!

– Сейчас не те времена!

– Не те времена! – прорычал Хищник. – Я уже двести лет слышу – «не те времена»! Мне надоело жрать крыс и собак! Мне нужно настоящее мясо! Я голоден!!!

– Я тоже не жирую, тролль, – жестко бросил Карлссон, почти не разжимая губ. Хищник все равно услышит.

– О, я вижу! Великий Охотник ест голубей, как вонючий хорек! – Когтистая лапа небрежно пихнула высохшие косточки.

– Ты надоел мне, тролль! – произнес Карлссон. – Ты явился ко мне без зова и без повода...

– У меня есть повод! – заявил Хищник. – Вот! То, что ты просил! Она была юной и светловолосой. Радуйся!

Хищник достал из набедренного кармана нечто в полиэтиленовом пакете и бросил Карлссону. Тот поймал, развернул...

– Не много, – сказал он.

– Все, что успел отгрызть! – сварливо заявил хищник. – Там было полно человечков с убийными машинами. Меня могли заметить! А ты сам сказал...

– Ладно, – перебил его Карлссон. – Может, этого хватит! А теперь – убирайся!

Хищник двинулся к окну, но вдруг остановился.

– А зачем тебе свет, Охотник? – с подозрением спросил он.

– Я читаю, – Карлссон кивнул на книгу.

– И тебе нужен для этого свет? Ты стал слепнуть, Охотник?

– Не твое дело! – отрезал Карлссон.

– А может, и мое! Думаешь, я утратил нюх, Охотник? У тебя здесь человечек! – Хищник сделал стремительный бросок, но Карлссон успел раньше – он был готов.

– Человечек! – Хищник навис над Карлссоном, ощерился. – Нежный, молоденький человечек, почти такой же сладкий, как молоденький сид! – Хищник запрокинул голову, в открытой пасти блеснули влажные клыки. – Мы съедим его вместе, да, Охотник? – Смердное дыхание вытекало из пасти Хищника и наполняло воздух, забивая все остальные запахи. Теперь Карлссон почти не чувствовал Малышки.

– Нет.

– Да! – взревел Хищник, вскидывая лапы. Когти длиной в палец едва не полоснули Карлссона по лицу. Еще полдьюма – и Карлссон остался бы без глаза. – Вместе, Охотник! Я голоден!!!

– Нет! – Карлссон слышал, как дрожит Малышка, и вновь чуял ее запах, острый запах страха.

Лапы Хищника мелькали, брызги слюны летели из его пасти.

– Р-разделим! – прорычал Хищник. – Отдай долю псу, Охотник!

– Нет! – отрезал Карлссон. – Твоя добыча – сид!

– Сид! Здесь нет сида! Здесь только человек! Нежный, сладкий, живой! Пища!!!

– Не пища! – Карлссон скрестил руки на груди, игнорируя рев Хищника. – Это – манка, – неохотно (хотя и знал, что Малышка его не поймет) произнес он. – Для сида! А теперь – убирайся! – Карлссон говорил негромко, но он был по-настоящему разгневан – и Хищник это почувствовал. И гнев Охотника пробрал его до костей. Хищник съежился, скукожился, как испуганный паук, просочился мимо Карлссона к выходу, выскользнул из убежища и растворился в темноте. Спустя некоторое время исчез и его запах.

Карлссон вернулся на кухню, вынул из сундука приглянувшуюся Малышке «лодочку» и поднес к ней принесенный Хищником предмет...

Ничего не произошло.

Карлссон поводит предметом около «лодочки»... Нет, ничего. Бессмысленно. Карлссон разочарованно бросил предмет на стол, захлопнул сундук и пошел выпускать Малышку.

* * *

– Тролль? – недоверчиво повторила Катя. – Ты серьезно? Карлссон утвердительно кивнул.

– Ничего себе...

Кате ужасно захотелось подойти к окну, чтобы посмотреть, куда скрылось чудовище. Но она не осмелилась – вдруг оно пряталось где-то поблизости?

– Этот монстр не очень-то похож на тролля, – сказала она.

– Ты что, раньше встречалась с троллями? – осведомился Карлссон.

– Нет, конечно. Но я совсем не так их представляла. Я думала, тролли – это такие неуклюжие, неопрятные, каменные увальни, с большими руками и ногами, грубыми чертами лица... С большими зубами...

По правде сказать, образ тролля у нее сложился по мульту «Шрек».

– Считаешь, у этого – зубы маловаты?

– Да я... – Катя вспомнила, *какие* зубы у этого тролля, – и у нее по спине побежали мурашки.

– Чего ему от меня было надо? Убить?

– Съесть. Он любит человечину, но последнее время она не часто ему достается, – Кате показалось, Карлссон произнес это с сочувствием.

– О боже, – прошептала она. – Если бы не ты, он бы меня убил.

– Это точно.

– Но ты ему запретил – и он тебя послушался?

– Именно так.

– А почему он тебя слушается? – не отставала Катя. – Ты его хозяин? Или просто приручил?

На этот раз Карлссон долго не отвечал.

– Скорее, второе, – сказал он неохотно.

«Как называется человек, который повелевает волшебными чудовищами? – осенило Катю. – Колдун!»

Катя существование колдунов допускала, и даже была лично знакома с одной ведьмой-любительницей, маминой чудаковатой подругой, которая преподавала музыку в школе и занималась спиритизмом. Музыкантша заклинала духов, разговаривала с ними и могла им приказывать. А если кто-то умеет приказывать духам, то почему бы Карлссону не повелевать троллем?

«Надо с ним поосторожнее, – подумала Катя, новыми глазами глядя на Карлссона. – Поуважительнее. А то еще влезу во что-нибудь запретное... И он мне вообще ничего не расскажет...»

Катя замолчала, думая, о чем бы спросить его еще. В голове теснилось множество вопросов. Если Карлссон – колдун, может, он и ее чему-нибудь этакому научит?

Пока она размышляла, Карлссон, решив, что расспросы закончены, снова открыл сундук и принялся в нем копать. Катя, стоя у стола, продолжала размышлять о колдунах, троллях и прочей мистике. Происшедшее понемногу укладывалось в ее голове. Она не задавалась вопросом: было ли это на самом деле, не привиделось ли? Катя доверяла своим органам чувств. Видела – значит было. Значит – существует. И с этим фактом придется смириться. Тем более ей повезло: рядом оказался Карлссон, и ее не съели, как... Как, наверное, многих. Катины коленки перестали дрожать, и она решила, что все происшедшее – ужасно, ужасно интересно!

«Этот тролль-Хищник что-то принес! – вспомнила вдруг она. – Отдал Карлссону сверток. Что он принес?»

– Что он тебе принес? – повторила Катя вслух.

– Тебе это будет неинтересно, – буркнул Карлссон, продолжая свои раскопки. – И, скорее всего, очень не понравится.

– А я так не думаю, – пробормотала Катя, разглядывая сверток.

Что-то продолговатое лежало в непрозрачном полиэтиленовом пакете. Оглянувшись на Карлссона (тот все еще рылся в сундуке), Катя быстренько сцапала пакет, вытряхнула его содержимое на стол... и, взвизгнув, отшатнулась. Из пакета выпала отрезанная человеческая рука!

– Я же говорил, что тебе не понравится, – укоризненно сказал Карлссон.

Впрочем, он не сделал попытки спрятать ужасный предмет обратно в пакет, и Катя восприняла это как разрешение продолжать исследование.

Перебарывая отвращение, она подошла к столу, чтобы поподробнее рассмотреть страшную штуковину. Может, она – ненастоящая? Муляж?

Какой там муляж! Самая настоящая рука. И пахло от нее отвратительно, просто тошнотворно: тлением и еще чем-то химическим.

Но Катя справилась с тошнотой и продолжила исследование. Судя по всему, это была рука женщины. Или ребенка. Нет, скорее женщины, поскольку ногти длинные и на них – остатки облупившегося красного лака. Отрезана она была повыше кисти. Даже не отрезана, а откромсана. Или отгрызена. Очень может быть, что отгрызена.

Катя вспомнила, какие клыки были у тролля. Побольше, чем у овчарки. Такими клыками не то что руку – ногу отгрызть можно.

– Это... Хищник... он ее съел, да? – заикаясь, спросила она.

– Не думаю. Он предпочитает свежее мясо, – Карлссон выпрямился, держа в руках нечто, напоминающее игрушечный кораблик.

– А тебе рука зачем? – не удержалась Катя.

– Для работы, – ответил Карлссон, не вдаваясь в подробности.

«Для ворожбы, зелье варить. Знаем-знаем, читали. Ну точно, он колдун», – подумала Катя.

Ей все еще было страшно, но это был другой страх – будоражащий... и возбуждающий... С другой стороны, возиться с такими омерзительными предметами, как эта рука, ей совсем не хотелось.

«Нет, пожалуй, я не буду у него ничему учиться, – решила Катя. – Я только посмотрю, как он это делает...»

Карлссон между тем поставил «кораблик» на стол рядом с рукой.

– Попробуем еще раз... – пробормотал он. – Без спешки...

Катя села на табурет, облокотилась на край стола, пытаясь в блеклом свете лампы разглядеть, что там затевает «колдун».

«Кораблик» при ближайшем рассмотрении оказался именно корабликом. Игрушечной лодочкой, вырезанной довольно искусно и украшенной вдоль бортов руническими знаками. У кораблика была мачта с поперечиной, а вместо паруса – прядь светлых-светлых волос. Катя протянула руку к игрушке, собираясь рассмотреть ее поближе. Волосы на мачте зашевелились и приподнялись, словно наэлектризованные.

«Статический заряд», – мысленно определила Катя почерпнутое из школьной физики.

Еще она подумала, что лодочка эта ей почему-то не нравится. Была она какая-то неприятная... Как лежащая рядом отгрызенная рука.

– Не трогай!!!

Окрик Карлссона застал ее врасплох. Катиной нервной системе и так досталось сегодня. Она дернулась и опрокинула лодочку на бок.

– Сказал ведь: ничего не трогай! – сердито проговорил Карлссон, возвращая лодочку в прежнее положение. – Если...

И вдруг замолчал, заворуженно уставившись на вставшую дыбом прядь-парус...

* * *

– Значит, все-таки сид... – пробормотал Карлссон по-шведски, глядя на подсказчик.

Волосной парус раздувался, как будто под порывом ветра. «Ветер» несомненно дул в направлении руки. – Да, определенно, зацепил...

* * *

Катя наблюдала за его манипуляциями, обиженно выпятив губку.

– Думаешь, я совсем криворукая? Я игрушек и в детстве не ломала, – едко сказала она.

– Это не игрушка, – рассеянно произнес Карлссон, созерцая лодочку. – Это подсказчик. Инструмент такой...

– А что она подсказывает?

– Так, кое-что. Видишь?

Он продемонстрировал Кате шевелящиеся волосы.

– Да это просто статическое электричество!

– Какое еще электричество?

– Ты что, физики совсем не знаешь? А еще мужчина! – несколько высокомерно заявила Катя. – Во мне накопился статический заряд. Вот он и притягивает ко мне волосы, когда ты их ко мне подносишь!

– При чем тут ты? – досадливо пробормотал Карлссон. – Вот носитель! – Он ухватил оторванную руку и поднес к лодочке. – Ты тут совершенно ни при...

Волосы не шевельнулись.

– Ну вот! Что я тебе говорила! Это они на меня реагируют! Наверное, эта блузка все-таки синтетическая, – проворчала Катя. – А написано – стопроцентный хлопок...

Карлссон отшвырнул руку и поднес лодочку к Кате. Медленно провел корабликом от Катиного плеча – к кисти. И волосы послушно взмыли вверх.

– Ну что, убедился? – с чувством превосходства сказала Катя. – И нечего со мной спорить!

Карлссон очень осторожно поставил лодочку на стол, повернулся – и Катя увидела его глаза. Обычно маленькие, прищуренные, глаза эти расширились и были сейчас очень похожи на глаза страшного тролля. И даже, кажется, чуточку светились.

– Убедился, – негромко произнес Карлссон. От звука его голоса у Кати по спине прошел озноб. – На тебе – метка сида.

Вот теперь Кате стало действительно страшно. Тролли, колдуны, отгрызенная рука... все эти ужасы могли свести с ума кого угодно... но они не касались *лично* ее.

– Какая еще метка? – прошептала она, попятившись. – Какой сид? Не знаю я никакого сида... Карлссон, ты что?

– Сид! – Карлссон оказался рядом, взял ее за плечи и легонько встряхнул.

От этого «легонько» зубы Кати лязгнули, а ноги на мгновение оторвались от пола.

– Сид! Вы называете их эльфами! Когда он тебя пометил? Где он?

– Эльфов не бывает... – прошептала Катя.

И вспомнила *тролля*...

«Если есть тролли, значит, должны быть эльфы...»

– Отпусти, мне больно!

– Прости, – Карлссон разжал пальцы.

«Как пить дать синяки останутся», – подумала Катя.

– Где это было? – гнул свою линию Карлссон. – Вспоминай!

Катя добросовестно порылась в памяти, но никаких эльфов там не обнаружила.

– Слушай, давай завтра! – жалобно попросила она. – Мне плохо. Столько всего... Я выплюсь и завтра же с утра начну искать твоего эльфа.

– Катя! – Карлссон снова взял ее за плечи, но на этот раз достаточно бережно. – Это нельзя откладывать! Опасно! Вот здесь... – Он накрыл своей лапицей Катину кисть вместе с запястьем. – ...На тебе – метка сида. Постарайся вспомнить: это очень важно!

Никогда он не говорил с Катей таким застораживающим голосом. Катя почувствовала: еще немного – и она бросится на поиски эльфов прямо сейчас, в два часа ночи.

Нет, ну что за бред!

– Завтра! – решительно объявила она. – Завтра утром я все узнаю! А сейчас я пойду спать!

Карлссон, казалось, удивился.

– Это очень важно! – повторил он уже не так проникновенно.

– Я понимаю, – спокойным голосом (хотя внутри у нее все тряслось) сказала Катя. – Завтра, Карлссон. А сейчас я ухожу. Ты меня проводишь?

«Как знать, может, этот саблезубый тролль все еще караулит ее на крыше?»

– Останься у меня! – потребовал Карлссон. – Если сид где-то близко – это очень, очень опасно!

– Ну уж нет! – заявила Катя.

Перспектива ночевать на полу, в компании мышей, в такой грязище придавала ей решимости.

– Тогда я сегодня буду ночевать у тебя! – заявил Карлссон.

– Это – пожалуйста! Свободных полов у меня сколько хочешь! – съязвила она.

Но на самом деле она была рада. Мифических сидов (она, наконец, вспомнила, что Карлссон уже употреблял это слово, когда объяснял балладу о рыцаре-эльфе) Катя совершенно не боялась, а вот клыкастый монстр... Он ведь хотел сожрать ее... и он может вернуться!

Она вспомнила, что почти все ночи спала с открытым окном. Выходит, к ней в любое время могло ворваться это чудовище!

Катю передернуло.

Нет, пусть Карлссон ночует у нее, сколько захочет!

Конечно, кто-то может это неправильно понять... Если узнает. Только откуда он узнает? Не от Карлссона же? А Катя и подавно будет помалкивать.

– Слушай, Карлссон, – спросила она, уже улегшись в постель. – А что это за метка, ну та, которую ты нашел у меня на руке? Ты уверен, что она есть? Лично я ничего не увидела.

Десять минут назад, в ванной, Катя очень внимательно осмотрела собственную руку: от локтя до кончиков пальцев, со всех сторон, и так, и с помощью зеркала, но не обнаружила ровным счетом ничего необычного.

– Есть, – буркнул Карлссон. Он устроился на расстеленном под дверью одеяле – как собака на половичке. Как очень большая собака. – Ты не увидишь. Даже я не увижу.

– Тогда зачем она, если ее никто не видит?

– Ее увидит другой сид... Эльф. Это знак того, что ты уже принадлежишь одному из них. Тавро.

– Глупости, – сонно проговорила Катя. – Никому я не принадлежу. Кроме, может быть, папы и мамы... А эти твои сиды... («Не мои», – возразил Карлссон)... Когда мы их найдем... Ты с ними точно справишься?

– До сих пор справлялся, – проворчал Карлссон.

– И многих... сидов ты знаешь? – совсем уже засыпая, пробормотала Катя.

– Многих... – ответил Карлссон. – Знал.

Но Катя не обратила внимания на разницу во временах глагола. Она уже спала.

Глава двадцать седьмая

О фальшивых эльфах, гномах и игровиках

Однажды сидел эльф на берегу озера и лакомился раками. А мимо молоденький тролленок шел. Ему тоже раков захотелось.

– Дай мне немного раков! – попросил он.

– Не дам! – сказал жадный эльф. – Но если хочешь – подскажу, как я их наловил.

– Подкажи! – обрадовался тролленок, но злой эльф решил над ним подиутить.

– Да это просто, – сказал он. – Я пипиську в воду опускал. Рак за нее – хват! А я его – на бережок!

– Ой, спасибо! – обрадовался тролленок. – Действительно просто!

И оторвал эльфу пипиську.

Проснувшись следующим утром, Катя первым делом увидела Карлссона, который сидел на стуле у окна и, похоже, ждал, когда она проснется.

– Ты чего? – сонно спросила Катя.

– Сид, – лаконично напомнил Карлссон. – Надо искать сида.

– Сида? – Катя вспомнила события минувшей ночи и сразу села в кровати.

Казалось бы, сейчас все должно казаться ненастоящим... Ну, типа, как в каком-нибудь блокбастере. Забыть, выкинуть из головы и клыкастую тварь, и лодочку с шевелящимися волосками... Забыть – и жить нормально. Работать, учиться, с Димкой любовь закрутить... Жить да радоваться...

Но рядом сидел Карлссон, и, стоило Кате зажмуриться, как перед ней возникал не этот неторопливый флегматичный толстяк, а тот, ночной, страшный колдун. И его негромкий леденящий голос: «Сид! Тебя пометил сид!»

«Это есть, – подумала Катя. – И никуда мне от этого не деться».

Когда-то она мечтала о всяких приключениях, чудесах, прекрасных магах... Мечтать было очень интересно, а на деле все оказалось не так. И сердце замирало не от предвкушения чудесного, а от самого примитивного страха. На деле – вместо волшебного полета и развевающихся шелковых одежд – дрожь, которую невозможно унять, футболка, липнущая к мокрой от пота спине, спазмы в желудке и чувство совершенной беспомощности...

Вдруг накатил злость. На Карлссона, который втянул ее во все это...

Нет, не втянул. Справедливости ради надо отметить, что она сама во все влезла. Сама...

«Ты, Катька, главное, ни во что такое не влезь! – напутствовала ее мама. – Придержи свой шепуточный характер!»

Мама ее знала. Хотя в школе у Кати была репутация аккуратистки и отличницы... Да, она умела быть тихой и воспитанной девочкой. Производить хорошее впечатление... Умела. Но все это ей до чертиков надоело.

«В Питере, – решила она, – я буду другой! Свободной и независимой!»

Вот она, свобода! Искать какого-то чертова сида. Или эльфа... Или черт знает кого, потому что... Потому что потому!

– Выйди, пожалуйста, я буду одеваться, – сказала Катя. – И чайник поставь, если тебе нетрудно, хорошо?

– Нетрудно, – сказал Карлссон, удаляясь на кухню. – А ты не мешкай.

Пока Катя одевалась, умывалась и завтракала (после завтрака ее настроение несколько улучшилось), ее ум был занят проблемой поиска эльфов. Где в Питере могут скрываться эльфы? И где она могла встретить эльфа и при этом не заметить его? Катя прикидывала и так

и эдак, но всякий раз заходила в тупик. В голову лезли всякие глупости вроде: «Надо найти дом агента Смита».

В конце концов Катя сдалась и позвонила Лейке в надежде, что та может знать об эльфах что-то такое, чего не знает Катя.

Лейкин голос в трубке был совсем заспанный – похоже, Катин звонок ее разбудил.

– Эльфов ищешь? – зевая, переспросила она. – Так... эльфы... Вроде у Димки был знакомый эльф... или орк... Нет, точно эльф. Я его даже видела, на какой-то тусовке, еще в июне... Мне он – не очень. Какой-то слишком одухотворенный. Знаешь, такой... «со взором нездешним»...

У Кати на миг сместилось понятие о реальности.

«Может, я чего-то не понимаю в жизни? – испуганно подумала она. – Может, возле нас живут эльфы, тролли и гоблины, и все в курсе, кроме меня?»

– А зачем тебе? – спросила Лейка, постепенно пробуждаясь. – Начиталась чего-нибудь? Ищешь братьев по разуму?

– Кого? – не поняла Катя.

– Ты, Катька, меня разочаровываешь. Эльфизм и прочая толкиенутовость – это же для инфантильных, – Лейка окончательно проснулась и решила поучить Катю уму-разуму. – Бегство в выдуманный мир. Надо осваивать реальность и побеждать в ней!

«Видела бы ты этот „выдуманный мир“! – подумала Катя. Может, устроить ей – при случае...

– ...Бегают с палками, кричат не по-русски, – говорила между тем Лейка. – А потом, как все, водки нажмутся – и уже не поймешь, кто тут гном, кто хоббит. Ненормальные...

«А, так она об игровиках», – сообразила наконец Катя.

В Пскове такие водились. У Кати были знакомые, которые тоже бегали по лесам с самодельными мечами. Только не эльфов изображали, а то ли викингов, то ли древних славян. Мечтали съездить на международные ролевые игры: какую-нибудь Грюнвальдскую битву разыгрывать. А по факту пол-года сидели при псковском кремле в тяжелых доспехах и фотографировались с туристами. Но, в общем, нормальные мальчишки...

– Короче, если тебе нужны эльфы, звони Димке, – заявила Лейка. – Дай несчастному шанс тебя соблазнить.

– Глупости болтаешь, – проворчала Катя, вешая трубку.

– Лейла говорит, что у Димы есть знакомый эльф, – сообщила она Карлссону. – Хотя я очень сомневаюсь, что этот эльф – настоящий. Звонить?

– Звони, – сказал Карлссон. – Я сам разберусь, настоящий он или нет.

Дима оказался дома. Катиному звонку он откровенно обрадовался. На заданный вопрос ответил утвердительно.

– Да, есть у меня такой приятель, Тишка, – подтвердил он. – Только он не эльф, а гoblin. У них в тусовке и эльфов полно, и гномов, и троллей – в общем, бесноватые на любой вкус. Если тебе нужны именно эльфы, лично я разницы особой не вижу, можно съездить к ним на игрища. Например, в эту субботу они собираются в Токсово разыгрывать какую-то эпохальную битву добра со злом в долине... название такое, что язык сломаешь. Хочешь, я могу созвониться с Тихоном, и съездим все вместе, на эльфятник полюбуемся...

Катя вопросительно взглянула на Карлссона. Он кивнул.

– Я с удовольствием. Только можно я с собой еще одного человека возьму?

– Это кого? – ревниво спросил Дима.

– Карлссона, моего соседа. Помнишь, шведский бизнесмен? Он тоже игровик со стажем, у него и меч есть...

– А, такого толстого коротышку? – вспомнил Дима. – Ну бери. Пусть обменяется опытом с российскими орками.

– Договорились! – весело сказала Катя, бросая трубку. – Ну что, Карлссон, – вот тебе и эльфы. Послезавтра в Токсово будет битва добра со злом. Эльфов там, говорят, пруд пруди. Поедем с одним знакомым гоблином.

– С гоблином? – проворчал Карлссон. – Ладно уж, один день я потерплю.

* * *

В субботу утром Катя, Дима и Карлссон сели на электричку до Токсово. Их сопровождал гoblin Тишка – долговязый юноша с ясными детскими глазками и клочковатой бородкой. Разговаривал Тихон исключительно шепотом.

– Голос сорвал, – сипло пояснил он. – Тренировал боевой клич. А вот, помню, мы один раз в лесу под Лугой собрались – в боевом камуфляже, ну, раскрашенные, прикинутые, в броне – да как заревели всей ордой! И тут из леса грибник вылетает, как чумной. Совсем офигел мужик!

Гoblin Тишка оказался вполне своим парнем. Всю дорогу он веселил компанию байками из жизни игровиков. Кате игрища показались очень увлекательными, и она даже почти договорилась с Тишей, чтобы он записал ее гоблинией в свой отряд на следующий сезон. Дима мрачнел на глазах. Ревновал к гоблину Тишке. Катя посмеивалась. Но укладкой, чтоб Дима не обиделся. Вообще-то он ей все больше нравился.

Карлссон за всю дорогу не проронил и дюжины слов и тоже мрачнел на глазах.

– Мне кажется, мы не найдем там эльфов, – сказал он Кате, когда они вышли на перрон. – Этот человечек никакой не гoblin, притом он непрерывно врет. Неужели не было другого проводника?

Тихон услышал, но не обиделся. Швед он и есть швед. Типа финна, только толще.

– Дядя, все будет нормально, – заявил «гoblin». – Я в Токсово раз тридцать был. Выведу прямо на поле битвы. Ты сам-то кто будешь? Эльф, гoblin?

Катя забеспокоилась. Она ведь представила Карлссона «игровиком из Швеции», а он сейчас ляпнет что-нибудь не в тему...

Но Карлссон не подкачал.

– Какой я тебе гoblin! – недовольно буркнул он. Очень натурально! – Я уже лет пятьсот как огр!

– Огр? Это типа тролль! Нормалек! – одобрил Тихон. – Так и думал, что ты из наших. И типаж подходящий! А то пришел один мужик и говорит – я хочу быть Морготом. Мы ему – один Моргот у нас уже есть. Так он обиделся – или Моргот, или никто! А сам – плюгавенький, метр с кепкой, и нос курносый. Одно слово – владыка тьмы... – Тихон захихикал.

Путешественники сошли с платформы, свернули налево, к озеру. Местность была красивая – взгорки, песчаные осыпи, сосны, кусты шиповника.

– Нам далеко, – предупредил Тихон. – Туда, в холмы. А то здесь дачников много. Вечно под ногами путаются...

Утоптанная грунтовая дорога превратилась в две колеи, потом в тропинку. Она то спускалась в кишачие комарами тенистые низины, то поднималась на травянистые горки, с которых можно было разглядеть озеро.

– Тут зимой классно кататься на лыжах, – сказал Дима. – Катя, ты любишь лыжи?

– Люблю, – улыбаясь, сказала Катя, подставляя лицо солнцу.

Ей здесь нравилось.

– Если захочешь, мы с тобой обязательно съездим...

– А купаться тут можно?

– Конечно! – заявил Тиша. – Сейчас перевалим через тот холм, и перед нами представит...

С холма открывался чудесный вид. Справа, на пологом склоне, шумел сосновый бор. Слева берег озера зарос березами, осинами и густыми кустами. Светило солнце, чирикали птички. Место выглядело абсолютно пустынным.

– Ну, и куда ты нас завел? – поинтересовался Дима. – Где поле битвы?

– Да вот оно, – сказал гоблин. – Только не пойму, куда все подевались.

– Мы, наверно, опоздали, – предположила Катя.

Тиша решительно помотал головой.

– Я въехал! Мы просто вышли на нейтральную полосу. Сегодня у нас по сценарию – падение Дориафа. Перед нами, – он сделал широкий жест, – скрытое эльфийское королевство Дориаф. А мы будем его разорять. Мы – это полчища орков и предательски переметнувшиеся на сторону Моргота гномы.

Последние слова Тиша произнес с особенным удовольствием.

– Пришлось им отстегнуть, конечно. Самым натуральным образом. Гномы, они такие – за рубль удавятся. Но зато бойцы классные. Считай, на чьей стороне гномы, тот и выиграл. Вовремя подкупленный гном – залог победы!

Катя захихикала.

– Что-то я не понимаю, – сказал Дима. – Вы же вроде все по Толкиену разыгрываете?

– А у нас все в строгом соответствии, – парировал Тиша. – В книге сказано – в таком-то году гномы пошли войной на Дориаф, потому что эльфы сперли у них волшебное ожерелье Наугламир. Или заказали и не расплатились – в общем, кинули. Ну, гномы, естественно, обиделись, да и вернули себе ожерелье с эльфийским царством в придачу.

– Какое такое ожерелье? – заинтересовалась Катя.

– Наугламир, – пояснил гоблин. – С Сильмариллом. Небось и книгу-то не читали? Профессора Джи Эр Эр? Эх, темнота! – Он посмотрел на Карлссона, привлекая того в союзники. Но Карлссон был занят. Он принохивался.

– Я не чувствую здесь гоблинов, – сказал он. – А вот людей тут полно.

– Где? – подскочил Тиша.

– Там, – Карлссон указал на кусты, – и там тоже.

– Блин! – пробормотал Тиша. – Я все понял! Это засады эльфов! Мы в тылу врага!

– Чего ты трясешься? – покровительственно спросил Дима.

– Я ведь десятник. Блин, если в плен возьмут...

– Здесь нет эльфов! – отдельно повторил Карлссон. – Только люди.

– Где люди, там и эльфы. Они в союзе. Черт, надо как-то обходить их и пробиваться к своим...

– Иди, ищи, – не выдержал Дима. – А мне надоело здесь топтаться.

– Да, пошли лучше купаться, пока еще ничего не началось, – поддержала его Катя. – Вон прогалина, чем не пляж.

– Идите, – неожиданно поддержал их Карлссон.

– А ты куда?

– Искать сида.

– Кого? – удивился Дима.

Катя в ответ махнула рукой и пошла к озеру.

Берег оказался вполне приемлемый. Катя расстелила полотенце на траве, сняла топик, надела темные очки. Через некоторое время ей стало жарко, но идти в воду было лениво. Она, к тому же, наверняка холодная...

– Как там водичка? – спросила она, обращаясь к Диме.

Дима ответил не сразу – он увлеченно наблюдал за Карлссоном.

– Чего это делает наш шведский бизнесмен? – прошептал он.

Катя обернулась вовремя – Карлссон как раз выуживал из куста какого-то парня в дерюжке с железными бляшками. Парень от удивления даже не отбивался.

– Где эльфы? – сурово спросил Карлссон.

– А, лазутчик врага! Да пошел ты! – Парень попытался освободиться от Карлссоновой хватки. Наивный.

– Где? Эльфы? – раздельно произнес Карлссон, игнорируя трепыхание пацана.

– Пусти, мужик! Я не эльф. Я человек! Больно же! – завопил парень.

Карлссон оскалился. Зрелище еще то. Парень струхнул. В правой руке у него была обмотанная чем-то дубина, но пустить ее в ход он не рискнул.

– Сам вижу, что человек, – проворчал Карлссон. – Где эльфы?

– Да не знаю я... – жалобно пробормотал пацан. – Они тут везде. Мы ж в засаде второй час сидим, ждем ваших, а они не идут – заблудились, наверно, сволочи, а вы, оказывается, с тылу нас обхо... Да вон один! – обрадованно воскликнул парень. – Вон, видишь, в тех кустах, там зеленый шлем торчит.

Карлссон глянул в указанном направлении и разжал руку.

Парень дернул – аж хвоя из-под ног полетела.

Катя тоже посмотрела. Точно. Шагах в пятидесяти над кустиками торчала зеленая шапочка с медной нашлепкой.

Карлссон прогулочным шагом двинулся в указанном направлении. Катя с Димой следили за ним, не отрывая взгляда. Проходя мимо кустов, Карлссон сделал стремительное движение. Так он голубей ловил: хоп – и птичка в кулаке!

На этот раз то была не птичка, а довольно-таки упитанный хлопец в защитного цвета одежде со смешными завязками. В руках у хлопца были лук и стрела. Стрелу он, впрочем, тут же потерял.

Катя и Дима подошли поближе и остановились в нескольких шагах, предвкушая зрелище. «Зеленый» их не видел, а Карлссон – не обращал внимания.

– Ты – эльф? – с сомнением в голосе осведомился он.

– Эльф! – признал хлопец. – А ты сам-то кто?

Карлссон произнес что-то на незнакомом языке. Что-то позвякивающее-пощелкивающее-присвистывающее. Катя, естественно, не поняла. «Эльф», вероятно, тоже.

– Так ты кто? – неуверенно спросил он. – Чего тебе надо? Вы вообще должны сейчас быть вон на той горе.

– Ты – эльф? – с еще большим сомнением в голосе спросил Карлссон.

– Да эльф я, эльф! Эй, ты что делаешь?! – истошно завизжал он. – Ну, ты!!! Маньяк!!!

Катя тихонько ахнула. Шнурок, на котором держались штаны бедного «эльфа», лопнул, широченная лапища Карлссона ухватила парня за гениталии. «Эльф» замер и жалобно заскулил. Удивительно, что у такого крупного парня – такой тоненький голосок.

Карлссон несколько секунд щупал с сосредоточенным видом, потом на его широкой физиономии появилось выражение разочарования и обиды.

– Так я и думал. Ты не эльф... – проговорил он, выпуская «достоинства» парня. – Ты просто человек... – И повернулся к нему спиной.

– Ах ты!.. – заорал парень и с размаху врезал Карлссону луком по затылку. – Да я тебя!.. – Второго удара не получилось. Карлссон, не глядя, перехватил лук, отнял и без усилия переломил пополам. На «эльфа» он при этом даже не взглянул. Но тот вмиг из розового стал белым и, придерживая штаны, бросился наутек.

– Что ты к нему пристал? – спросила Катя. – Напугал парня... Дались тебе эти эльфы!

Карлссон опустил на траву.

Он был в глубокой печали.

– Я догадывался, что всё будет не так просто...

– Ох как непросто все будет, – озабоченно пробормотал Дима. – Вот вернется этот эльф... С друзьями...

Катя укоризненно посмотрела на него: что он глупости болтает? Не видит, что ли, как Карлссон расстроился.

– Ну хватит, хватит, не грусти! – Катя присела рядом и погладила Карлссона по руке.

– Ничего, – сказал Карлссон. – Ты не виновата. Ты же меня предупредила, что здесь не будет настоящих эльфов.

– Слушай, а зачем ты его за это место щупал? – спросила Катя.

Ей хотелось отвлечь друга, да и самой было интересно...

– Хотел проверить: может, он и вправду эльф? – Карлссон вздохнул. – Но оказалось: просто человек...

– А какая разница?

– Разница большая, Малышка, – серьезно сказал Карлссон. – Я тебе потом объясню.

– Ну раз эльфов нет, так давайте загорать! – заявила Катя.

– Может, лучше уйдем? – с беспокойством произнес Дима. – Давайте уйдем! А то вот и Тишка куда-то пропал. Если из-за нас его в плен взяли...

– Да кому он нужен, твой Тишка! – сказала Катя, укладываясь на полотенце и закрывая глаза.

И на нее тут же упала тень. Димка.

– Ты, конечно, можешь мной любоваться, – сказала Катя, снова закрывая глаза. – Но от солнца отойди, пожалуйста.

Дима отошел, а Катя пригелась и задремала. Но ненадолго. Проснувшись от постороннего шума. И на нее опять падала тень. Катя открыла глаза, собираясь высказать Димке все, что она о нем думает... Но воздержалась. Тень была не Димкина.

И не одна.

То были тени фальшивого эльфа и его друзей. Причем лица «эльфа» и его «соплеменников» были очень-очень сердитые. Так что Катя сразу поняла: у них с Карлссоном неприятности.

* * *

– Ну ты, толстый маньяк! – Плохо выбритый парень лет двадцати в жилетке из поряжевшей кожи надвинулся на Карлссона. – Сейчас мы тебя учить будем!

– Постой, не надо! – между ними попытался втиснуться Дима.

– Отвали, пацан!

– Да они – вместе!

– Навешать обоим!

– Элмар, врежь ему!

Вокруг Карлссона и Димы мгновенно образовалась сердито вопящая толпа. Катю отпихнули. Она не видела ничего, кроме спин игровиков.

– Имейте в виду – у меня синий пояс по кун-фу! – раздался нервный, с каким-то привизгиванием голос Димы.

И сразу – звук оплеухи. Потом – еще одной.

А затем из толпы, будто пробка из бутылки шампанского, спиной вперед, вылетел небритый Элмар. И толпа как-то сразу раздалась. На освободившемся пятачке Катя увидела напряженно застывшего в боевой стойке Диму, у которого из носа сочилась кровь, и совершенно невозмутимого Карлссона, стоящего с опущенными руками.

Элмар вскочил, схватил чье-то копье, замахнулся им, как дубиной.

– Ну всё! – заорал он. – Ну всё, уроды!

Копье со свистом рассекло воздух. Дима отшатнулся... Карлссон даже не дрогнул, хотя древко прошло в нескольких сантиметрах от его лица.

– Я тебе сейчас так заелбеню – вся морда синяя будет! – закричал Элмар Карлссону, раскручивая свое оружие в опасной близости от Карлссона.

А тот вдруг усмехнулся и скрестил руки на груди.

И Катя сразу поняла: этот небритый Элмар *боится* Карлссона. Потому и кричит, и размахивает своей дубиной. А безоружный Карлссон совсем не боится Элмара. Еще бы! Он даже тролля не боялся. С чего бы ему бояться какого-то придурка! Пусть даже придурок размахивает здоровенной палкой...

Тут к разбушевавшемуся Элмару подскочили сразу трое игровиков. Один ловко перехватил палку, другие вцепились ему в локти.

– Стой, Элмар! Подожди! Сейчас Двалин придет – разберется!

Элмар ругался и грозил, но, похоже, был совсем не против, чтобы его разоружили.

А толпа всё увеличивалась. Собралось, наверное, человек сто. Причем большинство – подростки.

– Тебе, девушка, лучше уйти, – сказал Кате какой-то добросердечный игровик.

– Да, Катя, иди, мы тут сами... – пробормотал Дима.

Катя посмотрела на Карлссона.

Карлссон был невозмутим. Стоял, скрестив на груди свои ручищи, и, что характерно, никто его больше не задира.

– Я останусь, – решительно заявила Катя. – Надеюсь, меня вы бить не будете!

Ее заверили, что не будут. Все-таки они смешной народец, эти игровики. Смешной, но неплохой. Только какой-то ненастоящий. И оружие у них ненастоящее... Катя вспомнила меч, который лежал у Карлссона в сундуке... Вот этот – настоящий.

И Карлссон – тоже настоящий...

Тут по толпе прошел ропот и, раздвинув молодняк, в центр прошли трое. И эти трое тоже были – *настоящие*. Невысокие, бородатые, накачанные мужики с *настоящими* тяжелыми топорами, которые вполне соответствовали их волосатым ручищам.

– Ну-ка, кто тут мою Игру поломал? – грозно сощурившись, прорычал главный: чернобородый, с носом-картошкой и плечами полутораметровой ширины.

Маленькие глазки на мгновение остановились на Диме. Дима побледнел и как-то совсем жалобно шмыгнул носом. Но кулаков не разжал. Впрочем, чернобородого он не заинтересовал. Тот уже нацелился на Карлссона.

Поигрывая топором, он в упор уставился на Катиного друга. На физиономии чернобородого было написано, что развалить чью-нибудь голову ему – раз плюнуть. Не умом, а инстинктом Катя почувствовала: чернобородый *это уже делал*.

– Не трогайте его! – пискнула она. – Он – иностранец!

Чернобородый покосился на нее (топор продолжал вращаться и порхать из руки в руку) и сказал:

– Ну-ка уберите ребенка!

Катю ухватили за руки...

– Не трогать ее! – четко произнес Карлссон.

И Катю тут же отпустили.

– Железо убери! – сказал Карлссон чернобородому. – Железо – лишнее.

– Это верно! – Чернобородый даже обрадовался. – Я тебя руками удавлю! Подержи, воин! – Он сунул топор явно польщенному этой честью пареньку и скинул куртку.

Без куртки он показался Кате еще шире и мощнее. И волосатее. Игровики восхищенно загудели: «Двалин! Двалин! Ну, он сейчас...»

Карлссон еле заметно усмехнулся, подмигнул Кате и тоже скинул куртку.

Катя ахнула. Она раньше никогда не видела Карлссона без одежды. В одежде он казался эдаким толстячком, отставным спортсменом... То есть Катя, конечно, знала, что он ужасно сильный, но даже представить себе не могла...

На гладком, без единого волоска, торсе Карлссона не было ни капли жира. Толстые, словно вырубленные из камня тяжелые плиты мышц под гладкой, даже на вид очень плотной кожей. Мускулы Карлссона даже не бугрились, они *холмилась*. И хотя его похожая на бочонок грудь была поуже, чем у чернобородого, но зато раза в полтора объемнее.

Чернобородый ощерился, шагнул вперед – и остановился. А затем произнес что-то на уже знакомом Кате (хотя она по-прежнему не понимала ни слова) языке.

Карлссон ответил. Усмехнувшись. Небрежно, снисходительно... Как сплюнул.

* * *

– Ты... Охотник? – спросил Двалин.

– А что, не похож? – с усмешкой спросил Карлссон.

Двалин ощерился, задрал вверх бороду.

– Что тебе надо в моей Игре, Охотник?

– Догадайся.

– Не собираюсь! Не лезь в наши дела, понятно?

– А вы не путайтесь у меня под ногами.

– Еще не известно, кто у кого под ногами путается, – проворчал Двалин. – Времена изменились, Охотник. И мы – тоже.

– Да, – согласился Карлссон. – Изменились. Вижу – ты покрупней, чем твоя родня.

– Зато ты что-то мелковат!

– Рискнешь со мной бороться? – Карлссон оскалился, продемонстрировав крупные белые зубы.

Бородач покосился на свой топор...

– Это не имеет значения, – угадал его мысли Карлссон. – Меньше или больше – тоже не имеет значения.

– Еще как имеет! – проворчал чернобородый.

– Давай проверим, – спокойно сказал Карлссон. – Вас здесь трое...

– Нас здесь много! – перебил чернобородый. – И это наша Игра! У нас своя жизнь, у тебя своя. Не лезь в нашу Игру! Или пожалеешь!

– У тебя колени дрожат, – сказал Карлссон.

Бородач невольно скосил глаза вниз...

Карлссон засмеялся.

Он подхватил с земли куртку.

– Я ухожу.

– Мы не враги... – не слишком уверенно произнес бородач. – Но если ты полезешь в нашу Игру...

Неожиданно Карлссон хлопнул чернобородого по плечу.

Тот пошатнулся, едва устоял на ногах.

– Видишь? – сказал он. – Размер – это не главное. Будь здоров! – И добавил по-русски: – Пошли, Малышка!

* * *

И они ушли. Карлссон, Катя и Дима. Игровики уважительно расступились.

– Он что, тоже швед, этот Двалин? – позже спросила Карлссона Катя. – Ты его знаешь?

- Вроде того.
- И он обещал тебе помочь найти эльфа?
- Почему ты так решила? – удивился Карлссон. – Нет, он потребовал, чтобы я не лез в их дела.
- А ты?
- Я так и поступлю.
- Не будешь больше искать этого эльфа?
- Буду. Но не там. Там его все равно нет.
- Почему ты так думаешь?
- Потому что там, где... такие, как этот Двалин, есть место только для таких, как Двалин.

Глава двадцать восьмая

Эльфы в Интернете

Однажды три эльфа решили переплыть океан. Построили лодку, пустились в плавание... А на третий день – шторм. Лодка разбилась, эльфы, впрочем, уцелели. У них плавучесть положительная. В общем, болтаются они на волнах день, два... И тут видят – мимо на баркасе плывет тролль.

– Залезайте, – говорит.

А эльфам стрёмно: вдруг съест?

– Нет, – говорят. – У нас все нормально. Мы тут просто плаванием занимаемся и заблудились немного. Ты нам только скажи, далеко ли до земли?

– До земли? До земли – мили полторы, – отвечает тролль.

Эльфы обрадовались: близко!

– А в какую сторону плыть? – спрашивают.

– Вниз.

Кате иногда казалось, что она живет сразу в двух мансардах: мрачном, запущенном чердаке – в пасмурные дни; и жизнерадостной студии, всей из солнечных бликов и прозрачных теней – в дни ясные. Это воскресенье было солнечным и по-южному жарким. В такой день хорошо валяться на песке и купаться в озере, но Катя и Дима сидели у компьютера и шарили по Сети в поисках эльфов. Дима (он явился утром с Интернет-картой на двадцать часов) шелкал мышью, изучая содержание сайтов. Катя, балансируя на подлокотнике, заглядывала ему через плечо.

В Сети информации по эльфам было море – целые порталы, настоящие эльфийские виртуальные города. Но Катя уже знала, что это совсем не те эльфы, которые нужны Карлссону. А Дима и вовсе не понимал, чем «настоящие» эльфы отличаются от «ненастоящих».

– Допустим, толкиенутов мы отмечаем, – бормотал Дима. – Так... портал эльфийской поэзии. Зайдем?

Катя с сомнением покачала головой:

– Давай дальше.

Дима что-то прочитал, хмыкнул:

– А вот тест: «Эльф ли ты?» Ну что за бред!

– Ищи, ищи, – рассеянно сказала Катя.

– Ты можешь сказать толком, что мы ищем?

Катя не могла. Если бы она знала сама...

– Скачивай все подряд. Карлссон потом сам разберется.

– Слушай, а зачем ему эти эльфы?

Катя пожала плечами и перевела взгляд на пол. Неподалеку от ножки стола, в солнечном пятне валялся котище – матерый, помойной масти, с разукрашенной шрамами мордой и обкусанными в боях ушами. Кот потягивался, жмурился, перекатываясь с боку на бок и демонстрируя бледно-желтое брюхо, – в общем, наслаждался жизнью.

– Кыс-кыс-кыс, – тоненьким голосом окликнула его Катя. – Кисанька, иди сюда!

Кот даже глаз не открыл, только дрыгнул задней лапой.

– Вот наглая тварь, – заметил Дима, не отвлекаясь от поиска. – Откуда он здесь?

– С работы. Вася, охранник, утром притащил, – пояснила Катя. – Я его спросила, нет ли у кого-нибудь из его знакомых ненужного кота.

Дима посмотрел на котяру скептически.

– Его же на ближайшей помойке поймали. Поехала бы на птичий рынок да купила нормального котенка. Зачем тебе такой мордоворот?

– Я просила именно взрослого. Чтобы мышей ловить умел.

– У тебя тут мыши, что ли? Так ты скажи боссу, он пришлет кого-нибудь их потравить.

– Это не мне, – Катя прыгнула с подлокотника, опустилась на пол и принялась чесать коту брюхо. Кот не возражал.

– Это я Карлссону подарить обещала. У него в квартире мыши пасутся просто табунами. Дима насторожился:

– Ты что, у него дома была?

– Ага, заходила один раз. Он ведь тут рядом живет, соседняя арка, четвертый этаж.

Дима промолчал, нахмурился и снова уткнулся взглядом в экран.

– Вот еще эльфийский форум, – сказал он через полминуты. – Собираем народ для встречи самхейна. Заявки на участие шлите по адресу... Что еще за самхейн?

– Самхейн? Наверно, что-нибудь типа бельтайна. Надо будет спросить Карлссона.

– А что такое бельтайн?

– Праздник такой. Можно у Карлссона спросить.

Дима поднял глаза на Катю.

– У тебя этот Карлссон через слово. А он-то откуда знает, что такое самхейн-бельтайн?

– Он же интересуется эльфами, – пожалала плечами Катя.

– Это я уже вчера понял, – хмыкнул Дима. – Не понял только, зачем ему эльфы.

– Я-то откуда знаю? – почти искренне ответила Катя. – Карлссон попросил меня помочь ему, я помогаю. Вот и все.

– Мы помогаем, – уточнил Дима. – А кто он вообще такой – ты знаешь?

– Кто?

Дима отвернулся от монитора и задумчиво посмотрел на кайфующего кота:

– Знаешь, на той вечеринке я к нему особо не присматривался. Швед и швед. Мужик как мужик. А вот в Токсово... Вот что я тебе скажу – ни фига он не бизнесмен.

– А кто, по-твоему? – с легким интересом спросила Катя.

То, что Карлссон – не бизнесмен, она и сама знала. Может быть, Дима сумеет увидеть то, чего не видит она? Но Дима ее надежд не оправдал.

– Не знаю, – пробурчал он после долгой паузы. – Кто угодно, только не бизнесмен. Таких бизнесменов не бывает.

– Я поначалу думала, что он киллер, – сказала Катя, улыбнувшись.

И тут же пожалела о своих словах: Дима мгновенно напрягся.

– Да пошутила я, ты чего? – Катя засмеялась, несколько напряженно.

– В каждой шутке есть зерно правды, – пробормотал Дима, все сильнее хмурясь. – Киллер? Это многое объясняет...

«Ну, теперь начнется. Секты, заговоры, промывка мозгов», – подумала Катя.

Ей было и смешно, и немножко досадно.

– Ну да, Карлссон действительно необычный, – заявила она. – Нечасто встречаешь бизнесмена, который может выпить двенадцать литров пива, знает староанглийский язык и ходит по улице в кожаных тапках.

«Еще держит в сундуке старинный меч и общается с существом, похожим на помесь пантеры и орангутана», – мысленно добавила она. Но вслух сказала:

– Все это еще не повод, чтобы считать его наемным убийцей!

– Откуда ты знаешь, что он может выпить двенадцать литров пива? – насторожился Дима.

– Потому что видела! И, заметь, он почти не опьянел.

– Ну, это не хитрость, – Дима мрачнел всё больше и больше. – Есть специальные препараты.

- Какие еще препараты?
- Специальные. Короче, Катя, я тебе так скажу: он явно не тот, за кого себя выдает.
- Он себя вообще ни за кого не выдает! – сердито сказала Катя. – Просто живет и занимается своими делами. Своими, понимаешь? Которые никого не касаются!
- «Если бы ты, Димочка, увидел то, что видела я...» Но говорить об этом было нельзя. Может, позже, если их отношения будут... развиваться.
- В общем, он в твои дела не лезет, а ты не лезь – в его. Взялся помочь – помогай. Нет – так и скажи. Если тебе что-то не нравится...
- Мне всё не нравится! – заявил Дима. – Например, почему он к тебе ходит? Зачем? Он взрослый мужик! Что ты ему за компания?
- А я, по-твоему, ребенок, да?
- Не кричи. Факт, что он намного тебя старше. Когда такой мужик начинает таскаться за семнадцатилетней девушкой, можно догадаться, что ему от нее надо.
- Дурак ты! – Катя даже обижаться перестала. – Что он тебе – Сережка? Да он вообще ко мне ни разу не притронулся!
- «По крайней мере в *этом* смысле», – добавила она мысленно.
- А Сережка, значит, притронулся?
- Пытался, – уклонилась от прямого ответа Катя.
- Я ему попытаюсь, – многозначительно пообещал Дима. – И с Карлссоном тебе тоже надо прекращать.
- Что прекращать?
- Общаться, вот что! Нечего ему к тебе ходить! Прекращай это!
- Даже и не подумаю! – Катя состроила гримаску. – Мне нравится с ним общаться. А ты что, ревнуешь? – поинтересовалась она не без удовольствия.
- Не в этом дело! Ты что, не понимаешь, что он опасен?
- «Это ты его тролля не видел», – подумала Катя.
- Нет, не понимаю!
- А ты вспомни! – Дима начал заводитьсь. – Можно подумать: ты не видела, что он в Токсово творил? Ты не видела, какой он здоровенный? Да он кого угодно может голыми руками убить! Его наверняка специально тренировали, я же вижу!
- Карлссон? Опасен? – Катя презрительно фыркнула. – Только не для меня. Да, он очень сильный. Ну и что? Ты тоже сильный. Что мне – теперь и с тобой прекращать общаться? На всякий случай...
- Ты так уверена, что он не причинит тебе вреда? – более мягко произнес Дима. Упоминание о его собственной силе ему польстило.
- На сто процентов. Меня он никогда не тронет.
- Спроси он, откуда взялась эта уверенность, Катя не смогла бы ответить. Но Дима уже думал о другом.
- Надо все-таки этого Карлссона проверить, – решительно сказал он. – Я попрошу отца, у него вроде был один знакомый из ФСБ...
- Отстань ты от человека! – в сердцах воскликнула Катя. – Тебе просто не хочется, чтобы я с ним встречалась.
- Да, не хочется. Потому что я за тебя боюсь. Приваживаешь человека, о котором мы ничего не знаем.
- Тебе достаточно знать, что он мой друг, – отрезала Катя. – Остальное тебя интересоваться не должно. И вообще, ты будешь искать или нет?
- Не буду, – Дима решительно отодвинулся от компьютера. – Я всё равно не знаю, что искать. И ты не знаешь. Если твой Карлссон такой скрытный, пусть сам и ищет!
- У него компьютера дома нет, – сказала Катя.

– Точно? – Дима удивился. – Иностранец без компьютера? Так не бывает. Может, ты ноутбука не заметила?

– Я сказала «нет», значит нет.

Едва Дима вышел из Интернета, раздался телефонный звонок.

Звонил Катин папа.

– ...То до тебя не дозвониться, то постоянно занято, – пожаловался он.

– Это я в Интернете работала, – сказала Катя.

– Понятно. Ну, рассказывай!

– Что рассказывать?

– Всё!

Катя испытала секундное искушение – рассказать действительно *всё*. Но удержалась.

– Да я маме уже вроде все рассказала, – промямлила она. – В общих чертах...

– А теперь мне расскажи!

Выяснилось, что Катин провал папу огорчил, но умеренно. Зато он очень гордился, что Катя сумела самостоятельно устроиться в Санкт-Петербурге.

– В институт ты еще поступишь, я в этом не сомневаюсь. Мы с мамой очень рады, что ты умеешь преодолевать трудности, что у тебя есть характер! – заявил папа с воодушевлением.

Но Катя не очень-то поверила в его радость. Она помнила, как папа старался уговорить ее остаться в Пскове.

– Доча, может, ты сумеешь приехать к нам хоть на пару дней? – спросил папа. – Мама тебе теплые вещи приготовила. Не с проводником же их посылать...

– Сейчас – никак, пап. Может, в сентябре. Только ради бога, пожалуйста, ничего не посылайте. Если мне что нужно – я куплю, правда. Не в лесу все-таки живу.

– Как знаешь, – не стал спорить папа. – Ты уже взрослая...

От того, как он это сказал, у Кати защемило сердце. Она вдруг поняла, что ее теплая домашняя псковская жизнь осталась где-то далеко-далеко...

– Катька, что случилось? – поинтересовался Дима, когда она положила трубку. – На тебе лица нет. Кто это звонил?

– Папа, – сказала Катя.

– Что-то стряслось?

– Да нет, всё нормально. Просто, знаешь, я ведь первый раз одна так надолго уехала. Они беспокоятся. А мне так грустно стало...

– Я бы тоже на их месте беспокоился, – сказал Дима и обнял Катю. – Только ты не одна. Я же с тобой! Ты ведь знаешь, что я – с тобой, да?

«...И еще Карлссон», – мысленно добавила Катя. Но вслух просто сказала:

– Да...

Глава двадцать девятая, в которой Дима выслеживает Карлссона и довыслеживается

Тролленок прибегает к маме:

– Мама, мама, там злые человечки другого человека к веревке привязали и на горку ползать выпустили! Так я ему веревочку обрезал! Пусть лазает, где хочет!

Дима стоял, задрал голову, на тротуаре напротив фасада Катиного дома и смотрел вверх. В половине второго на Невском полно народу. Диму то и дело толкали, но он этого не замечал.

– Что за фигня... – задумчиво бормотал он, пристально рассматривая окна всех шести этажей, включая мансарду. – Ничего не понимаю... Должен быть еще один этаж... «Соседняя арка, четвертый этаж», сказала Катя. Еще он знал, что Карлссон живет один. И что у него в доме полно мышей. Последняя информация натолкнула Диму на одну идею...

Арку Дима нашел без труда. Во дворе имелось два подъезда, через которые можно было попасть в три квартиры, располагавшиеся на четвертом этаже. Во всех трех Дима побывал. Представляясь работником санэпидемстанции, собирающим заявки на уничтожение насекомых и грызунов. Все три квартиры были коммунальные. Насекомые были во всех. Грызунов не было. Карлссона тоже. Но Дима не успокоился. Он продолжал искать квартиру Карлссона – несмотря на Катины призывы «оставить человека в покое» и вопреки собственному здравому смыслу. Здравый смысл подсказывал: если «шведский бизнесмен» тот, за кого себя выдает, то Дима со своей шпиономанией выглядит полным идиотом. А если Карлссон действительно киллер или вроде того – тогда Дима идиот и есть. Потому что охота на киллера не кончается добром даже в кинофильмах.

Шутки шутками, но Дима на самом деле опасался за Катю. Главное, он не понимал, что этому Карлсону от нее надо. Зачем зверообразному «шведу» заводить дружбу со вчерашней школьницей? Тем более что «мужского» интереса «швед» к Кате не проявлял. По крайней мере Дима ничего не заметил, хотя следил очень внимательно. Значит, тут что-то другое. Что?

В одном Дима был уверен – от такой хари ничего хорошего ждать не приходится. У Димы из головы не шло Токсово: игровики вокруг орут, размахивают железяками, а Карлссон стоит с флегматичной мордой, даже глазом не моргнет... И того «эльфа» он мог бы покалечить одним шлепком... Но не счел нужным. Значит, ситуация, показавшаяся Диме очень острой, для Карлссона вообще не была проблемой. «Нет, он точно связан с криминалом», – сделал вывод Дима.

Закон Мэрфи гласит: «Если некто или нечто способно причинить вред, то рано или поздно вред будет причинен». Значит, надо срочно принимать меры и спасать наивную Катю, если она сама ничего в жизни не понимает.

И вообще Диму просто раздражало, что этот громила каким-то образом ухитрился втереться к ней в полное доверие и Катя относится к Карлсону чуть ли не с большей симпатией, чем к Диме.

Все-таки Дима его вычислил. По «отсутствующему» этажу. Вернее, этаж был, только окон не было. Дима нашел и дверь – напротив двери в одну из уже посещенных им квартир. Вернее, он нашел не дверь, а дверной проем, заложенный кирпичами и покрашенный поверх кирпичей, как и весь подъезд, в тусклый коричневый цвет. Закрашенный давно – краска уже успела выцвести и частично облечь. С полминуты Дима потоптался перед кирпичной кладкой. Опре-

деленно, за ней должна быть квартира. Где же вход? Может, со двора? Дом старинный, наверняка оснащен лестницами для прислуги.

Идея была неплоха, но успехом не увенчалась. С полчаса Дима бродил по подворотням, заглядывая в темные вонючие подъезды, но не нашел ничего, что напоминало бы черный ход в квартиру на четвертом этаже. В конце концов Дима утомился, присел на скамейку и уставился в просвет неба, зажатого между кирпичными стенами какого-то двора-колодца. Диме было стыдно и смешно, и он был почти готов сдаться.

«Вот чертов лабиринт, – сердито думал он. – Глупость какая-то. Дожили – вход в квартиру не найти! Как, блин, этот Карлссон попадает на четвертый этаж? В окно влетает, что ли?»

Дима стал по памяти восстанавливать планировку дома, в котором располагалась таинственная квартира.

Воображение активно заработало.

Как найти этот двор? Стоп, а если – сверху?

С крыши?

Дима отклеился от скамейки. Он надеялся найти пожарную лестницу, но не нашел. Зато обнаружил, что теоретически на крышу можно перелезть прямо из окна последнего лестничного пролета Катинной парадной.

«Выйти на карниз, – просчитывал маршрут Дима, удивляясь собственному безумию. – До угла крыши от силы метра полтора. Дальше – ерунда. Карниз широкий, лепной. Возможно, не обвалится. Возможно, у меня не закружится голова и я не сорвусь... Все, хватит бредить. Пора домой».

Но вместо этого Дима побрел в парадную. Помимо природного упрямства и нежелания бросать начатое, его охватил нездоровый азарт.

«А ты бы так смог, толстомордый? – мысленно бросил он вызов „шведу“, дергая на себя непослушную оконную раму. – Это тебе не игровиков пугать...»

Дима с усилием распахнул окно и встал на подоконник. Далеко внизу шумел Невский. Дима не смотрел вниз – он знал, что нельзя, – но голова кружилась и без этого. Он прикинул длину карниза. Выходило шагов пять.

«Жалко, Катя никогда не узнает об этом героическом переходе, – подумал он и шагнул на карниз. – Разве что я свалюсь...»

Несколько следующих мгновений весь мир для Димы был сосредоточен на каменном выступе шириной сантиметров тридцать, покрытом паутиной трещин. Из трещин проросли травинки. Прижимаясь грудью к стене, Дима сделал несколько мелких аккуратных шагов... Всё. Он перелез на крышу, отполз от края, лег на теплый металл и наконец перевел дыхание. Сердце колотилось как ненормальное. Но, осознавая разумом всю глупость своей выходки, Дима был страшно доволен собой. Торжество покорителя вершин слегка подпортила мыслишка: «А как обратно?» – но Дима решительно прогнал ее.

Перегнувшись через водосток, Дима смотрел вниз. Двор полностью изолирован и необитаем. Куча строительного мусора, стены с четырех сторон, слепые окна, бесполезные остатки пожарной лестницы, и – никаких признаков подъезда. Дима разочарованно выпрямился. И вдруг увидел, что в щель между крышей и водостоком засунут какой-то пакет.

То, что вытряхнул Дима из полиэтиленового пакета, оказалось веревочной лестницей. Причем один ее конец был уже привязан к железному крюку. Только теперь Дима обратил внимание на небольшой балкончик четырьмя метрами ниже. Конец сброшенной лестницы пришелся прямо на балкончик. Страх пропал. Его вытеснил азарт.

Через минуту Дима уже стоял на железной площадке. Перед ним была замызганная дверь без замка. Дима приоткрыл ее. Изнутри пахло гнилью. Там было темно, но Диму это не оставило. Он вошел внутрь. Глаза постепенно привыкали к темноте. Под ногами что-то хрустело и шуршало.

«Предпоследняя стадия беспорядка, – всплыла в памяти Димы любимая шутка его мамы по поводу Диминой комнаты. – Последняя – когда мусор не просто хрустит под ногами, но пищит и разбегается...»

Из темноты выступали очертания громоздкого шкафа, комода, узкой лежанки. Он уже усомнился: туда ли попал? Это заброшенное помещение совсем не походило на то, что он ожидал увидеть.

Здесь было слишком грязно и намусорено и для бомжа, не то что для шведского бизнесмена. Даже для такого сомнительного, как Карлссон.

В дальнем углу нашлась дверь. Дима двинулся дальше и попал в кухню. Дневной свет сочился сквозь узкое закопченное окно. Кухня выглядела древней и такой же необитаемой, как каморка для прислуги. Дима остановился и прислушался, но до него донесся только очень далекий шум улицы. В кухне и прилегающих комнатах было абсолютно тихо.

«Черт, куда меня занесло? – подумал Дима. – Похоже, опять заблудился. Какая-то заброшенная квартира...»

Но скользнув взглядом по столу, вздрогнул – там стояла пустая бутылка из-под пива. «Балтика» «семерка» вполне современного вида. И пыли на ней не было. Под столом поблескивали аналогичные бутылки. Именно такое пиво они пили в электричке по дороге в Токсово.

Димино сердце снова заколотилось. Выходит, он не ошибся. Это и есть притон Карлссона. Ни один бизнесмен, тем более шведский, не стал бы жить в такой дыре. Ни один нормальный человек не стал бы. Нет, в это невозможно поверить! С другой стороны... А с другой стороны, эта квартира – идеальное убежище. Диму бросило в дрожь. Блин, не дай бог, Карлссон и в самом деле киллер!

До сих пор он допускал это как бы умозрительно, не всерьез, а если на самом деле...

«Мне не жить, если он меня тут поймает! – подумал Дима. – Какое счастье, что его нет! Надо отсюда скорее убираться».

Но вместо этого Дима пошел дальше.

За кухонной дверью оказалось существенно светлее. Дневной свет проникал в коридор из боковой двери. Дима направился туда.

За дверью оказалась большая комната. Несмотря на то что окно было криво забито фанерным щитом, там все равно было довольно светло. И комната эта, несомненно, была жилой. Дима, застыв у двери, впитывал подробности увиденного. Старинная мебель у стен закаменела от пыли, но паркетный пол блестел, как будто его недавно вымыли. Прямо на полу – новенькие пенки, затрепанное одеяло, везде, куда ни глянь, – штабеля пивных бутылок и упаковки из-под чипсов. И посреди комнаты, тоже на полу – мощный электрический фонарь.

Дима сощурил глаза. Вот это уже напоминало ту картину, которая сложилась в его воображении. Это было классическое место засады. Не хватало только чехла со снайперской винтовкой и кейса с комплектом фальшивых документов.

«Неужели он приводил сюда Катю? – подумал Дима. – И Катя ничего не поняла? Что этот „швед“ ей наплел? Как можно быть такой доверчивой?»

У Димы замерло сердце при мысли о том, какая опасность грозит Кате, а она и не подозревает об этом...

Где-то в глубине квартиры послышался невнятный шум, похожий на вздох. Дима мгновенно облился холодным потом.

«Вали отсюда!» – пискнул здравый смысл. И тут дневной свет померк. Из-за фанерного щита донесся царапающий звук. Кто-то легко спрыгнул на карниз с наружной стороны окна.

На мгновение Диму парализовало. Он так испугался, что не смог даже крикнуть. Но это длилось только мгновение. В следующую секунду в широкую щель между краем щита и оконной рамой ловко просочился крупный полосатый кот. В пасти он держал окровавленного

голубя. Голубь слабо трепыхался. При виде Димы кот замер на полушаге и прижал уши, но голубя не выпустил.

– Ах ты поганец, – выдохнул Дима. – Так меня напугал...

Поняв, что на его добычу никто не покушается, кот спрыгнул на пол, отошел к двери и принялся за еду. Дима нервно рассмеялся. Он узнал кота, того самого, которого Катя выпросила у охранника для Карлссона. Теперь у Димы не осталось ни малейших сомнений, что он попал в нужное место.

– Тебя же нанимали мышей ловить, – подколот он кота. – А ты чем занимаешься, король помоек?

Кот, не обращая на него внимания, расчленил голубя. Дима тоже занялся делом. В течение нескольких минут он обыскивал логово Карлссона, но, к большому сожалению, никакого компромата не нашел.

«Ничего – здесь полно комнат, – вспомнил он. – Посмотрим, что в следующей...»

Дима уже подошел к двери, когда снова раздался этот странный звук. Теперь он напомнил скорее не вздох, а глухое ворчание, и звучал чуть громче – а может, чуть ближе.

Первым на странный звук отреагировал кот. Он оцетинился, бросил голубя, кинулся к старинному платяному шкафу на коротких гнутых ножках, забился в щель под ним и зашипел.

Дима остановился, в растерянности повертел головой... Его охватило острое желание оказаться где угодно, лишь бы подальше отсюда. Или забраться в щель, к коту. Почему-то он почувствовал себя голым и беззащитным. Ноги стали как ватные, ладони взмокли.

«Что за фигня! – сердито подумал он. – Ну-ка быстро успокоился. Здесь никого нет. И ничего плохого пока не случилось. Но убраться отсюда было бы неплохо... И сейчас, похоже, самое время...»

Дверь в коридор была открыта, но Дима обнаружил, что не может заставить себя выйти в нее. Ощущение было такое, что его там кто-то ждет...

«Оружие...» – мысль пришла как будто извне. Дима огляделся. Взгляд упал на фонарь. Дима вернулся на середину комнаты, поднял фонарь с пола – тот оказался довольно увесистым, включил. Ослепительный луч осветил заплесневелые обои коридора, разогнав сумрак. Там было пусто. На душе у Димы стало чуть легче. Кот под шкафом тоскливо взвыл и замолчал. Держа фонарь наперевес, Дима вышел в коридор...

И тут хлопнула наружная дверь. Это могло означать только одно – вернулся хозяин. Еще секунда – и Дима попался. Он круто развернулся, намереваясь кинуться в глубь квартиры и где-нибудь спрятаться... И тут ослепительный луч фонаря высветил нечто совершенно невообразимое: на расстоянии нескольких шагов от Димы оскалил клыки зверь настолько чудовищный, что сознание Димы отказалось принимать его как реальность... Но это был не глюк. Глюк не отпрянул бы и не зажмурился от яркого света...

В следующее мгновение исторгнутый чудовищем страшный рык поверг Диму в панический ужас. Дима выронил фонарь, завопил и, не разбирая дороги, бросился наутек... И затрепыхался в железных объятиях.

Глава тридцатая, в которой заключаются договоры и даются обещания, которым не суждено быть исполненными

*Встретив ночью тролля-хищника, попробуйте его рассмешить.
Проще всего это сделать, рассказав о своих планах на завтра.*

Дима забился, заколотил руками... И захват стал настолько мощным, что лишил Диму возможности дышать.

Дима обмяк, понимая, что сопротивление бесполезно...

И обнаружил, что схватил его не ужасный монстр, а Карлссон.

– Это кто к нам пожаловал? – поинтересовался фальшивый бизнесмен.

– Это... я... – задышавшись, прохрипел Дима. Предполагаемый киллер Карлссон показался ему сейчас самым чудесным и обаятельным парнем на свете.

– Там... Там...

За спиной вновь раздался леденящий душу рык. В затылок Димы пахнуло жаром, колени его подогнулись, и, если бы Карлссон не держал его за воротник, Дима бы не устоял на ногах. Карлссон, повелительно бросил несколько слов на незнакомом языке. Ответом ему был еще один рык, потише. Потом короткий рывок и тишина.

Карлссон разжал объятия и взял Диму за нижнюю челюсть. Вернее, за нижнюю половину лица – такая у него был ручища. Небольшие глазки мнимого бизнесмена жутковато поблескивали в полумраке. Диме показалось, что Карлссон его не узнает. Нет, все-таки узнал.

– Ты разозлил моего пса, – буркнул он. – Светил прямо ему в глаза.

– Так это собака? – В Димином голосе смешались изумление и облегчение. – Господи, ну и чудовище! Таких что, специально у вас в Швеции разводят?

Говорил Дима невнятно. Довольно неудобно говорить, когда тебя крепко держат за челюсть.

Карлссон не ответил. Он стоял неподвижно, глядел на Диму и размышлял. Дима попытался освободиться, но Карлссон и не подумал разжать руку. Дима вспомнил, с кем имеет дело, и понял, что рано расслабился. Неприятности только начинались.

– Ты зачем сюда залез? – спросил Карлссон.

– Да я... – Дима замялся. Действительно, внятно объяснить цели его экспедиции было трудно.

А сочинять что-то правдоподобное он был сейчас не в состоянии.

– Воровать пришел?

Проклятая псина куда-то убралась. Но Дима всё равно чувствовал ее вонь, и еще – что жизнь его висит на волоске. Было нечто в равнодушном голосе хозяина этого свинарника...

– Вы бы отпустили меня, господин Карлссон. Ничего я у вас не крал. Тут и красть-то нечего.

– А зачем залез?

– А там не написано, что это ваша квартира! – Дима повысил голос. – И замка на двери нет. Отпустите меня, пожалуйста! Мне домой пора.

– Домой?

Дима едва ли не впервые услышал, как Карлссон смеется. Смех был неприятный – как ржавой пилой по железу. Где-то в глубине квартиры снова зарычал пес. Дима мог бы поклясться, что мерзкой твари тоже весело.

– Зря ты сюда залез, человечек, – отсмеявшись, сказал Карлссон и отпустил Димино лицо. – Ну давай – убегай.

В этот миг Дима узнал, что такое ясновидение. Ближайшее будущее так ярко и жутко развернулось в Димином мозгу, что он ни на мгновение не усомнился в его истинности. Дима как клещ вцепился в Карлссона и заорал:

– Не убивайте меня! Я никому ничего не скажу!

Карлссон отпихнул незваного гостя. Дима пролетел метра полтора, стукнулся затылком о комод, но даже не заметил этого.

«Я не хочу умирать! – вопило все его существо. – Я не хочу!!!!»

– Назови причину, по которой мне следует оставить тебя в живых, человечек! – негромко произнес Карлссон.

Позади Димы раздался низкий утробный рык.

– Не надо! – взывал Дима. – Я не вор и не шпион! Мне плевать, кто вы! Хоть оружием торгуйте, мне-то что! Я сюда полез только ради Кати... Я хотел ее защитить!

В маленьких невыразительных глазах Карлссона что-то промелькнуло.

– Защитить? От кого?

– От вас! От всех!

Карлссон оказался рядом с Димой, поднял его за шкурку, как котенка, хотя Дима был существенно выше ростом.

– Рассказывай, – приказал Карлссон. – Всё.

И Дима, стараясь не очень громко лязгать зубами, выложил все как есть: о своих подозрениях, о Катином упрямстве, о поисках логова киллера, о переходе по карнизу, о веревочной лестнице и даже о проведенном в комнате обыске. Карлссон слушал с любопытством. Под конец он рассмеялся – не так, как первый раз.

– Ты полагал, что я желаю ей зла? Очень забавный, но смелый человечек, – сказал он. – Думаю, Малышка огорчится, если ты исчезнешь. Ладно, я тебя отсюда выведу. Но не вздумай больше приходить. Тебе очень повезло сегодня... – Карлссон рывком поставил Диму на ноги и потащил за собой, не обращая внимания на то, что рычание из темноты зазвучало громче и свирепее.

– Стой! погоди! – внезапно уперся Дима.

– Что еще, человечек?

– Поклянись, что ты не сделаешь Кате ничего плохого!

– Что-о?!

– Пообещай, что ты не втравишь Катю в свои игры!

Карлссон остановился, приплюснул Диму к стене.

– А ты наглец, человечек, – проговорил он, пожалуй даже с уважением. – Никак не могу понять: то ли ты очень храбрый, то ли очень глупый...

– Поклянись, что оставите Катю в покое! – упрямо проговорил Дима, изо всех сил стараясь побороть страх. – Зачем она вам? Она – обычная девушка, а вы...

Карлссон засмеялся. От этого смеха душа Димы, и так обитавшая где-то в районе пяток, опустилась ниже уровня пола.

– Обычная девушка... Ну ты сказал, человечек...

Рычание в глубине квартиры вторило жуткому смеху.

Внезапно хватка Карлссона ослабла. Он произнес что-то на незнакомом языке, и утробный рык пса оборвался.

– Думаешь, я желаю Малышке зла? – спросил Карлссон.

– Я так не думаю, но... Неважно. Просто оставьте ее в покое, забудьте о ней – и всё.

– Не могу, – сказал Карлссон. – Тогда ей будет очень плохо.

– Думаете, она настолько к вам привязалась? – желчно произнес Дима.

– При чем тут я? – произнес Карлссон. – Ее пометил сид. Эльф, по-вашему.

– Какой такой эльф? – буркнул Дима.

– Я пока не знаю, какой, – Карлссон почесал бровь. – Надо выяснить. Хочешь мне помочь его найти, человечек?

– Я?

– А тут есть еще один человечек? – фыркнул Карлссон.

– Меня зовут Дима!

– Мне всё равно, как тебя зовут. Ты не ответил.

– Я уже помогаю, – буркнул Дима.

– Да ну? – заинтересовался Карлссон. – Ну-ка расскажи...

Дима, слегка воспрявший духом (убивать его, похоже, больше не собираются, и страшная зверюга молчит), поведал Карлссону о своих поисках в Интернете.

Карлссон выслушал очень внимательно, но в заключение заметил, что Дима так ничего толком и не узнал.

– Но у меня совсем мало данных! – запротестовал Дима. – Я должен знать хотя бы примерно, с кем или с чем связан твой эльф.

– Я пока не знаю, с кем он связан, – с досадой сказал Карлссон. – Знаю только, что он вертится где-то совсем рядом, но я его не вижу...

– А кто этот эльф вообще такой? – В груди у Димы разгорелся шпионский азарт. – Чего он хочет от Кати? Почему именно от нее?

– Можно сказать, что для таких, как он, Малышка очень привлекательна. В ней есть... – Карлссон задумался, подыскивая слово... – Первичное начало. Сид ищет таких, как она, – и губит. Ему необходимо уничтожить в год не меньше одной такой, как Малышка, чтобы чувствовать себя нормально.

– А-а-а... – Дима наконец начал что-то понимать. – Так вы ищете маньяка-убийцу. Серийного.

– Можно сказать и так, – ответил Карлссон.

Все встало на свои места; нестыковки сошлись, странности объяснились. Дима поверил Карлссону – и сразу успокоился. У него как будто свалился камень с души; ему даже стало легче дышать.

– Вы из Интерпола, что ли? – ляпнул он.

Карлссон вопрос проигнорировал. Дима покраснел.

– Извините. Я понимаю, что о таком вслух не спрашивают. Говорите, чем я могу помочь?

Карлссон задумался.

– Я не могу быть в двух местах сразу. Или я ищу, или сторожу. Но если я буду только сторожить, сид меня переиграет...

Дима жадно внимал. О подобных шпионских игрищах он и мечтать не смел.

– Ищи эльфа. Он где-то совсем рядом. Им может оказаться кто угодно.

– Приметы? – деловым тоном спросил Дима. – В смысле, как его вычислить? Как вы сами его узнаете?

– Я его учую, – сказал Карлссон.

Очень информативно, подумал Дима.

– А я? Как его узнать мне?

– Тебе – никак. Но ты можешь наблюдать за Малышкой. Если вдруг она будет выглядеть больной, утомленной... Ты должен выяснить, с кем она перед этим общалась. А если она не сможет вспомнить, что с ней было... – Карлссон замолчал.

– Что – если она не сможет вспомнить?

– Тогда – плохо. Тогда ты должен найти меня. – Лапа Карлссона опустилась на Димино плечо и подтолкнула его к выходу, точнее – на железный балкончик.

– Вот веревка, – показал Карлссон. – Помочь тебе спуститься, *Дима*?
– Нет, я сам, – отказался Дима, попрощался и торопливо полез вниз. По дороге он думал, как будет глупо, если после всего пережитого он сорвется из-за того, что у него дрожат руки.

Вечером Дима все-таки пошарил еще в Интернете, но ничего толкового не нашел. Разве что в криминальных новостях прочитал про убитую девушку, тело которой они с Катей видели в Дубках. Оказалось, что девушка, хоть и не была наркоманкой, все-таки умерла от передозировки героина. Перед этим девушка имела интимный контакт. Генетический анализ спермы результата не дал.

Вернее, дал такой результат, что эксперт счел его ошибочным. Но этой информации в статье не было.

* * *

Двое сидели в отдельном кабинете казино «Конти». Один вертел в руках незажженную сигару, покашливал... Нервничал.

Второй был совершенно спокоен.

На белоснежной скатерти между ними стоял графин с прозрачной жидкостью и два бокала. Еще небольшая тарелка с фруктовым салатом. Больше ничего. В графине была не водка – вода.

– Возьми, – спокойный положил на скатерть цветную фотографию.

Нервный взял.

– Милашка, – сказал он. – Где вы их только находите?

– Не твое дело, – холодно произнес спокойный. – Адрес – на обратной стороне. Порядок и такса – обычные.

– Охрана?

– Ты глухой? – осведомился спокойный. – Я сказал: порядок обычный.

– Ну да, конечно, – поспешно согласился нервный. Потер ладони, сказал, не поднимая глаз: – Надо бы немножко прибавить, гражданин начальник. – Риск увеличился. Ту, майскую, нашли, вы знаете?

– Знаю, – уронил спокойный. – Тебе-то что?

– Ну-у... На серийку может потянуть... Тогда мусора по-другому рыть станут.

– Тебя это не касается.

– Это как сказать...

– Это надо понимать так, что ты отказываешься? – спросил спокойный.

Нервный смутился:

– Да нет, что вы... Я просто... Пацаны, типа, нервничают...

– Пацаны – это, типа, твои трудности, – насмешливо произнес спокойный. Отпил воды из бокала. – Ты что – «кокса» нюхнул? – внезапно спросил он.

– Я? Нет! С чего вы взяли?

– Суетишься не по делу.

Спокойный поднялся, положил на стол конверт.

– Аванс. Как обычно, – сказал он. – Я с тобой свяжусь. – И вышел из кабинета.

Нервный разорвал конверт, быстро пересчитал купюры, отделил одну, в пятьсот евро, остальные сунул во внутренний карман, поглядел еще раз на фото, облизнулся и спрятал туда же. Потом позвонил, вызывая службу.

– Убери этот силос, – брезгливо велел он халдею, показав на салат. – Водки мне принеси. Стейк. Потолще и с кровью.

Халдей исчез.

Нервный посмотрел на свои руки. Руки дрожали. Он сжал кулаки и грязно-грязно выругался. Не помогло. Каждый раз после общения с этим козлом у него было так.

«Чего я боюсь? – сказал он сам себе. – Такого задохлика щелчком пришибить можно. Бабки конкретные, работа, реально, пустяковая. Что ж меня так колбасит?»

Глава тридцать первая

Катя и настоящие бандиты

*Доброе слово и дубина убеждают лучше, чем просто доброе слово.
Если дубина достаточно большая, без доброго слова можно
обойтись.*

Тролльная поговорка

Катя возвращалась из издательства. С гонораром. И новой балладой, которую ей все-таки всучили, хотя она и пыталась взять перерыв. Катя чувствовала, что ей в ближайшее время будет не до переводов.

Катя шла по улице Рубинштейна и думала о том, что лето кончается, – в Петербурге оно такое короткое. И еще о том, что скоро начнутся занятия на курсах... Было приятно думать о чем-то таком... Обыденном.

– Девушка, а девушка!

Катя не обернулась. Оборачиваться нельзя. Вообще-то она не испугалась. Вокруг люди. Еще достаточно светло...

Катя не оглянулась и не остановилась. Наоборот, прибавила шаг.

– Эй, малышка, стой! Стой, тебе говорю! – Катя услышала топот за спиной и поняла, что так просто отделаться не удастся. Теперь она оглянулась и увидела, что ее догоняют двое парней самого хулиганского вида. Она завертела головой в поисках кого-нибудь, к кому можно обратиться за помощью: милиционера, охранника или хотя бы просто крепкого мужчины... Но как назло вокруг были только старушки и какие-то задохлики.

Катя сунулась к одному, но тот сделал вид, что не услышал Катиных слов. А парни тем временем ее догнали.

– Девушка, не бойтесь, мы вам – ничего плохого! – заявил один из них, хватая Катю за руку.

Его тон и действия категорически противоречили смыслу сказанного.

– Помогите! – крикнула Катя, безуспешно пытаясь освободиться.

Приостановился какой-то пожилой мужчина, но другой парень сказал ему:

– Иди, иди, дед, это подруга его!

– Я не подруга! – возмутилась Катя.

Парни заржали.

Дед послушно двинулся дальше.

– Тихо, лялька, тихо, не то хуже будет, – с угрозой процедил тот, что держал Катю, прыщавый, в кожаной куртке с надписью по-английски «Чикаго буллз». – Никто тебе не поможет. Здоровье дороже. А вот и наша тачка...

У тротуара припарковалась потрепанная «восьмерка» с транзитным номером под стеклом.

Катя поняла, что дела ее совсем плохи.

– Пустите меня немедленно! – отчаянно закричала она, но крик ее утонул в рычании тройки здоровенных мотоциклов, торжественно и неторопливо проехавших мимо. Один из мотоциклистов приотстал, посмотрел на Катю... И тут же газанул, догоняя своих. И этот испугался!

– Сказал, не ори! – рявкнул парень и прыснул из баллончика Кате в лицо. Она инстинктивно зажмурилась, но все равно вдохнула... И голова ее закружилась, ноги стали ватными...

Дверь «восьмерки» открылась, водитель вылез, откинул сиденье, Катю, отчаянно сопротивляющуюся, запихнули внутрь, машина тронулась...

И вдруг оказалась в окружении мотоциклистов. Один ехал впереди, двое по бокам, причем – очень медленно.

Сзади тут же недовольно загудели...

Катя слышала это гудение, но уже ничего не видела. Перед глазамиплыли разноцветные круги...

Очнулась она от резкого запаха нашатыря.

Она дернулась и попыталась увернуться от мерзкой ватки, но ее держали крепко. Зато спустя несколько секунд в голове у Кати прояснилось, и она увидела над собой довольно-таки страшную рожу, наполовину заросшую желтой бородицей и «увенчанную» голым загорелым черепом. Катя узнала его мгновенно: Коля Голый.

– Зачем вы меня... – непослушным языком пролепетала Катя.

– Очухалась, малышка, – с удовольствием констатировал хозяин «Шаманамы» и поднес к Катиным губам кружку с пивом. – Горло прополощи, помогает.

Катя отказываться не стала – пить хотелось ужасно. Желтобородый Коля ухмыльнулся.

Катя обнаружила, что сидит на диванчике в каком-то полутемном зале.

– Зачем вы меня увезли? – повторила вопрос Катя уже более четко.

Хозяин «Шаманамы» заржал. Его поддержала еще пара глоток.

– Слышь, Баран, она думает, что это мы ее свинтили! – заявил хозяин «Шаманамы», и трое окруживших Катю здоровенных мужиков покатались от хохота.

Катя разглядела позади них что-то вроде гардероба, а около гардероба – тетку в синем халате, взиравшую на Катю и ее окружение с большим неодобрением.

– Вообще-то это не мы, – сказал Коля Голый, и Катя наконец обратила внимание на то, что на нем – черная куртка из толстой кожи и такие же штаны. Двое остальных были одеты практически так же. Она сообразила, что это и есть трое байкеров, продефилировавших мимо, когда Катю затаскивали в машину.

– Спасибо... – пробормотала она.

– Спасибо не булькает! – ухмыльнулся хозяин «Шаманамы».

Тут Катя вспомнила о полученных деньгах, которые были в сумочке... А там еще и документы! Если они пропали...

Но сумочка лежала рядом, на диванчике. И деньги оказались на месте.

– Давайте я вас угошу... – пролепетала Катя. – Чем-нибудь...

– Гусары, молчать! – гаркнул Коля, и Катины спасители снова заржали.

– Всё, хорош, – сказал Коля. – Братва, пошли отсюда. На, мать, спасибо за лекарство! – Он сунул женщине в халате сторублевку.

Они все вывалились на улицу (Катю бережно поддерживали за локоток) и двинулись к мотоциклам. Катя сообразила, что это та же самая улица Рубинштейна. «Восьмерки» с транзитными номерами не было. Зато у тротуара валялась запомнившаяся Кате куртка с надписью «Чикаго буллз». Надпись сохранилась отлично, а вот у самой куртки был такой вид, словно по ней проехался грузовик.

– А-а-а, трофей! – Хозяин «Шаманамы» ловко поддел ногой куртку и послал ее в урну. – Гол! – Он уселся на мотоцикл, похлопал по сиденью: – Устраивайся, малышка, подбросим тебя домой. Куда тебе?

Катя уселась на теплое сиденье.

– Тут, рядом... – сказала она.

Ее подвезли к самому подъезду.

– В гости не напрашиваемся, – сказал хозяин «Шаманамы». – Мы помним, какой у тебя дружок грозный. Привет ему! Передай: пусть присматривает за тобой получше! И пусть заходит. Устроим матч-реванш!

Глава тридцать вторая, в которой Катя получает в подарок тысячу с лишним американских долларов и строит планы на будущее

*Однажды пришли гоблины в одну английскую деревеньку.
– Колдуны в деревне есть? – спрашивают.
Испугались крестьяне:
– Нет, – говорят.
– Тогда с каждого – по мерке ячменя.
И так продолжалось года три, а потом крестьяне скинулись,
наняли колдуна-эльфа, чтоб гоблинов отпугнул. Мерка ячменя –
не много, но все равно жалко.
Гоблины пришли, как всегда, спрашивают:
– Колдуны в деревне есть?
Крестьяне расступаются, вперед выходит эльф.
– Ну я колдун, – говорит.
Гоблины расступаются, и выходит тролль.
– Ага, – говорит, – колдун! С колдуна – две бочки эля, а с
остальных – по мерке ячменя, как обычно.*

Катя бегом поднялась на последний этаж, полезла за ключами и только тогда заметила, что ее трясет.

«Всё обошлось, – мысленно уговаривала она себя. – Всё хорошо, волноваться не надо».

С третьей попытки попав ключом в замочную скважину, Катя наконец оказалась дома. Сил как раз хватило, чтобы поставить чайник. Кате было нехорошо – должно быть, еще не прошло действие газа. Ее мутило, лицо горело, руки дрожали. Катя всхлипнула. Ей вдруг ужасно захотелось домой, в Псков, причем прямо сейчас, и чтобы обратно не возвращаться.

Преодолевая слабость, она встала и сделала себе растворимого кофе. Когда кофе был выпит, противная дрожь почти прекратилась. Головокружение и тошнота тоже прошли. Катя перебралась к телефону и набрала Лейкин номер. Лейка оказалась дома.

– Але, – кашляя, произнесла она. – Катерина, ты?

– Лейка, привет... – быстро заговорила Катя. – У меня сейчас такое было! Похитить меня пытались, представляешь? Прямо на улице, подошли какие-то типы, прыснули в лицо газом из баллончика и затащили в машину. Хорошо, мимо знакомые проезжали, вмешались...

– Да ты что! – ахнула Лейка, – Сама-то – как, в порядке?

– Более-менее. Руки дрожат, слабость... Слушай, что мне теперь делать? В милицию заявить?

– М-м-м... ты номер машины запомнила?

– Кажется, нет...

– Ну и не возись. Все равно не поймают. Да ты не переживай. В принципе, это обычное дело. Это тебе не Псков, – Лейка снова раскашлялась. – В мегаполисе масштабы преступности совершенно другие. Меня однажды тоже чуть не увезли...

– Слушай, приходи ко мне, – перебила ее Катя. – Что-то мне тут неуютно одной... честно говоря, немножко страшно.

– Не могу, – хрипло ответила Лейка. – Я заболела.

– Что с тобой?

– Ангина, кажется. Горло болит. Это все Дети Ши, чтоб им пусто было. Наверняка после их идиотских прогулок по воде я простыла. И туфли испорчены... Хочешь, приходи ко мне сама. Я вроде не заразная. Стресс тебе полечим.

– Приду, – сразу согласилась Катя. Ей было любопытно. Она ведь у Лейки еще не была.
– Куда?

– От тебя недалеко – по набережной Фонтанки, вкось от Аничкова дворца, такой серый дом с эркером, квартира четыре, вход со двора...

– Быстро нашла! Проходи, – прошептала Лейка, открывая тяжелую дверь. В таком виде Катя ее тоже раньше не видела: бархатный домашний халат, шлепанцы с помпонами, шерстяные носки, горло замотано шарфом.

– А почему шепотом? – спросила Катя, снимая кроссовки. – Дома кто-то есть?

Лейка помотала головой.

– Горло берегу. Лучше один день полечиться, чем потом неделю хрипеть.

– А чем ты лечишься?

– Пошли на кухню, покажу.

Лейкина квартира, законсервированная в состоянии недоделанного евроремонта, производила впечатление чего-то грандиозного и хаотичного. Высокие потолки с лепниной, здоровенные окна-арки с видом на Фонтанку, обстановка в стиле модерн, склад стройматериалов у дверей и недоклеенные обои в коридоре. Сосновая кухня с простодушными кастрюлями и лоскутными прихватками, до которой декораторы явно еще не добрались, показалась Кате куда более уютной. На столе и кухонном диванчике валялись разнообразные женские журналы. В воздухе воняло пивом.

– Хочешь? – просипела Лейка, доставая из холодильника бутылку «Хайнекена».

– Нет, – ответила Катя. – Лучше кофе.

– Ну как хочешь, – Лейка налила себе полную кружку.

– Ты рехнулась? С больным горлом – холодное пиво?

– Почему холодное? – И Лейка поставила кружку в микроволновку.

Катя вытаращила глаза.

– Я так лечусь, – пояснила Лейка. – Горячее пиво – лучшее лекарство от простуды.

– Это же, наверное, страшная дрянь, – пробормотала Катя.

– Дрянь, – согласилась Лейка. – Но если сразу не стошнит, то поправляешься за сутки.

Ну давай, рассказывай, что там у тебя случилось, а то я по телефону ничего не поняла.

Катя снова пересказала свои приключения, с радостью отметив, что может говорить о них почти спокойно. Ее уже не трясет, не накатывает страх, и желания сбежать домой, в Псков, поубавилось. Безумная Лейка с ее кипяченым пивом произвела на Катю отличное терапевтическое воздействие. К тому же и к Катиной истории Лейка отнеслась как к чему-то вполне обыденному.

– Угу, – кивала она, отпивая свою «целительную» жидкость. – У нас в Питере смотри в оба. Мне кучу подобных случаев рассказывали. Стоит девушка на остановке, вдруг останавливается джип, оттуда ее – хватать, и все, только ее и видели. И со мной такое один раз случилось...

– Правда? Затащили в машину?

– Ну не совсем... Села-то в машину я сама. Вечером из гостей возвращалась. Холодно, маршруток нет. Останавливается какой-то мужик и говорит: девушка, вас подвезти? Я думаю – почему бы и нет? А этот козел меня повез куда-то в другую сторону...

– И что ты сделала?

– Пригрозила ему, – самодовольно сказала Лейка. – Сказала, что у меня отец – подполковник ФСБ, мобильник достала, сказала, если он немедленно не остановится, я позвоню – его сразу заберут. Мужик, по-моему, не поверил насчет полковника, но меня отпустил. Ему, наверно, просто оттянуться хотелось, а не проблем огрести. А я потом полчаса ковыляла по гололеду...

– А у тебя мобильный телефон есть? – удивилась Катя. – Почему ты тогда его не носишь?

– Валяется где-то... На нем деньги кончились. Давно уже. Раньше папа платил. Чтоб, значит, всегда знать, где я. А теперь самой надо... И вообще я тариф хочу поменять. Димка, вон, тоже без мобильного ходит. Говорит: так свободнее.

– А мне бы надо мобильник купить, – задумчиво сказала Катя. – Мало ли... А то если бы не те байкеры... Страшно представить, что бы со мной сейчас было...

Лейка скривилась:

– Байкеры... Хрен редьки не слаще. Тебе повезло, что у них случилась блажь – девушку спасти. Будь они в другом настроении, еще неизвестно, чем бы это кончилось.

– Да они мне не просто так помогли, а потому что знакомые Карлссона, – пояснила Катя. – Помнишь Карлссона? Он тебя как-то провожал...

На лице Лейки промелькнуло странное выражение.

– Припоминаю... – прошептала она.

– Так вот, мы с ним на днях ходили в один бар... – Катя с увлечением начала рассказывать про «Шаманаму» и чемпионат по армрестлингу. Лейка слушала с каменным лицом и рассказ никак не комментировала.

– ...И оказалось, что Карлссон выиграл кучу денег! Тысячу долларов, а может, и больше! Они так у меня и лежат, а Карлссон про них как будто забыл. Надо бы ему напомнить... Кстати, как ты думаешь – рассказать ему о похищении?

– Зачем? – холодно спросила Лейка. – Он же тебе не бойфренд и не родственник.

– Он мой друг, – сказала Катя. И подумала о том, что Лейка ведет себя как-то непонятно. С той вечеринки ни разу о Карлссоне не заикалась. «Наверно, она к нему клеилась, а он ее отшил, – подумала Катя не без удовольствия. – И правильно. Что у него может быть с ней общего?»

– Ты права, наверно, – сказала Катя вслух. – Зачем расстраивать человека?

Лейка кивнула и сменила тему:

– Кофе готов. Тебе коньяку капнуть?

– Не надо... Хотя, давай. Только немножко...

* * *

Крохотный телефон в зажиме над лобовым стеклом джипа звякнул чуть слышно, но у его владельца был замечательный слух.

– Да.

– Это я. Они провалили дело.

– Почему?

– Вмешались какие-то посторонние. Их очень сильно избili. Двое – в больнице. Посредник требовал у меня компенсацию...

– Он получил аванс? – перебил его собеседник.

– Да, но...

– Он его вернет, – безапелляционно заявил хозяин джипа. – Я пришлю к нему пацанов. Дай им его координаты. Они заберут аванс и сделают всё сами.

– Ты уверен, что они справятся?

– Уверен.

– Может, на всякий случай подготовить кого-нибудь из детишек?

– Хороший пастырь не режет своих овец без особой необходимости, – сказал хозяин джипа. – Особенно если рядом бродят такие аппетитные оленята, – добавил он и рассмеялся.

* * *

За окном было совсем темно. По крыше барабанил ливень.

Катя и Карлссон сидели на кухне и пили чай.

– Ага, пока не забыла... – Катя достала носок с долларами. – Вот твои деньги – в целости и сохранности.

Карлссон посмотрел на деньги с глубоким равнодушием:

– Это что?

– Деньги. Твои. Которые ты выиграл в «Шаманаме».

– А зачем они мне?

– Как это – зачем? Тут больше тысячи долларов!

Карлссон пожал плечами, как будто хотел сказать: «Да хоть две».

Катя поняла, что он это – совершенно серьезно.

– Ты что, такой богатый, что для тебя это не деньги? – спросила она.

– Мне вообще не нужны деньги, – объявил Карлссон. – Я легко обхожусь без них.

Катя засмеялась:

– А еду на что покупаешь?

– Я охочусь, – хладнокровно сказал Карлссон. – А если день неудачный, можно и поголодать. Или к тебе в гости зайти.

– А пиво? – не сдавалась Катя. – Ты же его не сам варишь?

– Не сам, – согласился Карлссон. – Но я знаю, как его добыть. Надо просто подойти к ларьку и попросить. Когда я прошу, мне не отказывают.

– А... – Катя пыталась придумать, на что еще Карлссону могут понадобиться деньги. За квартиру он не платит... одежда... налоги... что еще? Пока она размышляла, Карлссон сказал:

– Возьми их себе. Я вижу, тебе они нравятся.

Он не шутил.

Катя взглянула на пачку долларов и попыталась ощутить себя их владелицей. Получилось не очень. Ситуация, когда постоянно приходится делать тяжкий выбор – купить новую кофточку или нормально пообедать, – была ей куда привычнее. Ничего умнее, чем скупить весь «Кислород» и каждый день появляться на работе в новом наряде, Кате на ум не приходило. «Снова за батареею их положить на черный день, что ли?» – размышляла она. – Или куда-нибудь съездить – на юг, например? А работа, учеба? Учеба! Я же с этими деньгами смогу поступить куда угодно! – осенило ее. – Хотя в университет, если только еще не поздно... Завтра же поеду выяснять! А если опоздала с универом, то переброшу документы в Герцена, на платное, как советовал Сережка...»

– Твой чай стынет, – напомнил Карлссон.

Катя очнулась и взяла чашку.

– Ты был прав – мне эти деньги действительно оченьгодились бы. Я ведь приехала сюда поступать – и провалилась. Думаешь, я от хорошей жизни эти шотландские баллады перевожу? Но теперь, когда есть средства, – все поправимо.

– Поступать? – не понял Карлссон.

– Да, в университет.

– А, – Карлссон кивнул. – В Уппсале есть университет. Там дубы красивые. Хочешь туда?

– Нет, я хотела в здешний, педагогический. На иняз, – уточнила Катя.

– Куда?

– Факультет иностранных языков.

– Чему там учат? – поинтересовался Карлссон.

– Иностранным языкам, чему же еще?

– И всё?

– Ну, наверно, не всё. Может, еще какие-нибудь общеобразовательные предметы...

– Философия, теология, латынь, – подсказал Карлссон.

– Ну, это вряд ли, – засмеялась Катя. – Мне это точно не нужно.

– А что тебе нужно?

– Знать английский. Безупречно. И еще один-два европейских языка – на приличном разговорном уровне.

Карлссон взглянул удивленно:

– Говорить по-английски? И ради этого надо идти в университет? Давай я тебя научу.

Катя взглянула на него с сомнением:

– Ты же знаешь только староанглийский диалект.

– С чего ты взяла? Я современный тоже знаю.

– А немецкий?

Карлссон кивнул.

– Французский? – не отставала Катя. – Может, еще какие-нибудь языки?

Карлссон помолчал, шевеля губами, как будто что-то подсчитывал про себя. – Я говорю на восемнадцати языках, – сказал он. И уточнил: – Вообще-то больше, но других сейчас уже не помнят.

Катя недоверчиво усмехнулась. Но в душе она, конечно, была потрясена.

– А зачем тебе платить деньги за университет, если можно их не платить? – спросил вдруг Карлссон.

– С бесплатным образованием я уже пролетела, – пояснила Катя. – Не сдала экзамен по истории.

– Хочешь, я попрошу, чтобы тебя приняли туда бесплатно? Ты только выясни, кто там решает.

– Попросишь? – Катя усмехнулась. – Это как с пивом?

– Угу. Я же сказал: если я прошу, мне не отказывают.

– Спасибо, не надо, – быстро сказала Катя. Она опасалась, что после «просьбы» Карлссона ее не возьмут в университет даже за деньги.

– Как хочешь.

Несколько минут они молча допивали чай. Катя планировала завтрашний день.

«Сначала – в университет, потом...»

В тишине резко зазвонил телефон. Это была Карина. Непохожая на себя – печальная, встревоженная.

– Катенька, ты можешь завтра заехать ко мне в студию? – спросила она.

– Могу, наверно. Что, опять съемки?

– Нет, – Карина помолчала и, как будто через силу, добавила: – Мне с тобой надо поговорить...

– Что-то случилось? – встревожилась Катя. – Какой-то у тебя голос странный...

– Ничего, – тут же отозвалась Карина. – Просто замоталась, переутомилась... У тебя самой-то все нормально? На работе?

– Ага, – Катя заулыбалась, поняв, что Карина намекает на Селгарина. – Никто меня не обижает. Вот только сегодня похитить меня пытались, а так все отлично.

– Как похитить? – глухим голосом переспросила Карина. – Кто?

– Какие-то гопники. Привязались, хотели затащить в машину. Ерунда.

Карина промолчала. Кате показалось, что она хотела что-то сказать, но передумала.

– Так до завтра, да? А то у меня тут гость сидит...

– Береги себя, – сказал Карина. – И обязательно зайди.

Катя повесила трубку, вернулась в кухню и встретила взгляд Карлссона.

– Почему ты мне не рассказала, что тебя пытались украсть? – спросил он таким же тоном, как Карина.

«Надо же – услышал! Через стенку!» – в очередной раз поразилась Катя. Она никак не могла привыкнуть к феноменальному слуху своего соседа.

– Все же обошлось.

– Рассказывай! – потребовал Карлссон.

– Да чего там рассказывать... Лейка сказала – это у вас обычное дело. Шла я из «Омеги-плюс», тут ко мне подходят какие-то парни...

Катя рассказала историю похищения еще раз. Карлссон слушал, не отводя от Катиного лица неподвижного взгляда. Катя подумала, что иногда он умеет смотреть так, что становится не по себе. Именно так он смотрел на нее, когда обнаружил метку сида...

– Тебе сегодня повезло, – сказал он, когда она закончила. – Но больше такого не повторится.

– Чего не повторится? Похищений?

– Нет. Случайного везения.

– Конечно, – согласилась Катя. – Два раза подряд везти не может.

– Я не это имел в виду, – сказал Карлссон. – Я имел в виду – за тобой присмотрят.

– Кто? Ты?

Карлссон отрицательно покачал головой.

И больше Кате не удалось из него вытянуть ни слова.

Глава тридцать третья, которая начинается с правильных мыслей, а заканчивается четырьмя трупами

Маленький гоблин выкапывает из могилы мертвеца. Мимо проходит эльф и делает ему замечание:

– Видела бы это твоя мама. Знаешь, что бы она с тобой сделала?

– Знаю, – говорит гоблиенок. – Убила бы. Это ее охотничья территория.

Катя проснулась поздно и с полчаса валялась в постели, наслаждаясь ощущением, что у нее начинается новая жизнь. Вернее, не новая, а правильная – та самая, которая едва не свернула куда-то под откос, когда Катя провалилась на экзамене. «Теперь все будет как надо, – мечтала Катя. – Вот сейчас я встану, выпью кофе, слегка подкрашусь и поеду в университет... Я буду студенткой университета!»

Перед Катиным внутренним взором замелькали образы, подозрительно напоминающие картинки из Лейкиных модных журналов – «студентка на лекциях», «студентка в кафе», «студентка на дискотеке», «студентка на свидании»...

«Поеду и запишусь на платное, – Катя вылезла из постели. – Но сначала надо зайти к Карине».

Катя умылась и занялась завтраком. Интересно, что от нее такое срочное нужно Карине. Ясно, что у нее – проблемы. Катя попыталась представить себе самое худшее, например, что Карина разоряется и ее студию продают за долги. А Катина карьера фотомодели вылетает в трубу. Кстати, эта мысль Катю не очень и огорчила. После демонстрации «невест» Катя несколько разочаровалась в шоу-бизнесе. Вернее, не разочаровалась, но былого восторга уже не было.

Катя уже почти оделась, когда ни с того ни с сего позвонил Илья Всеволодович и в категоричном тоне приказал немедленно явиться на работу. Катя не успела даже спросить, в чем дело, как он уже бросил трубку.

«Эх, когда же я сегодня доберусь до университета...» – подумала Катя, набирая номер «Вечной молодости». Карина взяла трубку почти сразу.

– Карина, привет. Я как раз собиралась к тебе...

– Ты все еще дома? Я тебя давно жду, – резко и властно сказала Карина. Катя даже подумала, что ее вчерашняя тревога и неуверенность ей померещились.

– Карина, а что случилось-то? Что за спешка? – спросила Катя. – У тебя проблемы?

Карина невесело усмехнулась:

– Это у тебя проблемы, Катенок. Причем очень серьезные.

– Что такое? – напряглась Катя.

– Это не телефонный разговор. Говорят тебе, беги в студию.

– Но я не могу прямо сейчас! Мне надо на работу! Я тебе потому и звоню...

– Пошли ее подальше, эту работу! Ты просто не понимаешь...

– Да, не понимаю – а ты мне ничего не хочешь объяснить!

– Через час! – категорически заявила Карина и бросила трубку.

«Удивительное дело – всем я сегодня срочно нужна», – с досадой подумала Катя. И решила, что работа – это все-таки главное, а Карина со своими загадками может и подождать.

Катя так и не поняла, зачем ее вызывал босс. Илья Всеволодович нес какую-то околесицу, строил какие-то совсем невнятные планы... Вдобавок то и дело звонил телефон – и всё:

«Не туда попали». Но после последнего звонка босс вдруг спохватился: мол, к завтрашнему утру ему нужно срочно подготовить пакет документов для КУГИ, и буквально выставил Катю за дверь.

В полной растерянности она попрощалась с охранником и вышла во двор. В офисе она провела почти полтора часа. Глупость какая-то! И Карина, наверно, заждалась. А может, уже и не ждет – она же бизнесвумен, у них весь день расписан по минутам...

До «Вечной молодости» было пешком минут десять, если напрямик через дворы. По дороге Кате захотелось мороженого. Раздумывая, какого именно мороженого ей хочется, Катя миновала первый двор. Во втором, между гаражами, поперек прохода стоял слегка обшарпанный джип с тонированными стеклами. У джипа покуривали двое мужчин. Нормальных, небандитского вида.

«Пожалуй, я возьму „Экстрим“, – подумала Катя. – Или, может, трубочку с черной смородиной...» Между джипом и гаражами оставался проход примерно метровой ширины. Мужчины окинули Катю совершенно равнодушными взглядами. Так на нее смотрели раньше, до знакомства с Кариной. Катя даже слегка на них обиделась. «Видели бы вы меня на том показе, – подумала она и нырнула в щель между джипом и гаражами... – Наверное, все-таки „Экстрим“...»

Жесткая широкая ладонь зажала Кате рот. В то же мгновение на ее голову накинута черный пластиковый мешок, оторвали от земли и забросили куда-то... Громко хлопнула дверца.

Кате уже не хватало воздуха. Она забилась...

Мешок сдернули с ее головы. Катя сидела внутри джипа, на заднем сиденье, стиснутая двумя мужчинами. Теми, что курили. Еще двое сидели впереди.

– Ни звука! – негромко, с угрозой произнес сидевший справа от Кати. – Язык отрежу.

В руках его не было ножа, но Катя только взглянула на него и сразу и безоговорочно поверила.

– Чисто отработали, – одобрительно произнес тот, что сидел за рулем.

– Делов-то... – пренебрежительно процедил угрожавший Кате. – Я бы один управился. Засылаю целую бригаду на малолетку...

– А тебе-то не по барабану? – с усмешкой сказал тот, что сидел справа от водителя. – Плата по таксе. Сидор, поехали!

Заурчал двигатель...

– Кондиционер опять полетел, – пожаловался водитель.

– Опустит стекла, – сказал его сосед. – Девушка будет вести себя тихо. Да, девушка? – Он повернулся, подмигнул Кате. – Доедем с ветерком!

Стекла на передних дверцах поползли вниз...

И тут что-то с грохотом обрушилось на крышу джипа.

– Ах ты!.. – заорал водитель, тут же страшно захрипел, потому что в окошко всунулась поросшая серой шерстью лапа с длинными пальцами, завершавшимися тупыми желтыми когтями, и пальцы эти сомкнулись на горле водителя. Раздался влажный хруст, и водитель обмяк... Но еще раньше точно такая же лапа просунулась во второе окошко и перехватила толстую шею второго похитителя, дернула его вверх, с силой ударив о дверцу...

Третий, тот, что угрожал Кате, выхватил пистолет и принялся палить в промявшуюся крышу. Катя моментально оглохла. Салон машины наполнился кислым дымом... Стрелок и его подельник, тот, что сидел с другой стороны от Кати, одновременно выпрыгнули из машины... И тотчас оба они взлетели вверх, словно их подцепило подъемным краном – только ногами дрыгнули. В следующее мгновение один из них со страшной силой врезался в дверцу гаража – прямо в соединенные замком петли. А второй тихонько сполз по капоту на землю... Крыша еще раз содрогнулась, джип присел на рессорах, качнулся... И всё.

Водитель не двигался, уткнувшись лицом в руль. Его сосед съехал с сиденья вниз и тоже не подавал признаков жизни. Угрожавший Кате лежал ничком у ворот гаража. Четвертого Катя не видела, но догадывалась, что и он уже не опасен...

Тем не менее Катя некоторое время набиралась храбрости, чтобы выйти из джипа. Вышла. На изрядно помятой крыше джипа – никого. Зато в соседнем дворе уже раздавались громкие голоса.

Катя шмыгнула в щель между гаражами, затаилась.

Минуты не прошло, а вокруг джипа собралась изрядная толпа. Катя тихонько выскользнула из своего закутка и смешалась с зеваками. Очень вовремя. Как раз приехала милиция. Место происшествия оцепили. К этому времени Катя уже почти пришла в себя. И попыталась тихонько улизнуть. Но ее перехватили на выходе из подворотни.

– Минутку, девушка!

Распаренный толстый мужчина сунул ей удостоверение:

– Вы были здесь, когда это произошло? Что видели?

– Что – это? – пискнула Катя, изображая глупенькую школьницу.

– Убийство! – буркнул толстяк. От него пахло спиртным.

– Какое убийство? – Катя наивно захлопала ресницами.

– Такое, – буркнул толстяк. И вдруг потянул носом воздух: – Значит, ничего? А что это у тебя от волос порохом пахнет?

– Не видела ничего! – быстро сказала Катя. – Зато выстрелы слышала!

– Да неужели? Пернушкин, иди-ка сюда!

Подошел еще один, в милицейской форме.

– Чего тебе, Иваныч?

– Ну-ка понюхай! – он ухватил Катю за волосы.

– Что вы делаете! – жалобно вскрикнула Катя. – Не трогайте меня!

На них мгновенно обратили внимание: зевак вокруг оставалось достаточно.

– Что вы ко мне пристаёте? – еще жалобнее воскликнула Катя. – Я здесь работаю! В соседнем дворе!

– Проверим! – пообещал Иваныч. – Нюхай, Пернушкин! Чуешь, чем пахнет?

В толпе послышались возмущенные реплики, но вмешаться никто не рискнул. Помощь пришла в виде пожилого крупного мужчины в форме, с погонами.

– Пернушкин! Асов! Немедленно отпустите девушку!

Пернушкин тут же отпрянул от Кати, но толстяк ее не отпустил.

– Товарищ подполковник, от волос у нее порохом пахнет! – заявил толстый.

Подполковник глянул на Катю: та изобразила смесь наивности и испуга. Испуг, впрочем, был естественный. Перепугалась она не на шутку. Даже больше, чем тогда, в джипе. Тогда она просто не успела испугаться по-настоящему...

– Сказать, чем от тебя пахнет, Асов? – грозно произнес подполковник. – Я сказал: отпусти ребенка! Чем вы тут занимаетесь, мать вашу так?

– Опрос свидетелей, товарищ подполковник! – бойко отпартовал толстяк.

– Так опрашивай, Асов! Опрашивай, а не к девушкам приставай! – раздраженно бросил подполковник. – Четыре убийства, а ты тут... – Он поглядел на Катю. – ...Детей пугаешь! Пернушкин! Запиши данные девушки и... Купи ей мороженого!

– Так точно, товарищ подполковник!

– И откуда ты взялась на мою голову? – сварливо пробормотал он, уводя Катю подальше от места происшествия. – Да не трясись ты, никто тебе ничего не сделает. Асов – он нормальный мужик. И опер толковый. Просто день у него сегодня трудный. Шутка ли – четыре жмура, и все на его земле... Видела что-нибудь?

– Выстрелы слышала, – с готовностью ответила Катя. – Три или четыре...

– Семь, – поправил милиционер. – Их весь квартал слышал. – Он похлопал себя по карманам. – У тебя ручки нет?

– Нет.

– Вот черт. И у меня нет! Ты тут что, живешь?

– Работаю, – сказала Катя. – Сторожем.

– И ничего не видела?

– Ничего! – Катя опять захлопала ресницами.

– Раз ничего не видела, так и записывать нечего, – решил милиционер. – Тебе какого мороженого? – Они как раз подошли к лотку.

Катя поглядела на его тощий бумажник и решила не вводить человека в расходы.

– Трубочку, – сказала она. – С черной смородиной.

Глава тридцать четвертая «Карлссона убили!»

Истинный тролль всегда голоден. Если он не голоден, значит, он умер. Или спит.

Троллина поговорка

«Так вот что вчера имел в виду Карлссон – когда говорил, что за мной присмотрят», – думала Катя.

Она шла по улице, ела мороженое, исподволь оглядывалась, но, конечно, Хищника не видела. Солнце светит, людей вокруг полно... Интересно, как он ухитряется прятаться?

Катя почти с жалостью вспомнила о своих неудачливых похитителях. Слабаки они – против тролля. Как он их! Раз-два – и все лежат. Точно как вампир какой-нибудь в ужастике. И всё это – среди бела дня. И никто ничего не видел.

«Что им всем от меня нужно? Я же никому ничего плохого не сделала! – мысленно возмутилась она. – Может, это – из-за Карлссона?»

Что если за ней охотятся, чтобы она выдала его убежище?

Катя остановилась у светофора... К Лейке, что ли, зайти? Рассказать новости? Только как ей расскажешь? Тогда ведь и про Хищника придется сказать. А это – тайна. Интересно, поверила бы ей Лейка? Милиция уж точно не поверила бы. Катя вспомнила толстого милиционера... Какой он все-таки противный! Потный, жирный, схватил ее так грубо... Ишь, прибежали, когда всё уже кончилось. Будут теперь искать, кто убил этих бандитов. А когда Катю два раза пытались украсть, милиции почему-то и близко не было. Хорошо, в первый раз мужики из «Шаманамы» поблизости оказались, а во второй раз – Хищник ее защитил. А если бы их не было? Вот у той девушки, тело которой нашли в Дубках, защитников не нашлось... А бандиты преспокойно разъезжают по городу на красивых машинах и делают что хотят...

Зажегся зеленый, Катя перешла улицу и двинулась к дому. Всё-таки хорошо, когда есть кому тебя защитить. Катя гордо откинула головку и пошла тем красивым шагом, которому научила ее Карина: легко, непринужденно, от бедра... Заметила, что практически все встречные мужчины обращают на нее внимание, и еще выше задрала подбородок...

Уже открывая двери, Катя вспомнила, что ей надо было срочно зайти к Карине. Ладно, сейчас она ей позвонит. Но сначала – Карлссон. Он должен знать...

Катя перелезла через подоконник.

– Карлссон! – закричала она. – Карлссон!

С его слухом он Катю за три километра услышит. Никакого телефона не надо...

Карлссон появился минут через десять.

– Привет, Малышка!

– Привет! – Катя встала с подоконника. – А меня сегодня...

Звук был такой, будто быстро-быстро защелкали кнутом, брызнули осколки кирпича. Карлссон прыгнул мигом раньше, ухватил Катю за плечо и грубо, как мешок, перебросил внутрь квартиры. Катя ударилась спиной об пол, и сразу же что-то врезалось в оконное стекло и, прошив его (не разбив!), ударило в кафельную плитку над мойкой, взвизгнуло и угодило в горку посуды, со звоном и грохотом посыпавшейся на пол. Катя вскочила (не самое умное, что она могла сделать, но она уже мало что соображала):

– Карлссон!

Карлссон (он стоял к ней спиной) мгновенно обернулся. Рубашка его была в крови.

– Беги! – закричал он. И тут сверху, на краю крыши, появился человек в камуфляже с коротким автоматом и сразу стал стрелять, причем Катя не сразу поняла, что он стреляет, потому что грохота выстрелов не было. Но когда вокруг завизжали пули, Катя тоже завиз-

жала изо всех сил, потому что видела, что несколько пуль попали в Карлссона. Но он не упал, а наоборот, прыгнул вверх, на каменные перила, а с перил – на крышу, ухватил стрелка за ногу... Все это произошло ужасно быстро: стрелявший потерял равновесие, завопил, автомат его полетел вниз...

И он тоже полетел вниз.

И вместе с ним – оторвавшийся край ржавого водостока, за который держался Карлссон.

Катя ахнула, бросилась было на площадку, потом, опомнившись, к дверям – и вниз по лестнице.

Внизу уже собралась толпа. Тот, кто стрелял, лежал на проезжей части. Вернее, у заднего бампера припаркованных у тротуара «Жигулей», крыша которых была вмята. Катя не рассмотрела стрелка толком, потому что увидела Карлссона.

Карлссон лежал на спине посреди тротуара. Он был еще жив – скреб пальцами асфальт и делал судорожные движения, словно пытался перевернуться. Кати он не видел. Он вообще ничего не видел, потому что его лицо и глаза были залиты кровью.

И рубашка тоже вся в крови.

Катя стояла, оцепенев, совершенно не зная, что делать, смотрела, как движения Карлссона делаются все слабее, пока он наконец не затих совсем.

Появились два милиционера. Один, двумя пальцами, за ствол нес автомат. Потом приехала «скорая» и одновременно с ней – милицмейская машина. В машине приехали трое, один из которых был Кате уже знаком: тот самый Асов, который пытался ее арестовать. Из «скорой» выбрался старенький доктор, наклонился к Карлссону, пощупал шею, покачал головой. Ко второму он даже подходить не стал.

– Это уже не наши, – сказал он Асову, сел в машину и уехал.

И Катя тоже все поняла, повернулась и побрела куда глаза глядят. Она шла так, словно на улице никого нет, и ей уступали дорогу. Потому что человеку с *таким* лицом нельзя не уступить дорогу. А Кате очень хотелось заплакать, но она не могла.

Так она шла и шла, пока не уткнулась в того, кто дороги ей не уступил.

– Катенька, милая, что с вами?

Катя подняла голову и увидела Селгарина.

– Что с вами, Катенька? Что случилось?

Катя молчала. Она просто не могла говорить.

– Пойдемте-ка в машину! – решительно сказал Эдуард Георгиевич и увлек ее за собой.

Катя не сопротивлялась.

И в машине, той самой, красивой, с белыми кожаными сиденьями и откидывающейся крышей (сейчас она была поднята), она наконец расплакалась.

– У меня друг погиб, – прошептала она. – Очень близкий друг... Только что...

– Господи, бедная девочка! – Селгарин обнял Катю, вытер ей слезы пахнущим лавандой носовым платком. – Что же нам теперь делать?

Катя не обратила внимания на это «нам».

– Не знаю... – проговорила она.

– Ладно, поехали! – принял решение Селгарин. – Я знаю здесь поблизости одно спокойное место. Там мы все обсудим и решим, что делать дальше.

Глава тридцать пятая

Олигарх

Эльфийский омолаживающий крем: вечером наносишь на кожу лица, утром твое лицо покрывается превосходными подростковыми прыщами.

Маленький ресторанчик, где Селгарина хорошо знали и называли по имени-отчеству. Столик на двоих в нише у окна, выходящего на маленький зеленый двор. Бесплотный официант, классическая музыка, Григ, кажется...

В другое время Кате бы здесь ужасно понравилось...

Селгарин настоял, чтобы она прежде всего выпила рюмку коньяка. Коньяк был настолько мягкий, что казался сладким. Катя такого никогда не пила. Она ощутила его вкус, даже несмотря на свое состояние. Не спрашивая Катю, Селгарин заказал ей какой-то салатик, пирог... Катя ела, не обращая внимания на то, что ест, но много. На нее всегда нападал жор, когда она нервничала.

Сам Эдуард Георгиевич почти ничего не ел. Выпил стопку водки, закусил махоньким, размером с ноготь, бутербродиком с черной икрой. Потом ему принесли кофе, аромат которого Катя ощутила раньше, чем официант поставил его на стол.

Наевшись, Катя немного успокоилась, выпила еще одну рюмочку, и Селгарин, очевидно, решил, что она готова к разговору.

– Ваш друг – это тот, что упал из окна? – спросил он.

– Откуда вы знаете?

– Я ведь ехал мимо, – пояснил Селгарин. – Видел тело... То есть тела. Нетрудно догадаться.

– Он не выпал из окна, – сказала Катя. – Он упал... с крыши.

– Вы наверняка знаете, что он мертв? Я знаю случаи, когда...

– Он мертв, – безжизненным голосом произнесла Катя. – Я знаю точно. И еще перед этим в него стреляли. Тот, второй... – Она потянулась к рюмке, но рюмка была пуста. Селгарин тут же налил ей еще коньяка.

– Он... Тоже умер?

– Да. Сдох! – добавила она яростно.

– Спокойней, Катенька... – Селгарин коснулся ее руки, заглянул в глаза.

«У него такие же глаза, как у Карины, – отметило Катино сознание. – Может, даже еще синее и еще больше». В прекрасных глазах Селгарина светилось искреннее сочувствие. Он понимал и разделял Катину боль.

– С вами, Катенька, случилось огромное несчастье, – произнес он мягко. – Но боюсь, смертью вашего друга ваши, Катенька, беды не закончатся.

– Почему?

– Если бы он выпал из окна... (С крыши, поправила Катя.)

...С крыши, просто упал, это было бы огромное несчастье. Но если в него стреляли, если его убили, то все намного усложняется. Вы не знаете, почему в него стреляли?

Катя замотала головой.

– Уверены? Вы же сказали – это был ваш близкий друг...

– Не в этом смысле.

– Я тоже – не в *этом* смысле, – произнес Селгарин. – А в том, что вы можете быть посвящены в его... дела.

– Нет! – Катя сказала это чересчур пылко.

Селгарин покачал головой.

– Вы мне не верите? – воскликнула Катя.

– Я – верю. Но другие... Другие могут не поверить. У него могли остаться друзья, которые сочтут вас виновницей его гибели. Могут?

– Могут... – прошептала Катя. Она вспомнила покрытые серой шерстью лапищи тролля, передувшие ее похитителей, как цыплят...

– У него могут остаться враги, которые знают о вашем существовании. Они могут счесть вас нежелательным свидетелем.

– Могут... – прошептала Катя.

Наверняка знают... Ведь какой-нибудь час назад ее едва не украли.

«Беда никогда не приходит одна, – говорила Катина мама. – Всегда – с детками».

«Мама... – подумала Катя. – Мама и папа...»

Сесть на поезд и уехать домой, в Псков. Прямо сейчас. Но паспорт ее остался в мансарде. И деньги тоже. Выбегая из квартиры, она захлопнула дверь, но ключ, к счастью, оказался в кармане. Хоть в этом повезло...

– Не стоит, – сказал Селгарин.

– Что – не стоит?

– Вы думали о том, чтобы вернуться в квартиру. Так вот: этого делать не стоит. По крайней мере – сейчас. Ведь кроме товарищей и врагов вашего друга есть еще и правоохранительные органы. Не думаю, что вам стоит с ними встречаться именно сейчас.

– А что изменится потом?

– Потом, Катенька, может измениться многое, – сказал Селгарин. – Не забывайте, что эта мансарда все-таки не ваша, а наша. То есть принадлежит нашей фирме. И заострять внимание на вашем пребывании там совсем не обязательно. Так удобнее и вам, и нам. В первую очередь – вам, потому что мы умеем правильно общаться с правоохранительными органами, а вот вас они могут обвинить в чем угодно. Им же главное не убийцу найти, а дело закрыть.

– Но зачем его искать! – воскликнула Катя. – Он же тоже разбился!

Селгарин молчал. Многозначительно. И Катя вспомнила, как толстый опер Асов пытался ее арестовать... Он ее наверняка узнает...

– Так что же мне делать, Эдуард Георгиевич? – беспомощно спросила она.

Селгарин погладил ее по руке. Ничего эротического не было в этой ласке: так прикоснуться к ней могла бы и женщина.

– Мы вас не бросим, – пообещал он. – Вы наш сотрудник. Более того, вы – юная красивая девушка. Если я оставлю вас на произвол судьбы, я себя уважать перестану!

– Спасибо... Спасибо вам... – прошептала Катя. Ей вдруг стало легко и спокойно. Она снова была не одна... И тут Катя вспомнила Карлссона и опять разревелась.

Селгарин не стал ее утешать. Дал выплакаться, а когда Катя успокоилась, кликнул официанта, и тот принес позаимствованную у кого-то косметичку.

– Туалет – там, – сказал Селгарин. – Приведите себя в порядок, Катенька. А я пока займусь решением вашей проблемы.

Когда Катя вернулась, Селгарин как раз закончил говорить по телефону. Причем не по мобильному, а по обычному, который принес ему официант.

– Ну вот! – сказал он. – Вопрос вашего временного жилья решен.

– Эдуард Георгиевич, спасибо вам большое! Но можно... Можно я сейчас к подруге поеду, ладно?

– Конечно, – кивнул Селгарин. – Я понимаю. Только от подруги – никуда, хорошо?

– Хорошо. А можно я позвоню?

– Конечно, можно.

Официант снова принес телефон.

– Лейка, это я... Да, случилось. Никуда не уходи, я скоро приеду.
– Ну вот, – сказала она. – Спасибо вам, Эдуард Георгиевич! Я вам, правда, очень благодарна. Я поеду, ладно?
– Не ладно, – возразил Селгарин. – Я вас сам отвезу.
– Ну-у... Мне неудобно... Я могла бы и на метро... – Катя замялась. Она хотела все-таки быстренько заглянуть домой: взять деньги, документы...
– Мне будет очень неудобно, если с вами что-то случится, Катя! – отчеканил Селгарин. – Поэтому я вас все-таки отвезу. И сдам подружке с рук на руки!
Катя не посмела спорить.
– Пойду расплачусь, – сказал Селгарин, доставая карточку.
Он подошел к стойке, но платить не стал.
– Какой номер? – вполголоса спросил он официанта.
– Сто четырнадцать – восемнадцать – семнадцать.
– Чей?
– Еще не пробили, Эдуард Георгиевич! Но Веня уже работает.
– Хорошо. Пусть отзвонит мне на мобильник, когда закончит. Мы уходим. Приберись тут... Ну, ты знаешь... Коньяк дай!
Селгарин вернулся в столику.
– Держите, Катя! – Он протянул ей треугольного сечения бутылку из темного стекла.
– Зачем это?
– Это, Катя, лекарство! – строго сказал Селгарин. – Никаких возражений. Выпьете вечером... с подругой. Всё, поехали!

* * *

– Ну ты даешь, Катерина! – воскликнула Лейка, когда Катя возникла у нее на пороге с кое-как припудренным зареванным лицом, бутылкой коньяка под мышкой и красавцем Селгариным за спиной.
Впрочем, сказала она это уже после того, как Селгарин удалился.
– Ну, что там у тебя стряслось?
Катя села на полочку вешалки, поставила рядом коньяк.
– Карлссона убили, – сказала она.
– Это что, шутка такая? – неуверенно проговорила Лейка. – Ты пошутила, да?
Катя ничего не сказала, только посмотрела на подругу снизу...
Губы Лейки задрожали, лицо ее некрасиво искривилось...
– З-за что? К-как?
– Застрелили. А потом он упал... Сверху на асфальт. С нашей площадки.
Лейка опустила на полочку рядом с Катей.
– Вот, блин, такая... Что за жизнь, ну что за говно такое всегда... – проговорила она вдруг осипшим голосом, уткнулась Кате в плечо и заревела.
А Катя сидела, как каменная. Она уже все выплакала.
«За что? За что?» – вертели у нее в голове сказанные Лейкой слова.
И всё вдруг стало таким ненужным, бессмысленным... И институт. И Дима. Вообще всё.
– Ты знаешь, какой он, какой... – бормотала Лейка сквозь рыдания. – Он такой добрый... был. Такой сильный... Я, Катя, всегда о таком старшем брате мечтала... Я как его увидела... И мне, знаешь ли, плевать было, что он богатый, что иностранец...
«Знала бы ты, какой он „богатый иностранец“», – подумала Катя.
А Лейка все бормотала и бормотала... Катя не сразу поняла, что она такое говорит...

Оказалось, Карлссон был здесь, у нее. Что тогда, после вечеринки, она все-таки заманила его к себе домой. И не только домой, но и в постель... Катя почувствовала легкий укол ревности. Хотя не укол, так... Шевельнулось что-то... И пропало. Неважно все... Впрочем, это был один-единственный раз...

– Нет, ты не думай, он нормальный был... мужчина. Все у него, как надо. И даже лучше... – Лейка всхлипнула. – Только я сразу поняла, что я ему – как-то не так... Он, конечно, деликатный такой... был. Не сказал ничего, но я все равно поняла... Это чувствуется, ну, ты знаешь... Хотя откуда тебе знать... Ох, Катька! – И заревела еще пуще.

«Да, откуда мне знать? – подумала Катя. – Хотя нет, я-то как раз знаю. Я ведь его тоже совсем не так чувствовала, как, например, Димку... Даже Стасика... О чем я думаю? Его же убили. Сегодня...»

Катя вспомнила, как Карлссон лежал и скреб рукой асфальт... И никто ему не помог. И она тоже. Испугалась? Нет, не испугалась... Как-то неправильно все! Надо было броситься к нему! Надо было кричать, требовать у этого доктора, чтобы его лечили, чтобы ему... А его накрыли пленкой, как... как мертвую собаку, а она – ничего. Бросила его и ушла...

«Сволочь я! – подумала Катя. – Сволочь и больше никто! Он бы меня так не бросил!»

– ...Он еще ко мне приходил... Два раза. Только между нами уже ничего не было, просто сидели, разговаривали... О тебе тоже. Он такой был... Ну как никто! – Лейка посмотрела на Катю красными заплаканными глазами. – Я, наверное, в него влюбилась, Катька! А он – все время с тобой был. Я знаешь как на тебя злилась иногда! А теперь вот...

– Хватит реветь, Лейка! – сказала Катя.

И так это у нее сурово получилось, требовательно и по-взрослому, что Лейка сразу перестала плакать, но смотрела на нее теперь таким жалким собачьим взглядом... И была так непохожа на обычную активную самоуверенную Лейку...

«Я, наверное, тоже на себя теперь не похожа», – подумала Катя.

– Сейчас я дам тебе ключ от мансарды, – сказала она. – И ты поедешь и заберешь мои документы, деньги, кое-что из вещей. Я ведь в чем была, в том и выбежала, а мне туда возвращаться нельзя.

– Почему нельзя? – глуповатым голосом спросила Лейка.

– Потому что я – свидетель. Потому что я все видела, и еще... Меня сегодня опять... едва не убили.

– Как это?

– Потом расскажу. А сейчас давай езжай. А то поздно будет.

– Ага, я сейчас, сейчас поеду... – Лейка всхлипнула... последний раз. И пошла одеваться.

Вернулась она часа через полтора. Все это время Катя просидела на балконе в каком-то ступоре. Бездумно смотрела вниз, во двор. Лейку она увидела, когда та появилась из-за угла. Подруга была одна и тащила Катину синюю сумку.

Катя пошла открывать.

– На! – Лейка бросила на пол сумку с вещами, сбросила босоножки, прошла в комнату и плюхнулась на диван. – Слушай, ты почему в темноте сидишь? Нет, сначала балкон закрой, а то комары налетят! А где коньяк, который ты принесла? Не выпила еще? Неси!

Катя послушно выполнила все, что сказала подруга.

– Ого! – сказала Лейка, разглядывая бутылку. – Мартель двенадцатилетний. Не слабо! Поройся там, в холодильнике, найди чего-нибудь закусить. И ты, это... Есть хочешь?

Катя покачала головой.

– А я хочу. У тебя там на кухне окно разбито... Даже в коридоре стекла.

– Я знаю, – безразлично проговорила Катя. – Это – пулями.

– К-как – пулями? – Лейка даже привстала.

- Так. Я же говорила – в нас стреляли.
- В *вас*? И... в тебя тоже?
- Может, и не в меня специально... А может, и в меня тоже. Я же тебе говорила, что меня хотели украсть.
- Господи, Катька! И ты так спокойно об этом говоришь!
- А что мне, кричать?
- Ну-у... Не знаю... Нет, этот сыр отнеси обратно, он уже старый, там другой есть. Слушай, а как это – тебя украли? Кто? Да ладно, хватит! Сядь ты, не мельтеши! Рассказывай!
- Катя послушно села.
- Мужики какие-то затащили в джип, хотели увезти...
- Что ты говоришь! Слушай, а ты уверена, что они хотели увезти именно тебя, а не просто... Ну, ты понимаешь...
- Может, и так... – Катя задумалась, вспоминая, потом покачала головой. – Нет, точно меня. Они в машине говорили между собой, что, мол, глупо целую команду... Нет, целую бригаду, их четверо было, засылать на малолетку, на меня то есть. А главный их сказал: заплатили вам достаточно, так что нечего ворчать.
- Но они тебя по имени не называли? – допытывалась Лейка. – Может, им просто заплатили за девушку, все равно какую?
- Да не знаю я! – вдруг вспыхнула Катя. – Что ты ко мне пристала!
- Я не пристала, а просто спросила! – Лейка тоже повысила голос. – Не хочешь – не говори! На вот! – Она сунула Кате бокал с коньяком. – Давай! Чтоб земля ему пухом!
- Угу, – Катя потянулась – чокнуться, но Лейка отдернула руку, едва не расплескав коньяк.
- Ты что! За покойников не чокаются!
- Я не знала... – Катя едва пригубила и поставила бокал на стол. Пить ей не хотелось. Хотелось уйти куда-нибудь... Побывать одной...
- Лейка посмотрела на нее и тоже поставила бокал.
- Ты извини, Катюха, что я на тебя кричу, – проговорила она грустно. – Просто такое говно на душе...
- Она села поближе к Кате обняла ее, шмыгнула носом... Потом вдруг спохватилась:
- Кать, ты бы глянула, то я тебе принесла или нет?
- Пакет с деньгами и документами нашла?
- И кошелек. Всё есть. Ты посмотри вещи.
- Потом, – сказала Катя. – Лейка, можно я прилягу? Что-то меня знобит...
- Конечно! – Лейка вскочила. – Сейчас я тебе постелю. На родительской тахте, ладно?
- Да мне все равно.
- ...А ночнушку я тебе свою дам... Ты в ней утонешь, конечно...

Примерно через час (сон к Кате всё не шел: перед глазами вставали то стрельба на крыше, то распластанный на асфальте Карлссон) Лейка, тоже в ночной рубашке, скользнула к Кате под одеяло, прижалась, теплая, мягкая... Живая...

- Мне там одной страшно, Катька...
- Катя молча обняла ее.
- Кать, – через некоторое время проговорила Лейка. – А как ты тогда выпуталась? От тех, в джипе?
- Как?
- Сказать о тролле? Так Лейка еще решит, что у Кати с головой не в порядке.
- Я убежала.
- Да ты что! Просто так убежала? От четверых бандитов?

– Не совсем просто... Там тоже стрельба началась... Я выскочила из машины и спряталась.

Теперь можно было не врать, и Катя в подробностях рассказала, как она отсиживалась между гаражами и как ее потом чуть в милицию не забрали. И про подполковника, что ее выручил. И про мороженое.

– Никогда бы не подумала, что ты такая... ловкая, – с уважением сказала Лейка. – Слушай, а как они узнали, что ты в этот день в офис придешь?

– Я не знаю.

– Может, они телефон твой прослушивали? – предположила Лейка. – Или человек у них был – за тобой наблюдать? Ты в офисе долго просидела?

– Долго. Часа два.

– Ну вот! Пока ты там была, они и подготовились! А может... – Тут Лейка понизила голос, словно ее могли подслушать: – А может, это Сережкин папаша их нанял?

– Да зачем ему? – удивилась Катя.

– Ну, я не знаю... Слушай, а этот... С которым ты пришла. Он кто?

– Это по работе, – сказала Катя. Ей вообще не хотелось говорить.

– Работает у Сережкиного отца?

– Не совсем. Он вообще-то хозяин. Сережин отец у него директор.

– Ух ты! Я так и подумала, что он – крутой! Он за тобой ухаживает, да? То-то ты Димку все время отшиваешь! Теперь мне понятно!

– Лейка! – не выдержала Катя. – Может, ты заткнешься, а? И так ведь тошно!

– Тошно... – согласилась Лейка. – Мне тоже, Катька. Я потому и болтаю, ты не обижайся, ладно?

– Ладно.

Лейка некоторое время молчала, но потом не выдержала:

– Ты знаешь что, ты этому своему... хозяину про похищение расскажи. Мало ли...

– Расскажу, – пообещала Катя. – Давай, Лейка, спать. День завтра будет тяжелый.

Но уснула она не скоро. И Лейка тоже. Обе лежали молча и тихонько: каждая старалась не разбудить «спящую» подругу.

Если бы девушки знали, что ждет каждую из них завтра, они бы вообще не смогли уснуть.

Глава тридцать шестая

В морге

Тролленок спрашивает мать:

– Мама, а с мертвецами можно разговаривать?

– Можно. Только они не отвечают.

– Здоровый буйвол, – сказал патологоанатом.

– Не то слово, – сказал ассистент-практикант, выпил спирт, поморщился. – В него дюжину пуль всадили, а он еще брыкался. И этого, второго, тоже он наверняка с крыши спихнул... С фунтом свинца в организме. Не слабо, да?

– Да, – согласился патологоанатом, налил из мензурки себе и коллеге. – Только не дюжину, а шестнадцать. Я входные отверстия посчитал. И что характерно: выходных – ни одного.

– А-а-а... Я не обратил внимания, – пробормотал практикант. – Это, наверное, потому что киллер из спецоружия стрелял, с глушителем. Ослабленный пороховой заряд...

– Допустим, – кивнул патологоанатом. – Для одиннадцати пуль это верно, а для четырех?

– Что – для четырех?

– Четыре пули – винтовочные, – с удовольствием сообщил патологоанатом. – Неужели не заметил? Ведь входные отверстия *принципиально* другие!

Приятно чувствовать себя профессионалом.

Практикант промолчал.

– Сомневаешься? – неправильно понял его патологоанатом. – Давай поспорим? На «американку»?

– Да нет, я верю, – пробормотал практикант. Он не знал, как это – «на американку». Подозревал нехоршее...

– Нет, давай поспорим! – настаивал патологоанатом. – Ну хотя бы на интерес! Ну-ка пойдем! – Он решительно встал. Выпитый спирт приятно подогревал организм, но никак не отражался на координации. И руки не дрожали. Вот что значит опыт!

– Сейчас посмотрим, посмотрим... – бормотал патологоанатом, натягивая перчатки. – Посмотрим... – Он повернулся к практиканту. Лицо у практиканта было розовое и растерянное...

– Его нет, – слегка заплетающимся языком сообщил он.

– Кого – его?

– Тела.

– Ну да... Встало на ножки и убежало! – фыркнул патологоанатом, отодвинул коллегу...

Тела не было. На одном столе лежало уже вскрытое тело киллера. Соседний стол был пуст. Второе тело, более интересное, то, которое патологоанатом приберег на десерт, таинственным образом исчезло.

Такого не могло быть. Просто не могло. Патологоанатом зачем-то заглянул под стол... Нет, это невозможно. Покойник весил больше центнера. Вынести такую тушу... Вынести незаметно...

Патологоанатом с подозрением посмотрел на практиканта. Может, этот сопляк решил над ним подшутить?

Нет, вряд ли. Вносили тело, пыхтя и матерясь, четыре здоровых мужика. Такому задохлику его точно не унести. Да и по роже видно – не он. Ишь как перепугался – аж губы дрожат.

И тут как раз позвонили. Из отдела.

– Как там, Михалыч, наших еще не распотрошил?

- Н-нет... пока.
- Мы к тебе сейчас приедем – на опознание.
- Стрелка?
- Нет, второго.
- Не получится, – вздохнул патологоанатом.
- Почему? – удивился опер. – У него же морда в порядке была...
- А теперь – нет.
- Ну ты даешь, Михалыч! Ладно, мы едем. Пускай по косвенным опознает.
- Не получится, – вздохнул патологоанатом. – Косвенных тоже нет. Ничего нет, мужики.

Пропало тело!

- Ты там как, в норме? – спросили в трубке.
- В норме. Я свою норму знаю! – Патологоанатом неожиданно рассердился. – Сказано – пропало тело! Хочешь – приезжай и ищи!
- Как это – ищи? – опешил собеседник.
- А это уж тебе видней. Ты сыскарь, а не я! – Патологоанатом бросил трубку, поглядел на практиканта. – Ты чего трясешься? Ничего нам не будет, понял?

– П-понял...

– Тогда пошли, – велел патологоанатом, сдергивая перчатки. – Там еще спирт вроде остался...

– Слышь, Михалыч, я вот что думаю... – сказал практикант, когда спирта уже не осталось. – Может, это оборотень?

– Хренооборотень! – буркнул патологоанатом. У него уже сложилась своя версия. – Тут тебе не там! – Он сделал жест в сторону старенького телевизора. – Дружки его уволокли, не ясно, что ли?

– Чьи дружки? – не понял практикант. – Как это?

– А так! Нет тела – нет улики! Скажи спасибо, что нас с тобой мимоходом не зарезали!

– А-а-а... – Практикант с опаской посмотрел в сторону двери. – Слышь, Михалыч, а как это? Дверь же закрыта.

– А ты проверь!

Практикант встал (его заметно пошатывало), подошел к дверям, толкнул – и оказался во внутреннем дворике. Вторая дверь, ведущая наружу, была заперта. На засов. Дворик был маленький и пустой. Спрятать здесь что-то было абсолютно невозможно. Практикант с опаской посмотрел вверх. Там были голые стены и блеклый прямоугольник пасмурного неба. М-да... Дела... Практикант покопался в кармане, нашел смятую денежку...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.